

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
КОЛЛЕКЦИЯ

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ
ТОРГОВЕЦ ЭПОХАМИ

КНИГА 1. РАЙ И АД ЗЕМЛИ
КНИГА 2. СПАСЕНИЕ ИЗ АДА

Юрий Иванович

**Рай и ад Земли. Спасение
из ада (сборник)**

«ЭКСМО»

2009, 2010

Иванович Ю.

Рай и ад Земли. Спасение из ада (сборник) / Ю. Иванович —
«Эксмо», 2009, 2010

ISBN 978-5-699-58469-7

Дмитрий Светозаров, русский бизнесмен, живущий в Европе, обладает уникальной способностью проникать в параллельные миры. Этим своим даром Дмитрий пользуется вовсю, организуя для богатых людей тайные частные экскурсии в иные реальности. Но в нашем мире трудно удержать в секрете подобные путешествия, и «торговцем эпохами» вплотную занялись спецслужбы... Уходя от преследования, Дмитрий Светозаров переносится в королевство Ягонов. Вслед за ним в незнакомый мир перемещается группа спецназовцев, которые еще недавно были противниками «торговца эпохами», а теперь стали закадычными друзьями. В королевстве царит полный хаос и беспредел, жрецы-экстрасенсы владеют не только телами, но и душами королевских подданных, подавляя малейшее сопротивление... Увлекательные приключения, искрометный юмор, острый сюжет в лучшем «попаданческом» цикле Юрия Ивановича!

ISBN 978-5-699-58469-7

© Иванович Ю., 2009, 2010

© Эксмо, 2009, 2010

Содержание

Рай и ад Земли	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	42
Глава 5	59
Глава 6	68
Глава 7	77
Глава 8	86
Глава 9	95
Глава 10	102
Глава 11	111
Глава 12	119
Глава 13	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Юрий Иванович
Рай и ад Земли. Спасение из ада (сборник)

© Иванович Ю., 2012

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

Рай и ад Земли

Пролог

Прокоп Скауди полагал себя не только самым знаменитым экстремалом в мире, но и самым знаменитым экстремалом среди миллионеров. Ибо общеизвестно: очень богатые личности могут позволить себе такое, что простым, пусть даже и очень рисковым людям, и не снилось. И за свои миллионы Прокоп разрешал себе все, что душа пожелает.

Вот и сейчас он готовился испытать еще одно, ни с чем несравнимое, по словам организаторов, ощущение. Хотя и осматривался Прокоп вокруг себя с явным разочарованием и скепсисом. Он находился на открытом поле, покрытом потрескавшимся солончаком, который густо пробивали пересохшие травинки. В пятистах метрах перед ним находился холм, из-за которого и ожидалось, по сценарию, появление того самого обещанного экстрима. Припекало солнышко, буднично звенели цикады, лицо освежал ровный, без перепадов упругий ветерок.

Миллионер уже с некоторым раздражением оглянулся назад. Там, в трех километрах, виднелся еще один холм, глиняный, размытый дождями и изборожденный ветром, за которым скрывался вертолет, их сюда доставивший. А прямо на желтом фоне глиняного холма красовался организатор всего нынешнего представления. Молодой, однако уже легендарный в узких кругах мужчина, восседающий за рулем роскошного мотоцикла с коляской. Даже с такого расстояния Прокоп заметил, как мотоциклист успокаивающе махнул обеими руками. Мол, подождите еще немножко.

«А чего ждать?! – все больше раздражался миллионер. – Когда мы подлетали, я отчетливо рассмотрел пространство за этим холмом: голая степь на многие десятки километров. Да там и суслику негде спрятаться, не то что конному рыцарю. Разве что под землей что-то построили? Ха! Сколько они там могут поместить? А ведь этот пройдоха обещал самую что ни на есть жуткую атаку тяжелой рыцарской конницы полноценным королевским полком. Правда, так и не признался, сколько рыцарей состоит в этом полку. Ну, пусть только попробует мне подсунуть жалкий десяток каких-то задохликов в консервных банках! Сдеру с него всю неустойку в тройном размере! Мало того...»

Недовольные рассуждения Прокопа прервал легкий вибрирующий гул, и он тут же с новым интересом повернулся к так называемой сцене. Как раз вовремя. По всему гребню одновременно показались вначале верхушки копий и пышные султаны, потом – шлемы и конские головы, а уж затем и рыцари в полном облачении, величественно восседающие на забранных в бронированные попоны лошадях. Вернее, даже не на лошадях, а на мастодонтах, словно специально выведенных для ношения невероятного по тяжести железного груза.

У любителя экстрима глаз был натренирован не хуже, чем его непомерная хватка бизнеса, подкрепленная неисчислимой наличностью в банках. Поэтому он и с расстояния в полкилометра прекрасно мог заметить несоответствие в масштабах и размерах. По его прикидкам получалось, что любой рыцарь ростом был под два метра, да и их битюги заметно превосходили по высоте любые нормы. Чтобы достать до луки седла, обычному человеку пришлось бы вытянуть руки над головой.

Опытный Прокоп сразу разгадал загадку:

«Да ведь они в основании холма подвели специальный газ, а теперь его пустили в воздух. Недаром так дотошно и скрупулезно выбирали время представления, освещение и настаивали именно на этой точке. В это время лучи солнца преломляются в газе под определенным углом и создается увеличительный эффект. Ну что ж, пока еще ничем особо не удивили. Хотя коли-

чество всадников впечатляет. И где только они прятались? Для такой банды надо было вырыть самолетный ангар. Или они весь гонорар тратят и еще свои докладывают? Хе!»

Действительно, только в первой шеренге располагалось около восьмидесяти рыцарей. Все они выстроились идеально прямой линией и, выхватив короткие орудия, похожие на булавы, стали синхронно колотить по собственным щитам. Грохот даже на таком расстоянии получился ужасающий.

«Ага! – с пренебрежением усмехнулся Прокоп. – Начинают психическую атаку шумовыми эффектами. Старо как мир...»

Но какое-то тянущее, неприятное чувство этот грохот определенно вызывал. Так и хотелось встряхнуться, сбрасывая давящее наваждение, как делают собаки. На этом шумовые эффекты не кончились. Сначала с довольно мерзким низким звуком загудела поднятая во второй шеренге труба. Еще более мерзким тоном ей вторила другая – и в этот момент стена всадников дрогнула в едином первом шаге. Так и продолжая колотить булавами по щитам в ускоряющемся темпе, весь строй рыцарей стал накатом спускаться с холма. Как ни странно, при беглом подсчете рядов оказалось более десяти. И вот тут другой грохот стал перекрывать лязг железа – грохот огромных копыт по пересохшей земле. Когда тяжелая конница набрала скорость, земля под ногами у Прокопа стала вибрировать и сотрясаться.

Добавился рев третьей трубы. Булавы слаженным движением оказались прикрепленными к лукам седел. Похоже, гигантские кони достигли максимума своей скорости, и теперь первая шеренга этих храпящих мастодонтов напоминала миллионеру широкую танковую гусеницу, которая перемалывает в пыль любой грунт под собой. Белое облако уже покрывало коней чуть ли не по грудь. Внизу просматривались только мерно вздымающиеся копыта, взбивающие и подбрасывающие комья земли.

Четвертая труба включилась в дело, когда дистанция сократилась до ста метров. По этой команде все копыта приподнялись, а затем острия опустились вниз, на линию атаки. На восьмидесяти метрах рев усилился сразу несколькими трубами – и после этого рыцари принялись кричать. Причем не что-то, напоминающее привычное «ура!» или просто «а-а-а!». Скорее этот всеобщий крик берсерков напоминал рычание голодного динозавра.

На пятидесяти метрах Прокоп запаниковал и нервно оглянулся: мотоцикла с коляской и самого организатора нигде не было! Быстрый взгляд на фланги подтвердил, что рыцари так и идут прямой линией и в стороны, создавая расходящийся строй, подаваться не собираются. На тридцати метрах ищущему острых ощущений миллионеру вдруг пришла в голову одна-единственная фраза одного из своих самых опасных недоброжелателей: «Ты у меня, козлина, умрешь самой экзотической смертью!»

На дистанции в двадцать метров Прокоп Скауди понял, что его подло и коварно подставили! За собственные деньги он добровольно угодил в смертельную ловушку! Передняя линия шла так кучно и грозно, что раздаться в стороны у рыцарей уже не получится при всем желании. А на десяти метрах стало понятно, что и остановиться они просто не успеют. Неимоверная масса железа и плоти просто по законам инерции не успевает остановиться на таком мизерном отрезке.

И когда до тяжелой кавалерии оставалось всего лишь пять метров, переставший дышать от страха миллионер уловил вместе с донесшейся до него пылью острый запах разогревшихся животных и кисловатый привкус падающего на него железа. И уже уходящим в небытие сознанием он отдаленно уловил произвольные сокращения кишечника. Ноги у Прокопа подогнулись, глаза застлало кровавым туманом, и в этом красном обрамлении он увидел вздымающиеся прямо на него, огромные, с его голову, копыта. А дальше – полный мрак безвременья и бесчувствия.

– Ну, как отдохнули? – Главный исполнитель заказа выглядел невероятно учтивым, готовым выполнить любое желание клиента.

– Нормально. – Глаза лежащего человека пугливо обежали комнату и вновь с подозрением уставились на стоящего у стола молодого человека. – Давно я тут валяюсь?

– Да нет, что вы! Вас только минут пять как раздели санитарки и уложили в постель. Еще и доктор не успел приехать. Хотя нет, кажется, вижу его машину во дворе... Вон, видите, часы на стене? Да и ваш «ролекс» – вон, на тумбочке. Минут десять еще потратили на дорогу. Минуты три – пока я вас отыскал в этом облаке и погрузил в коляску мотоцикла. Ну и сразу хочу принести вам самые искренние извинения. Ребята явно перестарались, подняли слишком много пыли, переборщили с шумовыми эффектами – вполне естественно, что даже ваш крепкий организм не выдержал такой концентрации впечатлений. Вдобавок на этот раз кавалерия решила не расходиться возле вас в стороны, а просто перепрыгнуть одиноко стоящего зрителя. Тренированные животные это делают без труда. Да вот только облако пыли не рассчитали. Вы просто немного задохнулись, поэтому и случился обморок. Но по сути условия сделки мы выполнили. Мне кажется, ощущения вы получили по максимуму. Не правда ли?

Пока длился этот монолог, лежащий на кровати человек лихорадочно размышлял:

«Если часы не подведены и сходятся с моими, а мои потом сойдутся с точным временем, то и вправду с момента обморока прошло не больше четверти часа. Следовательно, то, что я обгадился, – просто игра моего перепуганного воображения. Или... – Заметив, что молодой человек в процессе рассказа стал прохаживаться по комнате и как раз отвернулся, Прокоп приподнял одеяло на груди и опустил резко колени. Окутавшая ноздри волна запахов ни в коей мере не напоминала пугающую вонь. – Да нет, вполне нормальный запах тела. Не могли они меня так быстро и тщательно отмыть. И трусы на мне мои... сухие...»

На последний вопрос следовало отвечать, и Прокоп выдавил на своем лице покровительственную улыбку:

– Да, скрывать не стану, вам удалось меня поразить по полной программе. Аванс вами отработан с излишком, и я сию же минуту подпишу давно приготовленный чек на остальную сумму.

Миллионер протянул руку к стоящему с другой стороны кровати стулу и вытянул из своей куртки чековую книжку. При этом он опять-таки не сдержался, склонился чуть больше положенного и принялся к своей одежде:

«Да нет! Брюки жутко пропылены, но запаха подозрительного нет. Что это на меня нашло?...»

Когда чек был подписан и вручен молодому мужчине, тот сделал серьезное лицо и перешел на сухой канцелярит:

– Еще раз хочу напомнить: вы давали подписку о категорическом неразглашении сути испытанного вами удовольствия. Там указывается, что в противном случае к вам будут применены самые жесткие меры.

– Вы меня пытаетесь запугать?! – с пафосом спросил Прокоп.

– Ни в коем случае. Просто пытаемся сами оберегать наших уважаемых клиентов.

– Однако! – стал непроизвольно закипать миллионер. – Хочу вам напомнить, что меня пугать нечем! Моя жизнь прозрачна и чиста, а нескольких эпизодов разврата, которые имеются, мне стыдиться нечего. Сам жду случая, когда о них узнают мои завистники.

– Тем не менее я прошу вас еще раз устно подтвердить подписанное ранее соглашение.

– Хм! Подтверждаю. – После этих слов любитель экстрима ехидно усмехнулся: – Наверняка снимаете на видео наш разговор?

– Конечно. Чтобы потом, при нежелательном развитии событий, вам же об этом напомнить.

– Да в гробу я видел ваши намеки! – Рассерчавший миллионер резко сел в кровати. Отброшенное одеяло открыло сильно заросшее черными волосами тело. Но похоже, хозяин волосяного покрова совершенно его не стеснялся. Его ноги, словно окутанные вязаными носками из черных ниток, твердо встали на пол, а глаза едко сузились. – А своей кличкой Горилла я даже горжусь. Понятно вам?

– Как вы знаете, я не расист и не делю людей по внешним признакам. Толерантен ко всем честным и порядочным. Просто хочу вам напомнить один случай из нашей практики. Вы помните герцога Штаусе из Швейцарии? – Дождавшись утвердительного кивка миллионера, молодой человек продолжил: – Так вот, он проигнорировал подписанное с нами соглашение и разболтал суть нашего контракта судебным структурам. В результате ему не помогли ни его прославленная родословная, ни знаменитые поручители, ни многочисленные миллионы. Сейчас он находится в психиатрической лечебнице и, как утверждают светила медицины, неизлечим. Если желаете, мы покажем вам соответствующие видеодокументы.

– Наверняка подделка.

– Решать вам.

– Нет, не желаю!

Словно дождавшись этого последнего восклицания, дверь в комнату открылась и спешно вошел импозантный мужчина, у которого на лбу словно было написано, что он самый уважаемый и высокооплачиваемый доктор в округе.

– Кто тут у нас приболел?

Молодой человек промолчал. Только деликатно перевел взгляд на волосатого миллионера. Но тот показательно скривился:

– Да я здоров как бык!

Тут же доктору были принесены пространные извинения за ложный вызов, подкрепленные заверениями:

– Бесспорно, оплата вашего визита будет произведена полностью. Но раз уж вы здесь, приглашаю вас на чашечку кофе.

Местное светило медицины польщенно улыбнулось и направилось к выходу со словами:

– Времени, конечно, в обрез, но если вы угостите еще и тем благородным коньяком...

– Вы могли сомневаться? – Молодой человек уже закрывал за собой дверь, когда до ушей миллионера долетели последние слова: – Лучший кофе всегда пьется только с самым лучшим алкогольным напитком. А вот на закуску...

Прокоп Скауди еще раз раздраженно фыркнул, надел свой «ролекс» себе на запястье, сверил время с настенными часами и стал поспешно одеваться.

Глава 1

Приманка

Кажется, если ты ослепительно красива, изумительно сложена и не по годам умна, то любое твоё начинание обязательно завершится удачным воплощением в жизнь. И все-таки, многое еще зависит от натуры: характера, устремлений, чаяний. От тяги к приключениям, наконец! Будь Александра просто удачно вышедшей замуж красавицей, она, естественно, выбросила бы из головы все глупости, покончила бы с авантюризмом, нарожала бы детей – и, словно заботливая наседка, хлопотала бы над ними, воспитывала мужа да опекала домашний очаг. Более того, по ее собственному глубокому убеждению, даже превратившись в недалекую клушу – хранительницу домашнего очага, она была бы счастлива и довольна жизнью. Ведь пока что любое дело, за которое она бралась в свои двадцать четыре года, у нее получалось просто на «отлично». Александра и сейчас была почти счастлива, но именно это невзрачное «почти» и портило ей настроение с самого утра. Направляясь из дома в офис, она вела машину с такой злостью и остервенением, что наверняка нарушила весь свод дорожных правил в пятикратном размере. И только каким-то невероятным чудом не привела за собой на хвосте целое стадо полицейских машин с воющими от злости сиренами.

А виной всему стал ее шеф. Несносный старый солдафон с никчемным, атрофированным чувством юмора и извращенными понятиями о морали, совести, любви и прочих нормальных человеческих чувствах. А вдобавок ко всему он наверняка еще в детском садике забыл о таком понятии, как жалость. Иначе просто нельзя было объяснить ту жесткость, с которой он ни свет ни заря поведал своему агенту о немедленном завершении отпуска и вызвал на инструктаж. Впервые в своей жизни баловница судьбы, наездница фортуны и наипервейшая красавица всех контор и разведок решила взбунтоваться. И высказать в глаза шефу все, что о нем и об этой гребаной работе думает. С болью в сердце она оставила на своей огромной кровати милейшего, обаятельного, особенно в спящем виде, красавчика, с которым уже третьи сутки предавалась страстному и безумному блаженству, и с самым решительным настроением помчалась в офис своего непосредственного руководителя. А после разрешения войти прикрыла плотно за собой дверь и выплеснула из себя все накипевшее:

– Да что же это творится, уважаемый Пыл Пылыч?! Не ты ли мне неделю назад лично вручал отпускные на три месяца и торжественно клялся, что никто меня за это время не потревожит? Неужели в кои-то веки нельзя дать мне отдохнуть и расслабиться?! Один раз в жизни повезло встретить подходящего парня – и вместо устройства собственной жизни я должна подрабатывать сверхлимитно? Да имей совесть, мне ведь тоже хочется устроить личную жизнь...

И тут на нее обрушилось такое, что при всей своей беспредельной фантазии Александра и представить не могла. Шеф грохнул двумя кулаками по столу и заорал так, что его наверняка услышали в соседнем квартале:

– Да мне на...рать на твою личную жизнь!!! И на твоих «подходящих»...барей! Мы тут работать должны! А не фуйней в расслабке заниматься!!! И про отпуск твой драный забудь немедленно!!! И попробуй еще раз на меня свой рот открыть с претензиями и назвать Пыл Пылычем! Собственноручно язык вырву!!!

От несущегося на нее рева девушка непроизвольно грохнулась в кресло и с вытаращенными глазами рассматривала сидящего перед ней мужчину. За последние два года она многое от него повидала, частенько они даже переругивались, а порой и грызлись. Но чтобы так орать на свою подчиненную? Притом на одну из лучших. Это в голове не укладывалось. Да и Пыл Пылычем она его с первых дней называла без всяких обид в ответ. А сейчас не иначе как случилось что-то страшное. Или шеф уже находится в предсмертной горячке после укуса особо крупной мухи цеце. Может, и змею у себя за пазухой он нечаянно придавил – вот она

его и укусила... прямо в левый сосок. Поэтому лучший агент женского пола сразу включила свою соображаловку, оттолкнула взбесившуюся обиду в сторону и дала слово хитрой и осторожной лисичке:

– Павел Павлович, что случилось-то? Я ведь явилась как пуля, да и поворчать все мы любим спросонья. Но кричать-то зачем?

Она и словом не намекнула, что обиделась на такое лютое хамство. Наоборот, придала своему личику выражение детской наивности и непосредственности в смеси с испугом. Да еще и руки пред грудью сложила словно в молитве. А уж как трогательно и беззащитно посмотрела в глаза разошедшемуся грубияну, что даже такой монстр и ветеран психологических превращений поддался на это и тут же сделал вид, что чуть-чуть раскаивается в содеянной вспышке гнева:

– Ночь не спал... Да еще и всякие идиоты мне последние нервы рвут.

Он вовсе не относил сидящую перед ним красавицу к классу идиотов. Видимо, те его доставали и выводили из себя в течение последних суток. Уже один только факт, что шеф пытается сделать вид, будто оправдывается, мог заставить гордиться собой любого агента. Но – не Александру. Она тут же попыталась закрепить успех и мастерски выдавила из своих глаз две слезинки:

– Павлович, а ведь я к тебе как к родному отцу отношусь...

И вот тут она, скорее всего, переиграла. Чуть расслабившиеся черты лица ее начальника вмиг окаменели, и он уже более спокойным, но при этом совершенно сухим, деловым голосом спросил:

– Будь я в полном «бронике», куда бы ты стреляла?

– По локтям и коленным чашечкам, – последовал профессиональный ответ.

– Вот видишь, а говоришь «отец»... Зачем же тогда мучений мне желаешь? В глаз надо такого, как я, стрелять! Только в глаз! Иначе и сама быстро копыта отбросишь.

– Фу, как вульгарно, – томно выдохнула Александра, доставая белый платочек из внутреннего кармана курточки и жестом, отточенным многовековой женской печалью, прикладывая его к глазам.

– Хм! Зато голая правда, без всякой лжи и обманных слез. И перестань тут передо мной кривляться, без тебя тошно.

– Увы, я тоже не могу похвастаться, что сдерживаю позывы к рвоте с присущей мне легкостью, – не осталась в долгу красавица.

– Слушай, Шурка, да у тебя с детства рвотного рефлекса не было. Уж я-то знаю!

Когда он переходил на такое интимное обращение, значит, можно было считать его гнев успокоившимся. Поэтому Александра воскликнула с некоторым торжеством:

– Ага! Значит, все-таки, Пыл Пылыч, ты и в самом деле мне отцом доводишься, если про детство помнишь?

– Это я так, образно...

– Тогда переходим к делу. Раз уж отпуск кончился, наверняка это нечто экстраординарное – и благодаря моему вмешательству удастся спасти как минимум всю земную цивилизацию.

Шеф на такое наглое заявление, которое он, по логике, должен был сделать первым, ударился в препротивную молчанку – и только буравил сидящую перед ним женщину тяжелым, в сто раз худшим, чем рентген, взглядом. При этом он умудрялся не моргать. Да только Александру давно такие взгляды не шокировали. Девушка научилась так ловко перефокусировать свое зрение, что с любой стороны казалось, будто она смотрит только на собеседника. На самом деле она почти ничего не видела, цепляясь за точку в пространстве перед собой и пребывая, по своему желанию, в собственном воображаемом мирке. И только каким-то периферийным участком зрения следила при этом за окружающей обстановкой. Пожалуй, это было единственное, что могло вывести шефа из равновесия. Другие его подчиненные и минуты не выдерживали

вали при таком противостоянии. А тут эта едва ли не нимфетка сидит и даже не вздрагивает. Тяжело вздохнув и прекращая игру в гляделки, Павел Павлович чмокнул губами и нехотя признался:

– Действительно, Шурка, есть в тебе некий дар предвидения или пророчества, есть... Недаром тебя хотели разобрать в одном институте на клеточки...

По внутренностям Александры прокатилась парализующая волна ужаса, но внешне она ничем себя не выдала. Даже рассмеялась нахально:

– Чего там разбирать! Такое же дерьмо, как и в каждом уродливом обитателе этого подленького мира. А вот мою доброту и преданность никакими клетками не описать.

– Это правильно, что ты не забываешь о моем к тебе участии и о том, что это именно я убедил их дать тебе относительную свободу. Здесь, у нас, от тебя гораздо больше пользы, чем на разделочной колоде.

При последнем сравнении перед внутренним взором девушки возникла-таки та самая окровавленная мясницкая колода, и она слегка вздрогнула, отчетливо представив под огромным топором свои отрубленные пальцы. Теперь проснувшуюся злость она скрывать не стала:

– Ну все, Пыл Пылыч! Ты меня достал! Говори, что надо, не гадь в душу!

Кажется, шеф достигнутым в разговоре эффектом остался доволен. Униженная, втоптанная в грязь и злая на свой же страх подчиненная ему нравилась гораздо больше, чем гордая, умная, своенравная и непокорная. Но по всему чувствовалось, что и ему от кого-то преизрядно досталось на орехи, притом совсем недавно. А то, что ему предстояло сейчас рассказать, не нравилось шефу еще больше. Будь его воля, он бы вообще отказался от дальнейшей разработки, несмотря на жуткие потери. Но выбора ему никто не давал, а действовать другими методами запретили «те самые идиоты». Придется рассказывать все. И начинать с самого печального:

– Пропала «третья» группа. Эксперты гарантируют их тотальную гибель.

На этот раз Александре удалось спрятать волну дрожи, прокатившуюся по внутренностям. Но слишком сухой тон все-таки выдал страх:

– Всех пятерых?

Шеф только кивнул, уставившись на свои ладони. Значит, сомнения не допускаются. Одна из самых опытных и сработанных команд, можно сказать, знаменитая команда, перестала существовать. Трое мужчин и две женщины, о которых в последние несколько лет шепотом рассказывали жуткие и неправдоподобные легенды, сгорели в пламени своего очередного задания. Причем, скорее всего, так оно и было – в самом буквальном смысле. Ведь бесследно избавиться от трупов можно было только при нескольких обстоятельствах: под пламенем дюз реактивного бомбардировщика, сбросив в конвертер с расплавленной сталью, или при «закрытом» взрыве огромной силы. В противном случае благодаря вживленным чипам даже расчлененное на части тело давало о себе знать в течение сорока восьми часов через непомерные дали и многометровые толщи железобетона. Если пять лучших воинов современности дали себя уничтожить одним из подобных способов, значит, произошло нечто экстраординарное, совершенно не укладывающееся в рамки сложившихся жизненных реалий. Не могли такие люди попасть в западню. Но если это все-таки случилось, то вполне понятно, кто и почему «рвал последние нервы» шефу в течение последних суток.

Девушка скомкала носовой платочек в руке и собралась было посочувствовать своему единственному начальнику, как вдруг замерла на полувздохе. Очень, ну очень неприятные мысли забежали у нее в черепушке. Вдобавок Павел Павлович совершенно незаметно перевел свой взгляд с гипнотически шевелящихся ладоней на подчиненную и теперь рассматривал ее сквозь узенькие щелочки век. Словно ждал: до какого логического предела дойдут рассуждения сидящей перед ним девушки. Кажется, она оправдала его ожидания – сникла, словно про-

дырявленная резиновая кукла. И скорее всего, дала себе мысленную клятву молчать до последнего.

Только вот в знании психологии она никак не могла тягаться со старым циничным монстром. Шеф с хрустом покрутил своей бычьей шеей, с сожалением почмокал губами и выдохнул:

– Молодец, сразу догадалась...

Александра подняла глаза, полные слез, на шефа:

– Пыл Пылыч, я ведь не справлюсь. Если уж «третья» не смогла, то куда мне рыпаться?

– А что тут такого, Шурка? Ты уже давно лучший наш агент и не раз этим даже передо мной хвасталась. Гонорары тебе выплачивали почти такие же, как всей той группе.

– Как не стыдно сравнивать? Мне только одну треть платили от их общего оклада.

– Вот-вот, они, помнится, тоже обижались...

– Так ведь у них была самая грязная работа!

– И я о том говорю! – Шеф многозначительно хлопнул ладонью по столу. – Действовали они порой слишком прямолинейно. А в этом деле нужна именно твоя хитрость и изворотливость.

– Уф! – Видно было, что девушка сразу воспряла духом. – Так значит, никого убивать не придется?

При определенном стечении обстоятельств или при особых результатах выполнения задания Александре приходилось и убивать тоже. Причем не раз. Но при этом она всегда считалась наиболее непригодным для подобных дел работником. Потому что при виде трупа или смертельных ран она попросту падала в обморок. Приходилось в каждом таком случае разрабатывать многоходовые комбинации для эвакуации самого ликвидатора. Поэтому чаще всего Александра подстраивала так, что жертва погибала после ее ухода. И делала все с таким артистизмом, фантазией и выдумкой, что смерть заказанного человека выглядела совершенно естественно: в это верили даже родственники и сторонники.

Но вот с самой исполнительницей проблемы оставались. Что только не делали в плане психологической подготовки, переобучения и гипнотического кодирования, но лишь только Александра видела труп – шок накрывал ее с головой и потеря сознания была гарантирована. Причем психоаналитики допускали даже возможность полного помешательства – в том случае, если бы Александра не была уверена в своей правоте и не работала на государство. А ведь контора выполняла деликатные заказы, в которых никак не могли быть задействованы официальные структуры.

Вспомнив об этой неприятной для любого агента особенности подчиненной, Павел Павлович мысленно скривился. На данном этапе устранение объекта отрицалось категорически, скорее уж следовало охранять объект от нелепой смерти, но... Но чего только не бывает. Планы у вышестоящих могут поменяться кардинально – и тогда придется...

Морочить себе голову будущими проблемами не стоило, а с сегодняшними разобраться следовало как можно скорей.

– Да, Шурка, и здесь ты угадала. Но радуешься зря: «третья» ведь все-таки пропала.

– Порой грубая сила не срабатывает, – нравоучительным тоном напомнила девушка, доставая из сумочки пачку шикарных дамских сигарет и вопросительно поглядывая на шефа.

Тот со вздохом подвинул пепельницу к краю стола, потому что сам уже год как не курил. Глядя на клубы дыма, проворчал:

– Когда ты бросишь этой гадостью травиться?

– А вот когда мне не придется больше под разных гадостных мужиков ложиться, тогда и брошу. – После такого откровенного ответа еще и уточнение последовало: – Так хоть этот мерзкий дым сволочной козлиный запах перебивает.

Шеф с недоумением приподнял брови:

– С чего это ты решила, что опять под мужиком работать придется?

– Любую женщину и «третья» бы обработала. Курт, Васька и Дана – это сразу три женоненавистника. Они никакой сучке доверять не станут...

Опять повисла пауза, которую Павел Павлович прервал продолжительным утверждением:

– Да-а-а... – Потом почмокал губами. – Слушай, красавица, может ты сразу отправишься выполнять задание без моих глупых инструктажей? Ведь и так все знаешь, а о чем догадаться не успела – выяснишь по дороге к цели. А? Я твоему предчувствию и предвидению не устаю поражаться: как ты это делаешь?

– Ничего сверхъестественного. Просто логически перевариваю поступающую от вас информацию. – Александра выпустила в потолок последнюю струю дыма и загасила окурочек. – Но с другой стороны, меня такой подход к делу устраивает. Вы даете наводящую фразу, я стараюсь разгадать ее смысл и порассуждать о возможных вариантах. Длительный путь познания – но зато спокойный и безопасный. Мне-то ведь, по сути, спешить некуда, а сверхурочные за работу во время отпуска мне уже идут. Так что... Я вас и дальше внимательно слушаю.

Вопрос оплаты такого дорогостоящего агента и сотрудника для шефа всегда был камнем преткновения. По его глубокому убеждению, любой патриот своей родины просто обязан был так работать за самую обычную зарплату, скажем, инженера. Ну ладно, пусть за три зарплаты! Да и сам он, по его же утверждениям, никогда не жадничал по финансовой части. Чем частенько любил похвастаться. Но вот те суммы, которые бухгалтерия безропотно выплачивала лучшим работникам, порой вызывали у него зубовный скрежет.

Однако сейчас он отнесся к этому разговору на удивление спокойно. Еще и покивал, соглашаясь:

– И тут ты права, денежки тебе уже капают. Да только спешить в данной ситуации никак нельзя. Это раз. Ну а два: мне и самому хочется лишний раз все тщательно вспомнить и продумать. И по ходу ознакомления тебя с делом послушать все твои размышления. Еще лучше – догадки.

– Я что, знакома с объектом?

– Ни сном ни духом. Даже случайно не пересеклись. Никогда. Все проверили.

– Вот оно как?! – Девушка нервно достала вторую сигарету и на этот раз закурила, даже не спрашивая разрешения. – Значит, простым наркобароном или главой преступной группировки тут дело не ограничивается. Все гораздо страшней и... – она с каким-то остервенением затаилась, – и мерзостней.

Шеф самодовольно улыбнулся:

– И тут твои логические рассуждения идут в верном направлении, в сторону усложнения задания. Но ты будешь очень приятно удивлена, когда узнаешь о социальном статусе нашего объекта и полюбишься его внешностью.

– Хм! Неужели такой красавчик?

– Ну, не Ален Делон в лучшие годы своей молодости, но, по оценкам женщин, тянет на семь, а то и на семь с плюсом по десятибалльной шкале.

– О-о-о! – Александра томно закатила глазки. – Самый предпочтительный вариант для работы. Со всеми, кто ниже пятерки, без бутылки и пачки сигарет не переспешь, а те, кто выше восьмерки, – тоже скоты крайнего разлива. Их вообще достаточно только вспомнить, как руки сами тянутся за бутылкой и сигаретами.

– Вот видишь, как тебе повезло.

– А если он еще и президентом окажется... Ну, чего молчите?

Павел Павлович задумчиво поковырял в ухе мизинцем, затем достал пухлую папку из ящика стола и взгромоздил перед собой. Сложил на ней ладони и только потом стал рассуждать вслух:

– Президент?.. Да нет, однозначно не президент. Хотя и окончательно сказать что-либо о нем никто не имеет права. Даже наши великие аналитики. Официально он состоит на должности главы попечительского совета всемирно известного благотворительного фонда. Ну а неофициальный его статус уместается в одном простом слове: Торговец. С большой буквы. В то же время имеются самые веские основания утверждать, что это очень, очень-очень непростой торговец. И понять всю широту его характера и масштаб его силы, можно даже сказать, власти – мы до сих пор не в силах.

– Интригует, – призналась девушка, расправляя плечи. – Но чем же это можно торговать, чтобы до сих пор оставаться в такой густой тени? Наркотиками, рабами, человеческими органами? Или он продает любовные снадобья и привороты? Пожалуй, это было бы единственное, с чем бы не смогли справиться ребята из «третьей».

– Почему? – Шеф подался вперед.

Его подчиненная скривила свое личико в коротком раздумье:

– Потому что никто из них не верил в мистику или сверхъестественные явления. Все пятеро верили только в железную логику и суровую действительность.

– Опять я с тобой согласен. И опять ты сама напомнила о том, что веришь в эту самую мистику. Мало того, и вся ты – не что иное, как ходячий сгусток мистики и конгломерат сверхъестественных противоречий.

– Так уж прямо и вся! – Александра вновь потянулась за сигаретами. – Удалось несколько раз воспользоваться своим умением чувствовать опасность, да очень часто падаю в обморок при виде трупов. Вот и все странности. Зато как вы любите меня этим пугать, вот же стыдно за такой мелочный шантаж!

– Ладно, не будем ссориться, тем более что я тебя всегда ценил именно в качестве работника. Но вот про мистику ты правильный сделала вывод. Объект подходит под эту тему с руками и ногами.

– Значит, все-таки торгует любовными приворотами? Тоже не поверю, не наш это уровень. Там и участковый бы справился.

– Вряд ли. Особенно если учесть, что клиентами нашего объекта являются самые богатые люди планеты.

– Да... – согласилась девушка в некоторой задумчивости. – Те в сердечных снадобьях не нуждаются. Их и так любят.

– И ты бы любила? – не скрыл своего сарказма шеф.

– Очень! Это ведь так здорово – иметь все, что хочешь.

– А если бы он тебе надоел?

Александра и единой секунды не задумывалась:

– Подумаешь! Устроила бы ему чего-то-там-крушение – и всего делов: живи и наслаждайся полной свободой.

– Хм... неблагодарная ты.

– Ваше воспитание. Кто утверждал, что благодарность – путь к смерти через зависимость?

– Было такое, не отрицаю... Но вернемся к нашим баранам. Или, скорее, – к динозавру. Кстати, обращаются к нему только «Дин», а за глаза так и называют: Динозавром.

– Вы еще скажите, что настоящего имени не знаете...

– Только этого позора моей конторе и не хватало. Хотя за многочисленные паспорта наивысшего качества наш объект давно заработал пожизненное заключение.

– Так почему его до сих пор не... – Девушка сделала двумя ладошками жест, обозначающий удушение.

– Во-первых, потому, что не это его нарушение для нас важно. А во-вторых, все его подделки не раз проходили многочисленные экспертизы, и вердикт всегда оставался неизмен-

ным: подлинник. То есть Динозавр является легитимным гражданином сразу нескольких стран и нигде его гражданство не вызывает сомнения. Паспорта с разными именами выданы на правовой основе с апостильным подтверждением.

– Еще интересней! Получается, что инкриминировать ему можно лишь незаконное ношение чужих фамилий или множественное гражданство?

– Именно. По нашей же версии, этот Торговец – не кто иной, как Светозаров Дмитрий Петрович, русский, тридцати четырех лет от роду, уроженец польского города Лодзь. Хотя и тут прослеживается некоторая путаница, но ты с этим разберешься сама чуть позже. – Толстые пальцы побарабанили по пухлой папке. – Сейчас меня больше интересует твоя реакция на один небольшой фильм. Придвигайся к столу!

Пока подчиненная двигала кресло, Павел Павлович развернул монитор своего компьютера так, чтобы видно было им обоим. Затем с церемонным величием вставил хрупкий диск в дисковод и стал двигать мышкой. При этом он несколько отстраненно продолжал бормотать:

– Смотри внимательно... вряд ли что-то с ходу заметишь, но все-таки постарайся...

Александра облокотилась правой стороной тела на стол и уставилась на монитор. Сразу стало понятно, что качество изображения оставляет желать лучшего. Примерно такое получалось при использовании самых дорогих, но зато и самых миниатюрных видеокамер, предназначенных для шпионажа на приоритетном уровне. Все равно большинство деталей удалось рассмотреть отчетливо, даже с цветовыми оттенками. Сильно мешало только непонятное затемнение, коротко перекрывающее изображение каждые десять-пятнадцать секунд. Но в остальном наблюдательный человек мог почерпнуть для себя из фильма массу разнообразных впечатлений. А любитель экзотики и Средневековья – воистину огромное наслаждение.

По первому предположению это были съемки какого-то исторического фильма, а сам оператор находился среди зрителей. Перед трибунами простиралось турнирное поле для рыцарского боя, по другую сторону которого тоже располагались трибуны для простого народа. Их рассмотреть было трудно, да и камера на них не фокусировалась. А вот на соседях оператор сосредоточивался постоянно. Пестро, пышно разодетые в просторные тоги люди оживленно переговаривались на незнакомом языке, смеялись, переругивались или просто обменивались мнениями. Чаще всего присутствующие поначалу посматривали направо, где метров через двадцать располагалась королевская ложа. А судя по величю и блистательности оформления ложи, там восседала никак не меньше чем семья императора. Про императорские одежды и символы власти в виде короны и боевого серебристого трезубца можно было и не напоминать. Костюмеры и декораторы постарались на славу, все было выполнено безукоризненно.

Немного выпадала их общего плана личность императрицы. Вполне симпатичная женщина, сидящая по левую сторону от супруга, выглядела откровенно скучающей и недовольной. Хотя, скорее всего, так и предполагалось по сценарию. Еще чуть левее сидела обворожительная, совсем юная принцесса лет семнадцати, глядя на которую любой мужчина мог только печально и порывисто вздохнуть: такие прелестницы попадают только в самых лучших фильмах. Похоже, оператор тоже слишком увлекся красавицей, даже приближение сделал. Тем более удивительным показалось то, что принцесса несколько раз взглянула прямо в объектив, один раз при этом кокетливо улыбнувшись и один раз сделала еле заметный знак приветствия своими прозрачными пальчиками. Кажется, это удивило даже оператора. Потому что он резко покрутил камерой во все стороны и сфокусировал ее слева от себя, на ничем не примечательном в сравнении с другими зрителями мужчине. Но вопрос раздался на чистом русском языке:

– Так вы и вправду знакомы?

Мужчина ответил с чисто одесскими интонациями:

– Леонид Тарасович, или я вам когда-то врал?

– Да. – Тон оператора был грустным. – Пока поймать не удалось. А устроить ужин с этой неземной красотой вы можете?

– Не стоит что-то обещать на завтра, если еще и сегодняшнее до конца не исполнил. Всему свое время.

На этом разговор закончился, оператор приступил к дальнейшим съемкам. Еще раз осмотрел императорскую семью, на этот раз остановившись бегло на трех сыновьях императора, которые сидели справа от отца. Но если мальчишки – примерно десяти и тринадцати лет – вели себя довольно естественно и просто радовались предстоящему представлению, то старший принц, лет двадцати на вид, смотрелся как воплощение потомственного величия. Кажется, на эту роль подобрали самого талантливого, даже великого актера.

Заиграли фанфары – и начался непосредственно рыцарский турнир. Закованные в латы воины выезжали на ринг, приближались к императорской ложе и получали несколько слов напутствия и благословение опускающейся дланью. Потом следовал выход на позиции, сигнал трубы и разгоняющийся бег коней вдоль бревенчатого барьера. Нарастающий рев толпы и жуткое бряцание пробиваемых металлических нагрудников и шлемов, треск ломающихся копий, храп разъяренных лошадей и грохот страшных, невероятных по актерскому мастерству падений. Каскадеры действовали до невозможности красиво, кровь хлестала ручьями и чуть ли не в каждом поединке одного из соперников уносили.

Как ни странно, нигде больше не было видно ни одной камеры. Видимо, все съемки велись только самыми современными миниатюрными устройствами. Что ж, ведь у каждого режиссера свои методы.

Турнир еще не закончился, когда фильм оборвался в неожиданном месте.

– Объемы памяти не хватило, – пояснил Павел Павлович и выжидательно уставился на лучшего своего агента: – Итак, что тебя здесь удивило?

Та разочарованно отвела взгляд от экрана, поняв, что повторять фильм пока не станут. Закрыв глаза, она потрогала себя указательным пальчиком за кончик носа, пытаясь сконцентрироваться и вспомнить все свои ощущения при просмотре.

– Заметила две неправдоподобные детали... Первое – это их одежды. Никогда таких на Земле не было. Ни в Древнем Риме, ни тем более в средневековой Европе. Скорее всего, вообще нигде. Остается утверждать только одно: большинство этих тог выдумано именно для этого фильма. Уверена. Мне пришлось как-то раз изучить всю историю одежды...

– Знаю о том деле. И вывод твой правильный: не было таких одежд в нашей истории. Эксперты это подтвердили. Хотя ведь мы и историю не всю знаем... Ну а вторая деталь?

– Наверняка и вторая вам известна: некоторое различие в строении тел...

– Где ты такое заметила?! – воскликнул шеф, хватаясь за мышку. – И у кого?

Кажется, он был очень удивлен и обеспокоен. Но девушка не подала виду, зная высшее артистическое притворство этого солдафона.

– Не у мужчин, не переживайте. Те вроде совершенно идентичны земным. А вот женщины от нас отличаются. – Она еще и сама не была уверена в своих подозрениях, но, судя по польхнувшим зрачкам шефа при слове «земным», удостоверилась, что она на верном пути в своих догадках. – Найдите тот кадр с принцессой. Вот, только чуть назад, где она в профиль. Стоп! Вот этот. Ничего странного не замечаете?

– М-м? Да нет вроде...

– Присмотритесь к ушной раковине. Видите лишний, нависающий сверху хрящик? У нас такого нет, и мне это сразу бросилось в глаза. Не могу оторваться от любования серьгами с бриллиантами и смотреть, как они сочетаются со строением уха.

Рука шефа уже тянулась к коммуникатору. Палец привычно надавил кнопку вызова аналитического отдела.

– Казик, твою мать, – вкрадчиво стал говорить Павел Павлович. – Фильмец перед тобой?

– Так точно, – раздался настороженный ответ главного эксперта и аналитика, которому недавно перевалило за шестьдесят, он считался в конторе работником с самым большим стажем.

– Тогда скажи мне, дорогой Казик Теодорович, куда твои глазки похотливые глядели, что ты уши у женщин не рассмотрел?

– Дык... ить... не понял я. Туда и смотрел... – В динамиках раздавалось нетерпеливое шелканье мышки. – Палыч, а что еще заметили? Серьги необыкновенные? Так они вроде не выпадают из ряда классификации...

– А лишний хрящик тебе не в жилу заметить было? А? Все на меня надеетесь?

Короткая пауза оборвалась ошарашенным восклицанием:

– Е-мое!

– Короче! Работайте! – оборвал Казика шеф и выключил связь. Затем с хорошим настроением поощрительно кивнул подчиненной: – Молодец! И тут от тебя польза оказалась. Если доживешь до сорока – обязательно возглавишь аналитический отдел.

– Хм! Больно надо! Да и вообще, столько живут только клоны.

– Ты так со мной не шути, а то я и обидеться могу.

– Пыл Пылыч! А вы разве не знали, что вы клон? – Александра раскрыла свои глазищи от совершенно искреннего удивления и получила в ответ очередное бормотание:

– Знал, знал... Но разве от тебя что-то скроешь? Ладно, раз больше ничего не заметила, то смотри дальше и слушай мои комментарии. Здесь наши эксперты не подвели, накопили целый воз всяких странных деталей и еще полную тележку несоответствий. Но в основном это касается оружия и доспехов, так что твоя некомпетентность в этом вопросе вполне понятна. Мне самому эти детали ничего не говорили, а ведь я и на рапирах, и на мечях сражаться могу.

– Ой! Я и не знала! Теперь уж точно к вам со своей саблей прийти не решусь.

– Какая еще сабля? – недовольно скривился шеф, но, догадавшись, что девушка продолжает шутить, перешел на строгий тон: – Смотри внимательно! Начнем, допустим, с голени. Здесь на металлической защите торчит острый шип, в истории нашего рыцарства никогда не применяемый и кажущийся вообще неуместным элементом. Хотя аналитики доказали, что в кавалерийском сражении удар ногой по морде лошади очень эффективно поражает животное, выводя его из строя. Шип попадает чаще всего в нос лошади, и та от боли сразу падает на колени. Теперь взгляни на другие различия...

Действительно, отличительных деталей оказалось невероятное множество. А напоследок Павел Павлович продемонстрировал отдельный фильм, в котором эксперты по собранным кадрам доказали, что три рыцаря в турнире погибли бесповоротно и однозначно. Что уже само по себе отрицало сам факт какого-нибудь театрального представления или постановочной киносъемки. То есть заснятое действие было самым натуральным смертоубийством.

Когда Александра это осознала, ее стало нагонять предобморочное состояние. Да настолько, что шефу пришлось на нее прикрикнуть:

– Возьми себя в руки! Это ведь только документальные кадры! Из жизни другой реальности. И ты свои ручки к их гибели не прилагала. На-ка, попей!

– Значит, все-таки не Земля... – с восторгом прошептала Александра, когда попила воды и немного успокоилась. – Неужели инопланетяне пошли с нами на контакт?

– Ага! Щас! Так они тебе и пойдут, спешат, аж спотыкаются! Скорее это наш человек в чужие пространства забирается без спросу. Как у нас, так и у той стороны...

– Хотите сказать, что этот парень или сам оттуда, или дорожки туда знает?

– Вот именно, поэтому мы и должны вывести этого Торговца на чистую воду. Да сделать это так, чтобы он не исчез, а согласился с нами сотрудничать до конца. Теперь ты понимаешь, что, кроме тебя, с этим делом никто не справится.

Девушка хмыкнула с присущей только ей самоуверенностью:

– Дело не в том, конечно справлюсь. А дело в той самой мистике. Вы знаете, Пыл Пылыч, что мне как-то жутко, ураган какой-то на душе. Скорей даже радостно, что ли... Просто не верится, что мне повезло участвовать в этом деле. Настоящая романтика...

– Вспомни об участии «третьей» и вернись на грешную Землю! – Суровый голос шефа вернул в действительность не хуже холодного душа. – Малейшая твоя ошибка – и от твоей романтики даже вживленных чипов не останется.

– М-да, действительно. Что-то я непозволительно воспарила в высокие сферы. Мне более важно узнать, почему «сгорела» «третья» группа. Хотя бы – при каких обстоятельствах это произошло?

– Полностью таинственное дело. Последний раз все пятеро сосредоточились на соседней с объектом улице в арендованном особняке. Но после сильной грозы связь с ними прервалась. Через несколько часов проверили дом – а там полная пустошь и ни единого следа насилия, сопротивления или капельки крови. Словно испарились.

– Вы пробовали в дом объекта подложить камеры или хотя бы жучки?

– Пробовали, безрезультатно.

– Логично. Значит, скорее всего, и всю нашу легендарную пятерку агентов он засек по многочисленным чипам в их телах. Согласны?

– Очень даже может быть...

– Следовательно, придется и из моего тела удалить все четыре маячка. Насколько я знаю, это займет около часа. Правильно?

Вот тут Павел Павлович замер. Для любого агента вживленный чип – не только последний шанс на спасение или своевременную помощь от своих, но и «вечный поводок», благодаря которому лучшим агентам не стоило и думать о возможности сбежать и залечь на дно. Начальство отыщет хоть на дне Марианской впадины. Но в данном случае, видимо, интересы дела были гораздо выше «поводковых» рассуждений, и монстр спецслужб постарался, чтобы его молчание не выглядело слишком продолжительным:

– Конечно, правильно.

Александра тоже понимала, что из конторы она никуда не денется, но как приятно было осознавать, что хоть на короткое время операции она избавится от постоянной слежки за своей тушкой. А если она правильно оценила угрозу всего этого дела и окончательная «большая зачистка» все-таки состоится, то, может быть, как раз и подвернется удачный момент, чтобы вовремя спрыгнуть с этого товарняка, летящего под откос.

Радость своей маленькой победы она спрятала за деловой озабоченностью:

– Давайте перейдем к личности объекта. Почему его называют Торговцем? Да еще и с большой буквы.

– Только по одной причине: он торгует любыми, даже самыми нереальными представлениями и удовольствиями. И, по мнению наших долбанных аналитиков, объект делает для этого окна в один, а то и несколько параллельных миров. И уже так показывает требуемое действие или уникальный пейзаж самым состоятельным людям нашей планеты.

– И те об этом молчат?

– Как рыбы. Разве только советуют своим коллегам по клубу миллионеров обращаться, когда тянет развлечься, к Динозавру.

– Но ведь вы его все-таки вычислили, – напомнила девушка. – Значит, и миллионеры бывают болтливыми.

– Естественно, они тоже люди. Да только подобная болтливость вылезет таким боком, что даже сильные мира сего крепко держат язык за зубами. Начну с самого начала. Пару лет назад один известный швейцарский герцог растрезвонил о тех нескольких чудесах, которые ему довелось увидеть при содействии Торговца. И тут же оказался психически невменяемым. Что, вообще-то, при таких бреднях – вполне естественное дело. Да только ты ведь знаешь:

в наше время и маразматические высказывания буйнопомешанных тщательно проверяются. Поэтому Интерпол провел тщательное расследование – и быстро раскрыл всю подноготную. Динозавр ангажировал, как правило, сразу несколько трупп, как актеров, так и любителей древности. И еще тех, кого называют «толкнутые». С их помощью он разрабатывал невероятное количество спектаклей, один из которых ты только что видела. При этом он тратил практически все доставшиеся ему при оплате деньги. А что в этом предосудительного? Вот и Интерпол посмеялся над глупыми миллионерами и забросил это дело. Правда, материальчик мы к себе в базу данных ввели, не поленились. И только благодаря этому обратили внимание еще на двоих толстосумов, скандально расставшихся с жизнью.

– Там тоже прослеживалась рука Торговца?

– Как ни странно, его там в момент их смерти и близко не было. Но вот некоторые слухи в той среде все-таки расползлись, и вещали они о том, что каждый из двух покойничков накануне своей смерти готовился выдать миру некое сенсационное сообщение. То есть они сумели сопоставить свои наблюдения и догадаться об истинности увиденных представлений. Да только не успели донести до всего мира благую весть... И материалов у них никаких не осталось. Только наши догадки.

– Зато теперь, после такого фильма, вы наверняка и свидетеля имеете?

– Увы... – Павел Павлович вздохнул так тяжело, словно сам через минуту собрался в гроб ложиться. – Не уберегли... Уважаемый Леонид Тарасович так и пропал со своим самолетом где-то над Крымом. Несколько обломков нашли в морском прибое возле поселка Веселое.

– Оп-па! Неужели это о Кадагове речь? – Гибель известного миллионера не так давно прогремела множеством скандальных статей и заметок по всем средствам массовой информации.

– Он самый. Эту запись Кадагов успел передать нам только в самый последний момент, с борта самолета.

– Продал?

– Конечно! И за такие деньги, что плакать хочется. Но зато фильм того стоит.

– Но как этому, покойному уже, миллионеру удалось сделать съемки?

– Он-то и поведал в кратком рассказе нашему представителю, что Динозавр перед спектаклем производит самый тщательный обыск клиента, вплоть до рентгена и смены одежды. Ну а наш дошлый Леня имел на своем теле одну великую тайну: искусственный глаз из разработок самого последнего поколения. Он и смачивается, и блестит, и зрачком расширяющимся с другим зрачком синхронно поворачивает. В общем, никак не отличишь от живого. Вдобавок еще и веко обладало экранирующими способностями, не позволившими засечь видеокамеру в глазу. Вот так и получился этот фильм.

Александра немного подумала и выдала самое для всех желанное развитие событий:

– Лучше бы Кадагов не турнир снимал, а сам момент перехода в другой мир.

– На эту тему Леонид Тарасович тоже дал пояснение. Перехода как такового он и не заметил. Долго ехали в лимузине, потом по бокам начались сплошные заросли высоких кустов, из которых и въехали в подземные помещения какого-то амфитеатра. Причем дело, скорее всего, происходило в родном городе миллионера, знакомом ему с детства. Когда они по узким ступеням поднялись наверх, то сразу оказались на трибуне. Уходили в обратном порядке. Но и тогда перехода нигде заметно не было, хотя присматривался Кадагов более внимательно. С его хваткой он сразу заподозрил неладное. Дома внимательно просмотрел пленку, а когда Динозавр отказался организовать миллионеру встречу с принцессой, решил его в отместку кинуть. Вышел на нас...

– Отказался – ничем не аргументируя?

– Причину назвал: категорический отказ самой принцессы. И не согласился даже после того, как миллионер утроил сумму гонорара.

– Еще бы! – скривилась девушка от непонятной антипатии. – Вряд ли такая... фифа нуждается в средствах.

– Вот и все так подумали. Но операцию стали разрабатывать сразу. А «третью» послали в окружение Торговца – внедряться по ходу дела, так сказать, по собственному наитию. Пропали все пятеро одновременно – из снятого неподалеку домика, когда сам объект находился в соседнем государстве. То есть наверняка вокруг него действует неизвестное нам количество помощников. Не отвергается и такая возможность: эти невидимые помощники действуют из параллельных миров. Если это так, то и секрет нашей конторы может быть раскрыт в любую минуту. Что будет в этом случае, остается только догадываться. Но не исключаю, что в таком случае эти, – палец шефа уперся в потолок, – предпримут самые решительные меры для устранения объекта.

Александра умело сдержала готовый вырваться вопрос: «А нас?» – потому что до такой степени свою логическую эрудицию раскрывать не стоило даже перед всезнающим шефом. Вместо этого она состроила испуганное личико и с хорошо прослушиваемым уважением спросила:

– А сколько вообще этих знает об операции?

– Двое, – не стал скрывать Павел Павлович, но сразу, словно сомневаясь, пожал плечами: – Хочу надеяться. Но нам от этого не легче, мы должны свое дело сделать без всяких скидок на сложность.

– А кто мне будет помогать? Неужели никого не удалось внедрить в окружение Торговца?

– Рано мечтать об удачном внедрении. Такие дела, сама знаешь, быстро не делаются. Тут годы нужны, а не жалкая пара месяцев. Но один вокруг него уже крутится. Стараемся делать так, чтобы это Динозавр на него все время натыкался, организовываем такие «случайности» сплошь и рядом. А наш человек делает вид, что сторонится объекта, не доверяет, даже нагрубил один раз: дескать, все к его деньгам тянутся.

– Понятно. Приходится нашему казачку засланному миллионером притворяться. Да еще и жадным. Неплохо! Я его знаю?

– Даже слишком. Каралюх Бориска.

Девушка скривилась:

– Фу! Лучше бы и не знала. Хотя именно такой глист везде и пролезет. Но чем он собрался привлечь объект?

– Да тем, что Торговец слишком падок на красивых женщин. Правда, в постоянные связи не втягивается, сразу их рвет. Очень редко какая фифочка у него задерживается дольше чем на неделю. Однако ни одну смазливую мордашку и длинные ножки он не пропускает. Чаще всего «приговаривает» их чуть ли не на месте знакомства – и тут же про них забывает. Бориску мы решили тоже окунуть в разврат, и он приводит в купленный рядом дом таких шикарных девочек, что даже Динозавр на это клюнул и уже два раза подкалывал соседа на предмет «поделиться». Наш Каралюх пока «держит стойку», выказывая вполне обоснованные для такого короткого знакомства подозрения. Но как только Торговец возвращается на свою виллу, то до него обязательно доносится шум очередной развеселой оргии.

– Однако. – Александра не могла сдержать своей ехидной улыбки. – Вот уж повезло Борюсику. Как говорится, пусти козла в огород, так он всю кассу растратит!

– Ох! И не напоминай лучше, – жалобно застонал шеф. – Меня всего лихорадит, когда я финансовые отчеты наверх отправляю. Уже созрело твердое убеждение кастрировать этого гада за государственный счет, после того как все кончится благополучно. Ты себе не представляешь – и кого он только в свою постель не тянет.

– Кого?

– Да всех! Никогда не думал, что знаменитые и прославленные модели, артистки и величественные красавицы согласятся лечь с таким ничтожеством.

– Деньги решают все! – категорически обрубил девушка словоизлияния своего шефа. Тот ехидно цокнул языком:

– Надеюсь, тебе не придется так тратиться?

– Еще бы! Даже наоборот: я буду стараться сделать свою работу с мизерными растратами.

– Ну, это понятно, достаточно тебе покрутить своей мордашкой поблизости от Динозавра, а потом как можно быстрее упасть на спину...

– Хм! Такой вариант для меня совсем не отдает пошлостью, и я была бы на седьмом небе от счастья, если бы он оказался действенным. Но, кажется, он здесь не проходит. Вряд ли он поведется на очередную самочку, да еще потом продолжит с ней знакомство до нужной нам стадии. Здесь нужно нечто сверхинтеллектуальное.

– Ну, Шурка, тебе видней, – согласился шеф с фривольным оскалом. – На то ты у нас и самой большой выдумщицей считаешься. И наверняка уже придумала подходящую легенду.

– Как? С чего? Только зная о том, что он бабник и редкостный ходок? Ха! – Александра от всей души удивлялась истинно мужскому скудоумию. Тут же ей пришел на ум один пример, который она уже неоднократно прокрутила в своей пространственной памяти: – Вот вам не кажется, что в этом фильме прослеживается явная попытка прибрать нашего Торговца под каблучок? вспомните, как вела себя юная принцесса, и подумайте: разве стала бы такая девушка бросать томные взгляды Кадагову?

– Вряд ли...

– Бесспорно и другое: когда наш объект отказал этой девице в очередной близости, она – явно в отместку – отказалась от ужина в компании с обрюзглым миллионером. И о чем это говорит?

Лоб шефа покрылся глубокими складками, символизируя усиленную умственную деятельность.

– О чем?

– Что даже такая неповторимая, сказочно богатая и, скорее всего, умопомрачительная, с точки зрения любого мужчины, красотка не смогла удержать возле себя пресловутого... как там его... ага, Светозарова Дмитрия Петровича.

– Да нет, Шурка, здесь ты перемудрила! – засмеялся Павел Павлович. – Надо же до такого додуматься! Как только и мысль такая в голову пришла.

– Как? Давайте еще раз начало фильма просмотрим. Только теперь я буду кадры выбирать. – Мышка быстро переключилась в женскую ручку. – Итак, вот здесь, присмотритесь, принцесса словно отчужденно смотрит в сторону оператора, а сама надеется, причем очень сильно надеется, поймать чей-то взгляд. Даже дыхание на вдохе затаила. Нам повезло, что Динозавр сидит рядом с Кадаговым и нам отчетливо заметно направление взгляда. Вот он вспыхнул и стал жарко-горячим, томным, призывным. Такие посылаются только страстно желаемому любовнику. Уж поверьте мне!

– Да я и не спорю...

– Потом Динозавр отвернулся, видимо, и мы просматриваем во взгляде принцессы жуткую досаду и разочарование. Лицом владеть она умеет не в пример хуже, чем телом. Несколько улыбок по сторонам, ничего не значащих жестов остальным поклонникам – и вновь настроенное ожидание. И вот самый ответственный момент! Она решается на еле заметный, но хорошо понятный любовнику знак. Скорее всего, он расшифровывается не как приветствие, зачем им здороваться, если они наверняка уже виделись, пусть даже издали. Нет, он означает: «Приди!» Присмотритесь, пальчики не в сторону качнулись, а больше к ее личику. Взгляд при этом превращается из выжидающего в гневный, скорее всего, по той причине, что ответного взмаха ресниц или еще чего-то не последовало. Динозавр сделал вид, что не заметил призыва, и равнодушно отвернулся. Что и подтверждает перевод камеры на него и совершенно спокойный диалог со стороны Торговца. На этом кадре он выглядит как котяра, обожравшийся

отборной сметаной: лицо выражает лень и досаду от предстоящего скучного разговора. Возможно, он даже предвидит скандал с надоевшей любовницей. Но нисколько его не боится. Так что просто, без затей, соблазнить такого циника и ловеласа – почти невозможно. Тут ни моя красота, ни ножки от коренных зубов не проканоают.

Кажется, шеф увидел рациональное зерно в утверждениях Александры и полностью с ней согласился. Но после этого чуть не выломал себе челюсть, выкручивая собственный подбородок в произвольном мычании:

– И этот драный Каралюх такие деньги на ветер выбрасывает!

– Не скажите! У Бориски совсем другая задача, – вынуждена была вступить за коллегу девушка. – Ему главное – завести приятельские отношения с соседом, и выбранный метод действительно может оказаться действенным. Но для меня такое не подойдет, пусть я даже сумею менять собственное тело до немислимых по красоте стандартов, а в моем поместье будет не протолкнуться от хахалей.

– Хорошо, я тебе уже говорил: готов выслушать любое твоё предложение. И более того, мне ничего не останется делать, как сразу на него соглашаться.

– Да я в последнем и не сомневалась, – без нотки самодовольства или хвастливости произнесла Александра. Потом указала глазами на папку: – Но мне для начала хотелось бы послушать его биографию. Именно послушать, с теми акцентами, которые расставите вы. Почитаете? Самое основное, конечно.

Павел Павлович согласно кивнул, раскрыл папку и стал бегло читать документ за документом, порой кладя перед подчиненной некоторые листики с прикрепленными к ним фотографиями. Наверняка все это было и в памяти компьютера, но многоопытный руководитель по себе знал, как порой важно бывает послушать информацию вот так, собственными ушами, и полностью одобрял такой метод.

Данные лились ручейком, лишь изредка перебиваемые наводящими или уточняющими вопросами Александры. Сведения о родителях, чье детство пришлось на военное лихолетье. Советская военная база под Лодзью, где и родился маленький Дима – в семье военного. Детский сад в гарнизоне, школа, ничем не примечательные юношеские годы. Потом пришла трагедия: при невыясненных, весьма странных обстоятельствах пропали родители Светозарова, которому на то время исполнилось четырнадцать лет. Пропали бесследно, вместе с тринадцатилетней сестренкой. Подозревали банальное бандитское ограбление с последующим устранением трупов, хотя в то время в рабочем польском городе Лодзь о таких страхах и не слышали. Да и что можно было отобрать у ничем не приметного офицера и его близких во время прогулки по городскому парку?

После этого события жизнь Димы Светозарова в дружественной Польше завершилась, его забрали к себе родители отца, проживавшие в Бресте. Там он окончил школу, поступил в институт, ограничивая свою карьеру рамками профессии «инженер-электронщик». А вот дальше началось самое странное в его жизни. Вернее, не столько странное, сколько совершенно непонятное для силовых структур. То, что называется «темное прошлое». Правда, девяностые годы и отличались полной анархией и разгулом безответственности, но все же отсутствие любого упоминания про Светозарова Дмитрия Петровича настораживало. Словно кто-то всемогущий и вездесущий тщательно уничтожил все следы деятельности и даже существования вышеупомянутого человека. Нет, конечно же, он кое-где мелькал: секции карате, посещение общества тибетских монахов, визиты в театры, времяпрепровождение на катке и лыжных прогулках... Но все это – ничего не стоящие, малоприметные мелочи. Гораздо более удивительным выглядел такой факт: бюрократические препоны для Динозавра не существовали. Паспорта ему выдавались без всяких очередей, визы на въезд в любое государство ставились быстро и без проволочек. Именно это и настораживало больше всего. Ведь Светозарова никто не прикрывал, он не был президентским сыном, он не руководил мафиозным кланом, но все у него

ладилось – легко и беззаботно. Он разъезжал по другим странам, знакомился с самыми знаменитыми и влиятельными людьми, отдыхал в обществе самых неприступных для прессы толстосумов, артистов и политиков. Причем в любую компанию он входил по-свойски, а о его друзьях, приятелях и просто знакомых вскоре стали складывать легенды. Некоторое время за ним присматривали спецслужбы то одной, то другой державы, но инкриминировать ему мошенничество или доказать, что он аферист – не смогли, каждый раз выдавая в резюме одну, по сути, фразу: безобидный прожигатель жизни, паразитирующий на щедрости своих многочисленных друзей. Разве что Интерпол, после расследования дела с герцогом Штаусе, добавил в характеристику новый оттенок: «Имеет замечательные организаторские способности продюсера, а также талант режиссера и сценариста. Весьма многогранная, творческая личность».

И все. В остальном – полная тишина. Даже когда за него всерьез взялись в последние месяцы – так и не смогли накопать хоть какой-нибудь стоящий компромат. Разве что незаконное многочисленное гражданство. Но тут, как и в случае многоженства Остапа Бендера, доказать что-либо было весьма проблематично. Да и вспугнуть объект было бы большой ошибкой. В данный момент он проживал на постоянной основе в Германии, частенько появлялся по всей Западной Европе да время от времени навещался в Польшу. Компании предпочитал самые интернациональные, потому что владел в совершенстве десятью европейскими языками и вдобавок мог изъясняться на китайском, как прирожденный азиат. Правда, в самом Китае замечен ни разу не был. Но в свете последних открытий слежка теряла всякий смысл. Прошло целых два месяца с тех пор, как за Динозавром установили наблюдение со всех возможных носителей: от стационарных уличных видеокамер до камер наивысшего разрешения, установленных на космических спутниках. Информация обрабатывалась в самом современном вычислительном центре и шла непосредственно к Павлу Павловичу. Но пока ничего важного не заметили. Скорее всего, объект заметил слежку и наглухо затаился. Если бы не фильм, переданный перед гибелью миллионером Кадаговым, операцию, которая стоила баснословных денег, давно бы прикрыли. А так – выделили неограниченный кредит.

Когда Александра завершила ознакомление со всеми деталями своего задания, она, в который раз за день, подавила произвольную дрожь. Это какие же надо иметь полномочия, чтобы выделить невероятные, не укладывающиеся в рамки здравого смысла средства! Те самые загадочные «двое», о которых намекнул Павел Павлович, – однозначно, высокие фигуры. Ну и ей тут же пришла в голову вполне логичная мысль-продолжение:

«Если вообще не самые высшие! Да за такие деньжищи всю контору могут подчистить в случае неудачи. Поголовно! Хм... А ведь в случае удачи тоже могут подчистить. Причем как раз в случае удачи, скорей всего, уберут всех, однозначно... Мама! Мне страшно! Где ты?! Чтoб тебя удавили на том свете, сучку бешеную!»

Как всегда, воспоминания о матери-наркоманке, попавшей под поезд, когда Александра заканчивала учебу в школе, придали нужную злость и подняли боевое настроение. Девушка резко вышла из задумчивости и озорно подморгнула замершему в настороженной позе шефу:

– Ну что, Пыл Пылыч, имеется у меня одна идеяка...

А про себя подумала: «Наверняка тоже про «зачистку» догадывается. Не может такой зубр спецслужб оставаться наивным патриотом. Поэтому и замялся, когда я предложила из меня все чипы вынуть. Вот только интересно бы узнать, что он предпринял на такой случай? Подобный тип всегда себе несколько запасных лазеек оставит. Если вдруг он исчезнет – это и для меня будет сигналом: забуриться на дно самого глубокого болота и прикинуться ветошью лет на десять. Да, так, наверное, и сделаю...»

Старый солдафон поощрительно улыбнулся:

– Есть идеяка? Могу утвердить и без прослушивания. Но все-таки уважь старика.

– Как не уважить! Вы помните, что почти везде у него стоит вот эта фотография: мать, сидящая на парковой скамейке, облокотившийся рядом на спинку отец, а между ними –

радостно улыбающаяся сестричка Леночка. Мне кажется, через эту его ностальгическую грусть по ближайшим родственникам мы к нему и подберемся.

– Каким образом?

– Присмотритесь, я похожа на его сестричку?

– Кхе-кхе! Да не очень... Если честно, ты в сто раз краше.

– Вот и хорошо. Гораздо хуже, если бы до ее уровня пришлось подниматься. Ну и представьте меня гораздо проще, точно с такими же глупыми косичками. Свитерок тоже вообразите – такого же устаревшего покроя.

– Но ты здорово недотягиваешь до тридцати трех лет! А его сестре сейчас бы исполнилось именно столько. Да и тринадцать тебе никак не дашь.

– Не важно, здесь актуальнее всего первый взгляд, душевный позыв и мистический дух оживших воспоминаний.

– Ох! Думаешь, сработает? Уверена? – затаил дыхание Павел Павлович.

– Вы ведь не были уверены в «третьей»? Так и я не могу быть уверена даже в себе. Но в данный момент это единственное верное направление. Остается только подобраться как можно ближе к объекту и сыграть свою роль наверняка.

Глава 2

Свита делает короля

Дело было три года назад.

Только что взошедший на престол Бонзай Пятый на тот исторический период являл собой пример неисправимого пессимиста. Потому что лучше всех был информирован о нависших над ним лично и над его королевством опасностях. До двадцати лет он посвящал себя только науке, литературе и древней истории. И практически все время своего взросления пропадал только в лабораториях и библиотеках. Выработывал в себе истинно прагматический, точно выверенный взгляд на жизнь и к любому вопросу подходил, так сказать, с линейкой и весами.

Конечно, в «большой жизни» он тоже регулярно появлялся. И бражничал порой знатно с несколькими близкими друзьями, и на охоту выезжал, и за девицами время от времени ухлестывал... Но даже внешне он сильно отличался от отца и старшего брата. Сплошь увитые буграми мышц, те выглядели как две скалы и прекрасно справлялись с управлением государством. Никто и никогда не сомневался в престолонаследовании: старший сын правящего короля готов был до собственной старости поддерживать и развивать все начинания своего отца. Пока не случилось явно подстроенное врагами несчастье – и совершенно неожиданно для всех корону пришлось надеть младшему сыну. Ученому сухарю, как поговаривали, дотошному прагматику и расчетливому математику.

Зато теперь реальный взгляд на окружающий мир позволял ему чуть ли не с точностью до нескольких дней предсказать собственную смерть. Разве что в каждом из трех вариантов смерть попадала на разные сроки – со сдвигом в неделю. Поневоле пришлось задуматься, когда надел на свою кудрявую голову корону, уселся на троне и принялся с опаской осматриваться по сторонам. Неожиданная смерть отца и старшего брата выдернула его из мира науки, литературы и древней истории, где Бонзай чувствовал себя как рыба в воде, и заставила подхватить рухнувший в кровь скипетр королевской власти. Причем не составило большого труда осознать сразу при коронации, что дни его маленького королевства сочтены. Потому что никто из потенциальных союзников на коронацию не прибыл. Слишком давно охладели к маленькому королевству более дальние соседи, не имеющие с ними даже кусочка общей границы.

С севера, по широко разлившимся после первых летних гроз рекам, со дня на день ожидалось наступление «ледовых берсерков». Именно так называли себя бородатые дикие викинги, живущие на северном побережье континента за высокими заснеженными горами. Северяне, объявившие еще осенью прошлого года священную войну за случайное убийство своего принца, никогда этой войны не отменяли. К слову сказать, принц сам был виноват: натворил дел перед собственной смертью. Всю Вельгу, столицу королевства Ягонов, на уши поставил своими скандалами и пьяными оргиями. Вполне естественно, что нашелся опытный воин, который вызвал озверевшего викинга на дуэль и заколол того как дикого вепря. Все было должным образом засвидетельствовано и запротоколировано, показания очевидцев вместе с телом отправили на родину «героя». Но разве дикари знают, что такое понятие чести? Вот они и объявили войну, пообещав ворваться в королевство «на большой воде». Так что до момента падения практически беззащитной столицы оставалось не более двух недель. О том, чтобы серьезно сопротивляться нашествию варваров малочисленным гарнизоном, никто и не помышлял. Само собой, казнь правящего короля ледовые берсерки предвкушали с особым удовольствием.

Не меньшая опасность угрожала Бонзаю Пятому и с запада. Именно там правил более крупным королевством двоюродный брат отца, который ненавидел своих родственников пуще всего на свете. Не суть важно, из-за чего раздор начался, но именно дядя и довел недавно дело

до гибели отца и брата. А вслед за этим прислал послание голубиной почтой: «Беги, шенок, освобождай мой трон! Иначе посажу на кол!» Срок дальнего похода для вымуштрованного западного войска составлял всего три недели. Так что если не варвары казнят молодого короля себе на потеху, то уж гнусный садист и скотоложец дядя не откажет себе в удовольствии посадить горячо ненавидимого племянника на кол.

Казалось бы, чего медлить? Спасай свое тело да уходи огородами в дали неведомые. Ан не тут-то было. С юга и востока над крохотным королевством нависала Визенская империя. И не далее как накануне коронации пришло письмо от самого императора Константина Сигизмундовича Бареки. Сухим официальным тоном предлагалось немедленно отречься от трона, а всю власть передать в руки пребывавшей до этого в глубоком подполье Визенской церкви. На такое Бонзай пойти не мог даже ради спасения собственной жизни. Слишком уж хорошо помнил он наказания отца и рано ушедшей из жизни матери не допускать эту нечеловеческую религию на родные просторы. Тут тоже альтернативы не было. Император угрожал в случае несогласия с ультиматумом прислать свое войско и стереть небольшую столицу с лица земли. Дабы не было пути назад, Бонзай сразу же приказал казнить послов империи, которые обнаглели до того, что стали взывать на площадях к неповиновению да выступать по тихим углам с проповедями неподчинения молодому королю. Подобный приказ народ выполнил с небывалой прытью и энтузиазмом. Слишком уж много леденящих кровь рассказов ходило про Визенскую церковь, которая использовала в своих обрядах мерзкие жертвоприношения в виде разрезаемых на алтарях младенцев и женщин. Выходит, подданные решительно поддержали своего молодого правителя. Мало того, только что коронованному монарху люди выразили признательность, доверие в виде многочисленных подарков и традиционных символов. А о том, что враг скоро нагрянет, никто и не подумал. Хотя новости разошлись по столице не хуже свежего летнего ветра.

Оставалось только поражаться бесшабашности подданных. Так же себя повел на следующий день после казни послов Бонзай Пятый с двумя своими ближайшими друзьями. Они уселись в огромной пиршественной зале и решили залить свои беды чрезмерной выпивкой.

– Все равно сегодня ничего путного не придумаем! – восклицал один из друзей, наливая своему венценосному приятелю полный кубок крепленого вина. – Так давай просто отпразднуем в узком кругу твою коронацию. Две недели нам для этого вполне хватит. Пей!

И они пили. Очень много пили. Потом вышли в народ. И там продолжили пить с каждым встречным и поперечным. Такое братание с подданными понравилось всем: и самому народу, и его правителю. Настала ночь, и гулянка распространилась на всю столицу. Благо выпивки и желающих хватало. Обычная ночь превратилась во всенародные гуляния. Потом разжигали костры и прыгали через них. Потом танцевали под крепостными стенами при свете факелов и огромных костров. И все это время не прекращали пить. Последнее, что смутно помнил Бонзай Пятый, это грубый толчок женской руки ему в грудь да произнесенные с пьяным иканием слова:

– Да иди ты... извращенец!

Ну, он и пошел, заливаясь слезами от обиды, что никакая женщина его не хочет и вообще он самый паршивый король на всем континенте. Навстречу ему попался вусмерть пьяный мужик, несущий на плечах бурдюк, полный вина, и тот чуть ли не насильно стал требовать указать на виновника, который посмел обидеть такого славного парня. Король изначально обрадовался, решил, что сейчас ту самую девицу разыщут и накажут, и стал с заиканием и мычанием жаловаться. Но когда незнакомец узнал, что все дело в женщине, искать ее не стал, только что сплюнул куда-то в сторону. А потом решительно заявил:

– Все бабы... нехорошие! И связываться с ними – себе дороже! Давай лучше выпьем! Смотри, как удобно, и стаканов не надо.

Кто такие «стаканы», Бонзай не понял, зато, сосредоточив глаза на мужике, увидел, как тот ловко подхватил горловину бурдюка рукой, второй вынул затычку и несколькими большими глотками освежил горло.

– Эх! Хорошее у вас тут вино! Хотя и не южное, но зато с кислицей и забористое! Бодрит! На!

Молодой король попытался было возмутиться таким панибратством со стороны неизвестного холопа и потребовать положенный по титулу кубок, но как только он решил оглянуться в поисках виночерпия, как ощутил горловину бурдюка у себя во рту. Ничего не оставалось делать, как и самому несколько раз от души глотнуть. Вино и в самом деле было одно из лучших и редких в королевстве – дальйское. Только в одной маленькой долине рос тот мелкий черный виноград, что шел на приготовление этого знаменитого вина. Поставки шли только в королевский дворец, по личному заказу некоторых министров да в парочку самых фешенебельных постоянных дворов. Поэтому Бонзай сильно удивился, сразу забыв о неуважении к своей персоне:

– И где ты целый бу-бурдюк прикупил?

Незнакомец ответил с похожим заиканием:

– М-места надо знать! А что, хорошо пошло? Давай тогда еще п-по одной...

И они выпили еще. Потому что дальйское вначале здорово бодрит. Потом обнялись за плечи и пошли куда глаза глядят, благо луна светила от всей души и дорогу между невысоких деревьев заметить было легко. Потом останавливались и пили, между тостами обсуждая женскую непредсказуемость, изменчивость и бесстыдство. Затем снова шли, пели, пили, плевались при воспоминании о женщинах...

Дальше король помнил лишь жуткое головокружение и свои безуспешные попытки подняться с четверенек.

Проснулся он, стуча зубами от холода, в гуще рассветного тумана, где-то в незнакомом густом лесу. Кое-как разогревшись интенсивной гимнастикой, он ухватился за раскалывающуюся голову и попытался позвать хоть кого-нибудь:

– Ау... Отзовитесь...

Никто, естественно, не отзывался, так как крик скорее походил на испуганный шепот. Умывшись обильной росой, уже более окрепшим голосом потерявшийся король продолжил кричать все громче и громче. Но вместо давно ожидаемых восторженных криков благодарного народа до Бонзая донеслось злобное рычание, а когда он окончательно расширил испуганные глаза, то различил в тумане две огромные волчьи фигуры.

– Вот и отпраздновали две недели, – пробормотал король, вынимая чудом не потерявшийся кинжал из ножен и дрожащей с похмелья рукой вытягивая оружие перед собой. – А ведь так здорово вчера все начиналось. Да и потом славно повеселились... Какая же собака меня в лес вытолкала?

При этом он сделал шаг назад – и подпрыгнул от неожиданности, услышав резкий вскрик:

– Твою мать! Ты мне руку растоптал!

Не сводя взгляда с примолкших волков, которые радостно переглядывались от удвоившегося количества пищи, Бонзай пощупал рукой сзади себя и наткнулся на чью-то спутанную шевелюру. Тут же раздались новые возгласы недовольства:

– Да ты совсем очумел?! То орешь ни свет ни заря, то прямо по мне как слон топчешься, а теперь еще и глаз выколотишь норовишь!

Король сделал пару шагов в сторону, и теперь в поле его зрения попал мужчина с опухшим после знатной попойки лицом. Лет на десять старше короля, в отличных сапогах и в теплом не по сезону овчинном полушубке. Теперь стал понятен его безмятежный сон: в такой одежке не замерзнешь. Руками мужчина долго шарил под раскиданным в траве хворостом – и вдруг завопил во всю свою луженую глотку:

– Вот! Вот он! Нашелся, родимый!

От этого крика даже волки испуганно попятились. И уже в следующий момент незнакомец со страстным причмокиванием поглощал остатки жидкости из винного бурдюка. Вначале закрытые от непередаваемого блаженства глаза на пятом глотке постепенно раскрылись, и в поле их зрения попал Бонзай с дико косящими глазами: он и от незнакомца не мог оторвать взгляд, но и волков оставить без внимания не рискнул. Примерно на десятом глотке до незнакомца что-то стало доходить. Он перестал пить, взболтнул емкость и с покаянным видом протянул застывшему с ножом в руке собутыльнику:

– Извини, сразу не сообразил... Но там еще и тебе похмелиться хватит.

Молодой правитель попытался сказать об опасности, но из пересохшего горла вырвался только хрип. Он болезненно пытался выдавить у себя во рту хоть пару капель слюны, фыркая и покашливая, но, кажется, мужик его понял по-своему. Довольно легко поднявшись на ноги, он задрал дно бурдюка кверху, а горловину довольно бесцеремонно вставил своему собутыльнику прямо в рот. Тому страшно хотелось пить, поэтому он буквально высосал остатки вина. Мгновенного просветления не наступило, зато теперь он мог говорить:

– Волки!

И с удовлетворением заметил, что мужика в тулупе проняло. Тот бешено заметался взглядом по окрестностям, рука метнулась за пазуху, а губы зашептали:

– Волки? Откуда здесь волки? – Зрачки его изрядно расширились при виде двух хищников, которые с полным спокойствием уселись на хвосты, будто огромные собаки.

– Что значит «откуда»? Они здесь всегда живут... И медведи... Правда, не так близко от Вельги...

– Да что ты несешь? Вельга – это столица... ну этого королевства... как его...

– Королевства Ягонов! – подбоченился Бонзай левой рукой, а правой так и продолжая направлять острие кинжала в сторону волков.

– Не может быть! – возмутился незнакомец, вновь продолжив озираться по сторонам. – Я ведь вчера оттуда ушел!

Теперь уже коронованному правителю стало обидно за свое королевство. Ну никак оно не подходило своими размерами для того, чтобы выйти из него за один день, да еще тихим шагом по ночной дороге – и вдрабадан пьяным. Здесь как раз подошел грозный, рычащий голос.

– Да ты никак мое королевство совсем не уважаешь?

Обладатель тулупа покосился на внушительный кинжал, рукоять которого была украшена большим изумрудом, и на всякий случай сделал несколько шагов в сторону. Но руку из-за пазухи так и не вынул.

– Не, королевство мне нравится, хоть я и не знал, что тут все такие патриоты. Просто ты меня не так понял. Я хотел сказать... вернее, признаться, что еще вчера я как бы... хм, убраться отсюда собрался... Только...

Очень подозрительно и весьма странно звучали его слова, но в следующие минуты Бонзаю Пятому стало не до разглагольствований. Стала понятна та отсрочка, которую дали людям два присевших хищника. Они поджидали остальных членов стаи, которые окружали двуногую дичь со всех сторон. С глухим рычанием на мужчин с нескольких сторон бросились еще три волка. Два первых оставались пока на месте, но с противоположной стороны подходил еще один кровожадный хищник. Король только и успел крикнуть:

– Становимся спинами! – и повернуться к несущейся на него паре.

Если бы на них напали только два зверя, шансы на спасение оставались бы вполне приличными. Но вот шесть крупных хищников могли задавить свои жертвы одной только массой. Не считая мощных клыков и когтей. Да только Бонзай Пятый так просто сдаваться не собирался. Первый удар его кинжала удачно пронзил волчьей челюсти снизу, доставая до самого

мозга хищника. Правда, вторая серая туша сбила человека с ног, и они покатались по трескающемуся хворосту, переплетясь единым клубком. Причем далеко не обученному подобным боям правителю королевства Ягонов удалось не потерять кинжал, и теперь он раз за разом наносил удары в брюхо сцепившегося с ним зверя.

Постепенно серая туша обмякла, издала последнее, затухающее рычание и отвалилась в сторону после отчаянного пинка ногой. Бонзай и не подумал расслабляться, пытаясь вскочить на ноги и размахивая перед собой кинжалом.левой рукой он интенсивно старался стереть заливающую глаза кровь как последнего убитого им волка, так и свою собственную, обильно бегущую из расцарапанного скальпа. Как ни странно, никто его не грыз и не атаковал. На секунду он замер на месте и прислушался. Кроме хриплых агонизирующих звуков со стороны хищников да какого-то чертыханья, ничего слышно не было. Тогда Бонзай рискнул согнуться и вытереть лицо краем разорванной куртки. Теперь видимость улучшилась до приемлемого уровня, и он заметил в пяти метрах от себя того самого незнакомца. Полушубок мужчины тоже выглядел немного изорванным, но остался сравнительно целым. Вокруг лежали три бездыханных волчьих тела, а пасть четвертого незнакомца как раз со стоном разжимал. Видимо, волчара стиснул клыки на его ноге в последней предсмертной судороге.

Удивляться такому везению было некогда, хотя удивительная ловкость собутыльника поразила Бонзая Пятого до глубины души. Реальность диктовала свои условия. Стая волков могла оказаться гораздо больше, да и другие хищники теперь могли подтянуться на запах крови. Поэтому он бросился к стонущему мужчине и лезвием кинжала разжал волчью пасть.

Незнакомец застонал с некоторым облегчением:

– Вот тварь! Надо же так вцепиться!

– Идти сможешь? – поинтересовался король. – Желательно отойти отсюда как можно дальше.

– Действительно, – согласился мужчина. – А то у меня совсем не осталось па...

Чего там у него не осталось, понятно не было. Потому что при попытке встать на ногу он взвыл от боли и опять рухнул наземь.

– Э-э-э, да он тебе, кажется, кость сломал, – констатировал Бонзай, внимательно присмотревшись к изрядно окровавленной ноге. Затем быстро огляделся и решительно сунул окровавленный кинжал в руку незнакомца: – Держи! Только не урони, если вдруг на нас кто опять бросится. Понял?

Получив в ответ немного недоумевающий утвердительный кивок, молодой король перекинул руку раненого себе через плечо, левой подхватил за ногу и, крикнув, забросил тело себе на закорки. Несколько раз подпрыгнул, устраивая ношу удобнее, и мелкими шажками поспешил перпендикулярно дующему ветерку. Туман к тому времени почти рассеялся, и в просветах между стволами блеснули лучи восходящего солнца.

Покряхтывающий на спине незнакомец не смог удержаться от похвалы:

– А ты силен, бродяга!

– Ха! Да я самый слабый во всей Вельге, – признался молодой король. – Не готовил из меня отец воина, не готовил...

– Это ты от скромности так говоришь, – продолжались лестные утверждения. – Вон как лихо с двумя волчарами справился.

– Хе! Ты вон четверых затоптал... Уж не знаю как...

Заметив, что носильщик задыхается от быстрого шага, раненый тактично примолк, но молодой король вошел в хороший темп, жестокая схватка его взбодрила, вино с Далийской равнины разгорячило, и после окончания подъема он сам заговорил:

– Тебя как зовут?

– Дин, – последовал короткий ответ.

– Ну вот, я так и знал, что ты не из королевства Ягонов. У нас таких имен нет.

– Эт точно. Да я и не утверждал, что местный...

– А что тогда в Вельге делал? – добавил немного строгости в голосе король.

– Ничего, просто частенько сюда за выпивкой наведываюсь, вот и вчера решил винца прикупить. Тем более что меня в Ягоны всю жизнь тянет, а почему, понять не могу, как ни нагрюну в гости, так и обопьюсь вашего далийского. Но чаще всего с собой бурдюк брал и сразу уходил. А вчера смотрю: народные гуляния, девки симпатичные пляшут, костры полыхают. Так интересно стало, что и удержаться не смог. Но зато теперь я видел, каков настоящий праздник. До чего ж здорово было. Кстати, а ты не знаешь, по какому поводу так буйно гуляли?

– Знаю... Но лучше бы не знал...

Опять начался затяжной подъем, и оба примолкли. Тем более, что где-то далеко позади послышались волчьи завывания. Все-таки с места «ночлега» они убрались очень своевременно.

Наконец, когда выбрались на сухое светлое место, Бонзай выбрал одно из самых развесистых деревьев и решил сделать привал возле его ствола. Осторожно усадив раненого на узловатые корни, он принялся растирать затекшую шею, поясняя при этом свой выбор и внимательно осматриваясь по сторонам:

– Если по нашему следу пойдут, мы легко заберемся на верхние ветки. Если подсадить не смогу, то на ремнях подтяну. Так что не переживай!

– Да я и не переживаю. Если бы не нога...

Они совместно осмотрели распухающую ногу и пришли к мнению, что промыть рану следует немедленно. Да только ни вина, ни простой фляги с водой ни у того ни у другого не было. Да и ручей по пути не попадался. Бонзай принялся нарезать вокруг маленькие круги и делал это все с большим раздражением и недовольством:

– Ничего понять не могу! Неужели я в своей лаборатории совсем отупел? В трех соснах путаться начал! Ну сколько мы от Вельги прошли? Да еще и на заплетающихся копытах? А ничего узнать не могу! Если солнце светит оттуда, значит, нам надо идти туда. Ну, примерно... А что мы там видим? Проклятье! Да там другой стоит! И лес на нем еще более дремучий, чем этот...

Курсируя зигзагами вокруг раненого, он вдруг услышал с его стороны восклицания:

– Эй! Дружище! Хватит метаться. Лучше иди сюда, я, кажется, догадался, куда нас занесло...

Бонзай не заставил себя долго ждать, присев напротив:

– Дин, ты ведь говорил, что не местный?

– И в третий раз готов это повторить. Но тут вот какое дело... – Он немного замялся, подбирая нужные слова. – Я вообще-то очень мало знаю о вашем королевстве, поэтому мне будет трудно все объяснить... Кстати, а тебя как зовут?

Опять волна подозрений захлестнула молодого короля. Вдруг перед ним шпион злобного дядюшки? Или еще хуже – какой-нибудь резидент из империи пожаловал? Константин Сигизмундович Барека ведь мог и заранее убийцу в королевство Ягонов послать. А потом только прийти с войском и завершить оккупацию без всякого боя.

Поэтому полного своего имени не назвал:

– Бон... Бон меня зовут.

– Хорошее имя, звонкое, – улыбнулся Дин и продолжил вопросы: – А вот скажи, Бон, маги у вас есть?

– М... Что это такое?

– Ну... такие вот колдуны, чудесники. Они умеют делать разные таинственные вещи, фокусы...

– А-а-а, у нас нет таких. Еще прапра-какой-то там дед рассказывал, что все они во времена его молодости на юг подались. Только их у нас шафиками называли. Поговаривают, они до сих пор на крайнем юге творят чудеса разные.

– Шафики? Очень интересно они тут названы... И, говоришь, на юге? Надо будет обязательно туда наведаться.

– Ха! Ты о чем говоришь? Туда несколько месяцев только по морю добираться. Да и то – уже пятьсот лет как косяки монстров все сообщение между материками перекрыли.

– Вот! Теперь об этом и поговорим. Понимаешь, я в некотором роде тоже один из шафиков... – Не выдержав, улыбнулся: – Смешно звучит! Так вот, я тоже могу делать некоторые чудеса и передвигаться сквозь некоторые расстояния. На самом деле я живу совсем в другом королевстве, которого даже нет в вашем мире.

– Да?.. – Бонзай, конечно, не поверил и не смог скрыть своего сарказма: – А где же оно?

– В другом мире. И, поверь мне, миров таких неисчислимо множество. А между мирами существуют определенные дыры, сквозь которые и могут проходить такие, как я... хм... шафики.

– Ага, вы, значит, таким образом за вином ходите? – стал веселиться молодой король.

Но ответ последовал серьезный:

– За вином тоже. Что мы, не люди? Тоже хочется чего-нибудь вкусенького и ядреного. Так вот вчера я уже возвращался в свое королевство, когда встретил тебя на дороге. Как мне помнится... Ну и мы с тобой пересеклись. Вот... Потом я вроде решил тебя проводить, хотя и удивился, чего это ты в лес среди глубокой ночи поперся. Ну а когда узнал, что виновата женщина, все понял. Затем у меня были провалы в памяти, но, кажется, в какой-то момент я осознал, что я уже в своем королевстве. А рядом ты идешь, подпеваешь. Помнишь, я тебя спрашивал: не зайдешь ли ты ко мне в гости?

Бонзай Пятый ошарашенно закивал, но ответил категорическим отрицанием:

– Не помню...

– Зато я помню! Ты утверждал, что очень хочешь, но очень не можешь. Потому что ждешь в гости каких-то от мороженных барсучков, которые должны устроить твоему любимому дядечке подлянку. Правильно я помню?

– Ну... насчет «любимого» и «барсучков» тут явная путаница, но по сути все правильно...

– Вот! Значит, я тебе поверил, и мы вернулись обратно в королевство Ягонов через другую дырку. А потом я тебя немного проводил и мы стали прощаться...

– А потом?

Лоб незнакомца покрылся глубокими морщинами от натужных воспоминаний.

– Хм... Потом?.. А потом ты мне наступил на руку! До сих пор болит.

Бонзай долго смотрел, как его ночной собутыльник ласково поглаживает пальцы на левой руке. Затем не выдержал:

– Ладно, ты меня проводил, мы с тобой попрощались основательно. Все-таки бурдюк был большой...

– Ага, двенадцать литров...

– ...Но как мы в таких дебрях очутились?

– Просто! Ведь пока мы брели по дороге моего... королевства, то успели по твоему проскочить раз в двадцать больше. Понимаешь, в разных мирах – разные плотности расстояний. Суть самого понятия «плотность» улавливаешь?

– Издеваешься? – обиделся молодой король. – Все-таки я – один из лучших ученых своего королевства. Если не самый...

– Уф! Тогда с тобой будет попроще.

Он переставил раненую ногу в другое положение, скрипнув зубами коснулся запекшейся корки крови. Бонзай тем временем лихорадочно проводил вычисления в уме и, придя к определенному выводу, все-таки решил уточнить:

– Значит, мы сейчас находимся от Вельги на расстоянии не одной мили, а двадцати?

– Плюс-минус миля.

– Значит, четыре, максимум пять часов усиленного бега. Да и зачем бежать так далеко? Можно ведь до ближайшего тракта добраться, хутора, постоянного двора. Уж мне-то лошадей любой одолжит. Посидишь тут на дереве до моего возвращения?

Дин счастливо улыбнулся:

– Хотел бы я иметь такого друга! Знаешь, чем ты мне больше всего понравился? Ведь ни секунды не раздумывал: когда понял, что у меня нога сломана, сразу на закорки – и поволок. Да и сейчас собрался хоть пять часов бежать, но помощь приведешь. А у меня и мысли не было, что ты меня бросишь. Бон, ты классный парень! И я надеюсь тебя обязательно отблагодарить как самого лучшего друга.

Он с искренней улыбкой протянул руку для рукопожатия, и Бонзай Пятый ее торжественно пожал. Мелькнула, правда, мыслишка, что почти незнакомый мужчина может и шпионом оказаться, и слишком уж корыстным хитрецом, который, зная короля в лицо, просто хочет втереться в доверие. Но в душе почему-то крепла уверенность, что перед ним в самом деле одна из тех легендарных личностей, которых называли шафиками. Одно умерщвление четырех волков чего стоило, а ведь Дин намного легче и стройнее короля.

Рукожатие кончилось, и Бонзай резко выдохнул:

– Давай подсажу на дерево – и бегу.

Но раненый неожиданно возразил:

– Нет. Зачем тебе потом опять переться назад в такую даль. Лучше помоги мне еще чуть-чуть продвинуться вперед. Хотя бы на четверть мили. Уверен, там отыщется очередная дырка в мое королевство.

– Разве их так много?

– Предостаточно! Я и так по пути сюда высматривал внимательно, так что пропустить никак не мог. Значит, очередной радиус уже близко.

– Они что, располагаются кругами?

– Короткими дугами. Причем по всем векторам.

– Хорошо, я тебя пронесу без всякого труда. Но ведь ты не сможешь сам потом идти. Кто тебе там окажет помощь?

– Все очень просто. Постараюсь выйти сразу возле своей... как бы это точнее сформулировать... ага, передвижной лаборатории. А в ней у меня такие есть средства оповещения, что вскоре появятся врачи, спасатели – и за мое здоровье тогда можно не волноваться. Скорее я за тебя переживать буду.

– Ха! – хвастливо подбоченился молодой король. – Не такая уж я и лабораторная крыса, коллега, чтобы за себя не постоять. Тем более что я уже прекрасно сориентировался: хоть здесь и глушь, но не настолько, чтобы бояться нападения другой такой волчьей стаи. Они вообще в эти места редко забредают. Тем более, в такой солнечный день.

– Ну, если так...

– Только так! В какую сторону идем?

– Придерживайся того же направления.

– Тогда держись... э-эх! И катайся!

Бонзай опять несколько раз подкинул тело на плечах, укладывая удобнее, и с прежней сноровкой поспешил в путь. Вспотеть или устать на этот раз он не успел. Дин вскоре отозвался сиплым голосом:

– Правее! Еще правее! Вон к тому дубу.

Молодой правитель королевства Ягонов смотрел во все глаза, но никакой дыры или чего-либо подобного не заметил. Но после тщательной корректировки курса, которая звучала из-за спины, он усадил раненого на небольшой валун. Тот очень медленно наклонился влево, и вдруг часть его настороженного лица стала исчезать. Создавалось впечатление, что он прячется

за невидимой преградой. Вслед за головой спрятались плечи, левая рука и часть торса. Единственный свидетель такого чуда окаменел на месте. Но вскоре довольное лицо Дина появилось обратно:

– Все в порядке, моя лаборатория на месте, и я в нее сползу прямо с этого валуна. – Он опять протянул руку для последнего рукопожатия: – Прощай, дружище, и желаю тебе здравствовать вечно. А я, как только подлечусь, сразу к тебе и наведаюсь. Где тебя, кстати, искать в Вельге?

Так и не выпуская руки, король неожиданно замялся.

«Вдруг и в самом деле наведается? Тем более, что не простой это человек, шафик. Глядишь, воспользуется своими возможностями, какую-никакую полезную услугу окажет. – Неожиданно в голову ворвалась будоражащая мысль: – Вдруг он сумеет мне дельный совет дать, как врагов от королевства отвадить? Или чудесами какими пособит? Только вот успеет ли?»

Вслух же начал бормотать:

– Да что там искать, спросишь Бонзая, тебе все покажут, где меня найти. В крайнем случае скажи, что ты шафик Дин. Бегом ко мне проведут.

– Да?.. Так шафиков у вас уважают?

– Ха! Пусть только попробуют теперь не уважить. А вот насчет помощи... – Он взглянул на окровавленную ногу своего собутыльника. – Ты когда в гости нагрнешь?

– Через недельку-две.

– А раньше никак нельзя?

Глядя на враз погрузневшее лицо своего нового друга, Дин постарался придать своему голосу оптимизма:

– Да не переживай ты по поводу этих глупых баб! Вот увидишь, все образуется. Такого парня любая красотка уважить мечтает.

– Да пес с ними, с бабами, – отмахнулся Бонзай. – Тут проблемы покруче на темечко давят.

Раненый понимающе кивнул:

– Ладно, тогда буду через три дня, максимум через четыре. У нас такие переломы быстро лечат, разве что гипс чуток мешать будет. Так что жди. И разузнай, где можно будет еще дальнего вина прикупить. А то я последнее забрал на постоялом дворе.

– Сделаем!

Рукопожатие – и раненый стал сдвигаться на валуне в сторону. Потом вставил в невидимое пространство здоровую ногу, обо что-то там оперся... Скрылись руки, ухватившиеся за нечто невидимое, и он плавно выскользнул из этого мира всем телом. На валуне не осталось даже влажного следа или царапинки. Только в одном месте он теперь блестел, словно кто-то тщательно вытер пыль.

Некоторое время Бонзай Пятый обалдело смотрел на это поблескивающее место, затем глубоко вздохнул, помотал головой, сориентировался по солнцу – и с места перешел на бег, интенсивно перебарывая на ходу разнообразные мысли:

«Если бы мне кто-то рассказал что-то подобное – ни за что бы не поверил. Вот интересно, поверят ли мне? Впрочем, лучше пока вообще никому ни слова, еще примут за буйнопомешанного или перепившегося. Да и вообще, явится ли Дин в гости во второй раз?.. Почему – второй? Ведь наверняка он уже сюда и раньше за винышкой хаживал. Сам ведь признался. Только бы его привели ко мне и по пути не вздумали обидеть! Надо будет обязательно объявить народу, что как только появится шафик Дин, пусть его немедленно и со всеми почестями ведут во дворец. Даже если он вообще не появится, хоть какое-то время еще буду жить надеждой...»

Вот так три года назад, сразу после коронации Ягона Бонзая Пятого, и началась крепкая дружба двух совершенно разных людей из не менее разных эпох.

Глава 3

Борьба за первенство

Мечта любого шпиона – получить задание прикинуться миллионером. Да не просто кратковременно притвориться, а сыграть роль от всей души и с небывалым размахом. Только вот никому из всемирно известных агентов подобное не удавалось. Во всяком случае, история об этом умалчивает. Даже Джеймс Бонд хоть и подвизался иногда под маской удачливого бизнесмена, но никогда правительство Великобритании не давало ему безлимитный кредит и разрешение тратить любые деньги на самых прекрасных женщин.

В этом плане Борису Викторовичу Королюхову повезло. Несказанно, баснословно и невероятнo повезло. Причем счастье подвалило не на один день и даже не на одну неделю. Шел уже третий месяц, как ретивый агент жил в одном из самых фешенебельных районов и считался хозяином одного из самых роскошных особняков патриархальной Европы. И привело его к этому сочетание огромного числа совпадений. Хотя изначально, вне всякого сомнения, Борис приписывал свое выдвижение на такое немислимое задание только своим личным качествам. Немецкий он знал превосходно, разговаривая на нем как урожденный шваб. Он был способен уничтожить голыми руками чуть ли не любого человека, невзирая на свой невзрачный вид напуганного толстячка-простофили. Приняв окончательное решение, действовал жестко, беспощадно и с наводящим ужас цинизмом. Если поступал приказ зачистить место от свидетелей, он никогда не гнушался сделать контрольный выстрел в затылок даже малолетним детям. В конторе его за подобные поступки недолюбливали почти все коллеги, но он и с ними старался поддерживать самые приятельские отношения. Однако обмануть коллег было сложно, а вот простых обывателей...

Борис талантливо, скорее даже гениально входил в любой разговор, поддерживал любую беседу и мог очаровать почти любого встреченного прямо на улице человека мужского пола, и девять из десяти – женского. Одна десятая женщин – обычно это были самые красивые и ослепительные – его сразу отвергала. Нет, они не оказывались очень уж умными, хотя и таких хватает среди красавиц. Но даже «глупые блондинки» от него сразу шарахались, инстинктивно чувствуя смертельную опасность. Пожалуй, только эта неприятная особенность больше всего бесила агента Королюхова. Поэтому в случае необходимости умертвить мало-мальски симпатичную женщину он действовал с редкостным садизмом.

А уж в обыденной жизни он просто заставлял себя репетировать знакомство с любой особой женского пола.

Пытался он в свое время наехать и на Александру, зажав девушку как-то раз в узком коридоре конторы. Ухватив ее за аппетитную попку, он с придыханием прижал молодое тело к себе:

– Ну что, детка, развлечемся сегодня вечером?

Полностью игнорируя потные ладони у себя под юбкой, девушка с отчужденным выражением буркнула:

– Только с моим трупом.

– Согласен! Мне и такое понравится, – затрепетал садист. – Но ты могла бы и при жизни быть поласковее со старшим коллегой...

В конторе его за глаза называли Каралухом, презрительно коверкая по-польски фамилию на тараканий лад. В глаза подобное мог сказать только шеф Павел Павлович, а с того памятного часа – и Александра:

– Слышь, ты, Каралух, если мне шеф прикажет, а финотдел расплатится, то я тебя как угодно приласкаю. На седьмом небе будешь от экстаза. Но! Деньги – вперед!

– Так я тебе и сам заплачу...

Девушка заглянула прямо в мутные, словно наполненные желтоватым гноем, глаза и прошипела:

– А свои деньги, Каралюх, засунь себе в задницу! Я работаю только на родное государство.

После чего лбом резко ударила коллегу в переносицу и, пока тот приходил в себя, спокойно удалилась. Через пять минут шеф лично поднес свой кулачище под окровавленный нос подчиненного и глухо пригрозил:

– Еще раз до нее дотронешься без приказа – собственные гениталии проглотить под моим руководством. Свободен!

За Павловичем ходила слава самого сурового командира. Несколько подчиненных он за свою карьеру пристрелил, нескольким свернул шеи. Причем сделал это при явном неповиновении. Но не раз упоминали, что добрый десяток агентов так и не прошел тяжелейшие испытания боем, погибая или на полосе препятствий, или в банальном тренировочном бою. Так что еще в момент произнесения угрозы Бориска Каралюх избрал единственно верную тактику поведения и неожиданно бодро ответил:

– Каюсь, шеф! Виноват! Просто неудачная шутка. Готов просить прощения.

Шеф уже уходил, поэтому только проворчал через плечо:

– Считай, что ты его уже получил...

Кровных врагов у Бориса хватало. Но с тех пор Александра выдвинулась на первое место. Хотя своим радушием и искренними беседами он сумел убедить девушку, что действительно повел себя как последняя свинья и глубоко раскаялся. Вдобавок он и сам несколько раз безбоязненно вступился за Шурку в нескольких пикантных ситуациях и пару раз интенсивно подрался с самыми пошлыми остряками. По крайней мере, со стороны все стало выглядеть пристойно и с искренними дружескими симпатиями. Даже шеф как-то раз сильно удивился, когда Каралюх при распределении ролей в одном очень опасном задании стал настаивать на постановке Александры в более безопасное место:

– Пойдешь вместо нее?

– Конечно!

И пошел. И справился неплохо. Чем еще раз удивил начальство.

Но Павел Павлович и догадаться не мог, что теперь он сам в списках личных врагов стоит на втором месте. Насолить такому зубру, даже по мелочи, Борис не мог. Да и возможностей не подворачивалось. Но он умел выжидать и очень хорошо готовиться. Порой гениальностью природа и последнюю мразь не обделяет. А уж такой человек, как Королюхов, явно относился к группе самых сообразительных.

Поэтому, заполучив роль миллионера и кредитные карточки с неограниченным лимитом, он понял, что его звездный час настал. В мистические свойства объекта наблюдения он не поверил сразу и бесповоротно. Мигом пришло осознание, что родной конторе здесь ничего не выгорит, кроме неприятностей. А следовательно, Павла Павловича за перерасход средств, в лучшем случае для него, задвинут куда-то на задворки истории. Большого не требовалось. И Борис с особыми изысками принялся тратить полученные огромные средства. Его изобретательности и выдумке в этом вопросе оставалось только позавидовать.

Ну а когда он узнал, что к этому делу после загадочного исчезновения «третьей» присоединилась Александра, то от радости выпил зараз полбутылки коньяка, не отрываясь от горлышка. Ничем больше особо не показывая своей радости и понимая, что каждое его слово и жест и так записывается на камеры. Но спиртное он пил частенько, и ничего страшного, если один раз и всосал зараз полбутылки. Да еще и закусил словами:

– Вот теперь засну без снотворного.

Конечно, выполнение основного задания он ставил превыше всего. И ради установления дружеских контактов с Динозавром применял все свои мыслимые и немыслимые умения

и уникальные возможности. Но вторая его ипостась работала только над одной проблемой: как можно быстрее устранить с горизонта шефа и после этого безбоязненно уничтожить Александру. Само собой, в идеальном варианте – не просто уничтожить, а сделать это с особыми садистскими спецэффектами, потворствуя своим самым низменным инстинктам.

Большую роль в сложившейся ситуации играло соперничество. Доказать, что именно он, Королюхов, разработает объект до конца, предъявив миру Дина как ничего не стоящую пустышку, означало поставить себя на самую высшую ступень в иерархии спецслужб. Мечта развенчать таинственность этого монстрика Дина не только придавала значимости собственным заслугам, но и позволяла оставить опасного Павловича в дураках, а его ставленницу – в покойницах. Что и требовалось.

И вчера агенту, подвизающемуся под маской миллионера, удалось сделать в этом направлении самый удачный шаг. Как всегда, ему сообщили заранее, что объект, по всем признакам, готовится выйти из дома, и Борис в своем изысканном костюме поспешил на зеленый участок, расположенный между дорогой и домом. За ним тут же поспешил вызванный из тылов громадной территории садовник, и они вместе принялись спорить по поводу декоративных кустов перед домом.

Вышедший на крыльцо соседнего особняка Дин с удовольствием вдохнул полной грудью свежий воздух, но вслед за тем сразу скривился от противного голоса садовника. Ведь он не знал, что именно из-за такого голоса и именно ради такого случая этот «садовник» подбирался агентом Королюховым.

– Господин Бонке, – скрипел тот в сторону своего, тоже кривящегося нанимателя, – вы должны в этом деле прислушиваться к голосу профессионала. Поверьте, со временем вы сами будете удивляться вашей несговорчивости.

– Да в гробу я видал такой профессионализм! – с безапелляционностью простого крестьянина возражал миллионер. – Что толку, Клаус, в твоём высшем образовании, когда у тебя нет элементарного чувства стиля.

– Да как вы смеете меня оскорблять! – ещё противнее завизжал садовник. – Раз вы богатый, то не думайте, что вам все дозволено!

Словно досадуя на такое тупоумие, Борис схватился за голову и со стоном отвернулся. При этом он словно бы случайно заметил бредущего к своему автомобилю Динозавра.

– О! Сосед, будьте нам судьей! – воскликнул он радостно. – Прошу вас, рассудите, как лучше.

– Если я могу быть чем-то полезен... – Сосед прошел по аккуратно подстриженному газону, разделяющему участки, и вежливо поинтересовался: – В чем дело?

– Вот, взгляните. – Борис, который сейчас прикрывался фамилией Бонке, подал соседу чертеж: – Мой садовник настаивает на изменении наружного дизайна. Вот эти кусты он хочет расположить вот так, деревья переместить сюда, здесь добавить островком десяток тополей, а вот на этом месте устроить большой розарий.

Когда Дмитрий Светозаров понял замысел садовника, то чуть не расхохотался. Наружный дизайн в данный момент был просто великолепен. Чувствовалась рука истинного профессионала. Но то, что предлагал «высокообразованный» Клаус, не лезло ни в какие ворота. Скорее всего, маэстро садовых ножниц просто намеревался придать себе значимости в глазах недалекого миллионера и попутно обобрать его на дорогостоящем заказе. Это было понятно даже младенцу, обладающему хоть капелькой чувства прекрасного.

Но, наткнувшись на злобный взгляд садовника, Динозавр не стал высказываться со всей прямоотой, а посоветовал со всей возможной дипломатичностью:

– Мне кажется, все соседи будут против такого проекта из-за тополей. Не хватало нам здесь только туч летающего пуха, на которого у половины жителей стойкая аллергия. Это раз.

Ну а во-вторых, лично мне никоим образом не понравятся рои пчел, которые все теплое время года будут залетать в мои окна. Здесь все-таки не ферма и не скотный двор!

Кажется, такие высказывания не только насторожили, но и напугали препротивного Клауса. Проскрипев что-то неразборчивое, он захватил свои планы и скрылся за дальним углом дома.

Бонке замычал от удовольствия и вытер ладошкой пот со лба:

– Уф! Ты просто не знаешь, как ты меня выручил.

– Да чего там, – улыбнулся сочувственно Дин. – Для соседа не жалко.

– Ты не представляешь, как он меня достал!

– Странно. Уволь его к чертовой матери – и всего делов!

– Ага! Так он и уволился! – запричитал Борис, чуть не плача. – Я было попробовал наемкнуть, так он мне и профсоюзом обещал наехать, и лигой безработных, и комитетом по защите прав простого населения. Ты знаешь, я сам порой наглый и хамоватый, но от хамства этого Клауса меня чуть удар не хватил. И вот теперь он еще и выдоить меня решил на ровном месте.

– Если бы только выдоить! А то ведь опозоришься и в самом деле перед соседями.

– Что же мне с ним делать? Он ведь не успокоится...

Динозавру стало немного жаль соседа-весельчака, и он задумался – всего лишь на минуту.

– Ты вон каких красавиц в дом водишь. Так подговори одну из них, пусть по саду прогуляется да этого «гения по чертополохам» хоть разок к сиськам прижмет. Сразу же делай фото – и подавай на него в суд за соращение твоей невесты. Еще и сам будет просить, чтобы его уволили без выходного пособия.

Лицо Бориса расплылось в блаженной улыбке.

– Как просто... Почему я раньше не догадался? Ну, сосед, спасибо! С меня причитается! – Он с благодарностью потряс руку Дина и уже собрался расстаться, как вдруг сообразил, что поступает не совсем вежливо. Некоторое время на его сморщенном лбу явственно читалась жаркая борьба между жадностью и мотовством, но потом все-таки желание выглядеть гостеприимным победило: – Приглашаю ко мне на чашечку кофе. Заодно и дом помотришь.

– Да я, в принципе, твой дом осматривал, когда он стоял на продаже, – с сомнением отозвался сосед, но тут уж в господине Бонке разыгралась тщательно лелеемая хвастливость:

– Но ты его видел без мебели и всего остального! А вкус у меня все-таки есть, хоть я и сам из простой... – Тут он замялся, подбирая слова и пытаясь скрыть оговорку: – Хотя я никогда не зазнавался!

Из чего стало понятно, что Борису Бонке просто обломилось гигантское наследство и теперь он превратился в эдакого сибарита, прожигателя жизни. Прижимистость, экономия и жадность до сих пор в нем сидели довольно крепко, но вот женщины его точно вскорости разорят, потому что на них он не жалел никаких средств. Да и не только на них, как оказалось. Немного подумав, он решительно выдохнул:

– Ну а к настоящему бразильскому кофе я тебя угощу коньяком на твой выбор. У меня в баре сейчас скопилось три тысячи двести шестнадцать сортов и наименований.

– Сколько?! – не поверил своим ушам сосед.

– Сколько слышал! – продолжил хвастаться Бонке. – Причем я собираю и пробую только самые лучшие.

– Ну... – Дин развел руками, хотя перед этим мельком взглянул на часы. – Как говорила моя гулящая бабушка, от таких предложений не отказываются. Тем более, что коньяки и бренди я просто обожаю и сам в них неплохо разбираюсь.

– Правда?! – Борис с самым искренним дружеским восторгом подхватил соседа под локоть и потянул в свой дом: – Тогда мы сейчас проведем совместную дегустацию несколь-

ких новинок моей коллекции и обменяемся мнениями. Как здорово! Что же ты раньше скрывал?

– А ты спрашивал?

Так они, балагурия, и вошли вовнутрь. Но еще на пороге агент Королюхов дал условный сигнал своей группе поддержки. Те немедленно приступили к операции «Доставка тел». Причем очаровательных прелестниц намеревались доставить лучших из обитающих в округе. Вдобавок именно тех, что уже бывали в гостях у развратного миллионера и очень старались в очередной раз заработать не менее щедрую плату за свои ласки. Вариантов для такого случая было несколько, и, следуя поступившей команде, надлежало подвезти парочку самых эффектных и соблазнительных бестий.

Пока расторопная кухарка готовила кофе, Бонке быстро показал соседу основные достопримечательности утонченно и со вкусом обставленного дома и усадил в огромном салоне на уникальные кожаные кресла из крокодильей кожи. Вся тыльная стена помещения была оборудована под роскошный бар, на полках которого в несколько рядов теснились тысячи бутылок. При виде такого многоцветного изобилия Дмитрий Светозаров не смог сдержать восклицания:

– Ух ты! Впечатляет!

– Красиво жить не запретишь!

– Но как же ты хранишь такое достояние? Ведь у тебя такие оргии порой слышатся... Наверняка девицы не один раритет выхлебали. А?

– Еще чего! – самодовольно ухмыльнулся Борис. – Для баб-с есть пойло попроще. Я их к бару и близко не подпускаю. Его содержимое лишь для настоящих гурманов и сибаритов. – Он элегантно поставил на столик три бутылки, запечатанные сургучом. – Вот, присмотришь, встречал когда-нибудь такие?

– Увы, не довелось. Хотя надписи на кастельяно.

– Ну да, это мне по специальному заказу из Испании привезли.

– Почему взял? – деловито поинтересовался Динозавр. После чего хозяин дома на короткое время помрачнел челом. Но потом, вздохнув, быстро взял себя в руки, предвкушающе улыбаясь:

– Вот давай вначале попробуем – и только после этого дадим предположительную оценку каждому.

Полчаса опробований переросли в целое представление, диспут и исторические экскурсы в прошлое благородных напитков. Борису Бонке удалось поразить соседа своими обширнейшими знаниями в этой области. Он, несомненно, оказался гораздо большим экспертом, чем Динозавр, как в «чистом» виноделии, так и в производстве более крепких напитков. Ценность дегустируемых сортов, тоже по обоюдному мнению, оказалась соответствующей баснословной цене, и теперь Бонке радовался как ребенок, выражая укрепившееся доверие к поставщику. Как следовало из этого, вскорости новые сорта редкого бренди из глубоких подвалов Кадиса пополнят многочисленную коллекцию.

Само собой, что и Дин пригласил соседа на следующий раз в свой дом для дегустации весьма и весьма, как он загадочно выразился, диковинных вин. Ко всему прочему, и все три бутылки, стоящие на столе, медленно, но неуклонно пустели. Пить такую амброзию для собеседников оказалось сплошным удовольствием.

Вот тут как раз и появились доставленные в лимузине женщины. Ими оказались две сестры-близняшки, самые знаменитые топ-модели в этом земстве. Как только Динозавр их рассмотрел и узнал, то у него отвалилась челюсть и он лишился дара речи. Красотки тем временем с веселым смехом набросились на хозяина дома, тиская его за все места и осыпая его немного смущенную физиономию горячими, страстными поцелуями. При этом они еще успевали весьма кокетливо и игриво поглядывать на гостя, что тоже было с ними оговорено заранее. После окончания этих пылких приветствий Бонке кое-как вырвался из пылких объятий

и стал знакомить девушек со своим соседом. Еще пять минут – и оттаявший, вновь обретший дар речи Динозавр интенсивно включился в веселый, ни к чему не обязывающий диалог, который касался только показов мод да прибытия в город одного из ведущих стилистов Европы.

А тут и очередь кухарки подошла, уже переодевшейся в лучший костюм прислуги-официантки. С интонациями хозяйки публичного дома она громко заговорила от двери:

– Герр Бонке, где прикажете накрывать на стол?

– Во внутреннем дворе, возле бассейна! – отозвался хозяин, а когда кухарка вышла, заговорщицки подмигнул соседу: – Девочки просто обожают совмещать купание с застольем и прямо-таки бравировать своей наготой. Надеюсь, ты не сомневаешься, что они того стоят?

– Нисколечко! Такие аппетитные попки сразу вызывают повышенное слюноотделение.

– Так ты присоединишься к нашей трапезе?

– Я даже не знаю... Может, в следующий раз, когда я возьму своих подружек? Мне ведь тоже есть чем похвастаться.

– Проще им позвонить сейчас, – подсказал Борис, несколько ревниво прижимая топ-моделей к себе. – Раз пошла такая пьянка...

Кажется, сосед уже мысленно согласился и потянулся за своим телефоном, как вдруг его взгляд наткнулся на большие напольные часы:

– Кошмар! – Он даже за голову схватился. – Я к тебе только на полчаса зашел, а скоро уже час, как я здесь. Извини, мне обязательно надо быть в одном месте.

Казалось бы, для агента такой неожиданный уход объекта может послужить разочарованием, но Борис Королюхов оказался гениальным актером до конца. Динозавр явственно рассмотрел мимолетное облегчение на лице миллионера Бонке и даже услышал довольный вздох. Сразу становилось ясно, что за своих красоток этот богатый наследник любому глотку перегрызет. Да и в самом деле, куколки того стоили, поэтому Дмитрий Светозаров по-приятельски хлопнул обеспокоенного соседа по плечам и пообещал на прощанье:

– Ничего, в следующий раз я тебе таких чаровниц покажу – обзавидуешься! Позже созвонимся!

– Ага! – только и буркнул Бонке, со всем вождением прижимаясь к красоткам и нервно дожидаясь момента, пока сосед удалится, чтобы со всей страстью наброситься на красавиц.

Выходя на лужайку, Динозавр восхищенно мотал головой и с хихиканьем представлял разыгрывающиеся у него за спиной откровенные сценки. Да еще и приговаривал при этом:

– Классный мужик! И чего я сразу с ним не сблизился? Ничего, мы с ним вскоре ка-а-ак загуляем! Но где он столько коньяка набрал?.. Настоящий нувориш!

Поздним вечером, после тщательного анализа каждого жеста и каждого слова, Павел Павлович признал работу агента-миллионера идеальной. Все полагали, что Каралюх на верном пути, а огромное количество потраченных денег все-таки переходит в качество и приносит определенные плоды. Сам Борис был на седьмом небе от счастья и гордости, но еще выше он поднялся в своем злорадстве. Очередные расходы теперь станут еще больше, так что шефу в скором будущем ну никак не отвертеться от неприятностей. И вдобавок тщательно рассчитанная и выверенная операция самой Александры летела коту под хвост. Она сделала ставку только на ностальгические воспоминания объекта и его многолетние привычки, но получилось, что расчет не оправдался. Как говорится, клиент сделал ручкой и не спешил сунуть голову в расставленную ловушку. Тем более что сама ловушка, по безапелляционному мнению Королюхова, выглядела хуже, чем мышеловка без сыра и пружинки. Формальная, дешевая пустышка.

Этой ночью миллионер Борис Бонке спал, удовлетворенный во всех отношениях: морально, телесно, алкогольно и даже, так сказать, злорадно. Все шло как нельзя лучше.

Только вот на следующий день роли поменялись: первую победу одержала Александра. Ее тщательно и скрупулезно разработанный план тоже дал отличные результаты. Клиент клюнул на живца.

Началось все сразу после завтрака, когда Дмитрий Петрович Светозаров вышел на крыльцо своего дома с большой спортивной сумкой. Несколькими минутами раньше стоящий через два проулка лимузин господина Бонке сорвался с места по сигналу группы наружного наблюдения и подъехал к дому аккуратно в тот момент, когда сосед пересекал свою лужайку по дорожке. Приходилось варьировать моменты «случайных» встреч со всей возможной выдумкой. Ведь будет слишком подозрительно сутками ругаться с хамоватым садовником, а так – просто очередное совпадение, хозяин вернулся из деловой поездки.

Кстати, Борис сделал вид, что не пытается заговорить первым, когда вылез из лимузина. Просто несколько стеснительно махнул приветственно рукой. Зато сам Динозавр заговорил с поощрительной улыбкой:

– Ну как вчера, расслабился?

Физиономия соседа сразу расплылась от счастливых воспоминаний.

– Очень даже ничего! Они такие выдумщицы... – И, уже почти разминувшись, обернулся с недоумением на сумку: – Да ты никак еще и в гольф играешь?

– Тебе он так нравится?

Агент знал, что объекту этот вид спорта совершенно не нравится, поэтому мастерски скривился:

– Терпеть не могу! Несколько раз меня затягивали, так я чуть от скуки не помер. И чем это он вас всех так прельщает?

– Да нет, мне эти походы за престижем тоже не нравятся, – хохотнул Дин, подходя к своему авто и закидывая сумку в багажник. – Здесь коньки, наколенники, теплая одежда. Еду на каток.

Продолжающий идти бочком к своему крыльцу Бонке резко встал и завистливо воскликнул:

– Класс! Я тоже обожаю коньки и каток. Только вот меня никто толком не учил кататься.

– Чему там учиться? – Сосед обошел машину и оперся на крышу со стороны своей двери. – Хочешь, присоединяйся, и поедем вместе.

– Да у меня и коньков-то нет...

– Там все есть напрокат. Поехали!

Будь воля Королюхова, он сразу бы согласился и сделал все, чтобы испортить задумку Александры. Но в данном случае он просто вынужден был только подыгрывать. Поэтому и выдал приготовленную самой жизнью фразу:

– Езжай сам, у меня тут еще дела. Но как освобожусь, постараюсь успеть хоть пару кругов с тобой прокатиться.

– Ну вот, а говорил, не умеешь! – Динозавр показал большой палец: – Жду! Часа три я там точно пробуду! – Плюхнулся на сиденье и уехал.

Тем временем агент уже давил со злостью на кнопки карманного сигнализатора, запуская в программу операцию «Каток». Хоть он и кипел от злости и служебной ревности, но прекрасно понимал: если что не так, шеф по головке не погладит – будет терзать потом за каждую секунду промедления. Сейчас ему оставалось только блаженно надеяться, что объект так и не клюнет на подставляемого ему живца. Вот тогда Борис от всей души похочет над дурочкой, отзывающейся на базарную кличку Шурка.

Глава 4

Помощь друга

В королевстве Ягонов Дин появился в срок, как и обещал. Хотя день уже заканчивался и близился вечер.

Тем не менее его рассмотрели издали, когда он приближался со стороны леса к западным воротам. Да и выделялся из числа путников: опирался при ходьбе на палочку, был облачен в одежды явно иноземного покроя, а за спиной у него висел слишком уж отличающийся от здешних стандартов вещмешок. Заранее предупрежденные стражники теперь тщательно присматривались к каждому, кто входил в город, поэтому сразу заметили совпадение всех примет. Самое главное, по описанию короля, гость мог прихрамывать на правую ногу. Сомнений почти не было.

Обычно одиноких путников в Вельгу пропускали без всяких вопросов, пошлина распространялась только на ввозимые товары, но на этот раз старший наряда шагнул навстречу незнакомцу:

– Добро пожаловать в столицу нашего королевства! По какому делу идете в город?

Тон у дюжего воина был вежливый, скорее даже предупредительный, поэтому Дин сразу решил выложить свою просьбу именно ему. Хотя и сомневался, что ему вот так сразу укажут путь к нужному человеку. Все-таки в Вельге проживало около тридцати тысяч человек, да и приезжих постоянно крутилось около пяти тысяч. Но если припомнить, что Бон хвастался, что он чуть ли не самый лучший ученый данного королевства, то и первый встречный воин вполне мог знать к нему дорогу.

– Мне нужен Бонзай. Не подскажете, как к нему пройти?

– Почему не подскажем, мил человек. – Старшина наряда, похоже, даже обрадовался гостю. – К нашему Бонзаю многие приходят. Только как вас звать-величать?

– Шафик Дин, – ответил гость, почему-то давя непроизвольную улыбку.

Теперь отпали последние сомнения, и воин стал действовать по жесткой сути инструкции:

– Мы предупреждены о вашем прибытии и сейчас вас проводят. Боди! – обратился он к одному из младших стражников. – Проводи господина шафика в малую посольскую избу!

Когда гость в сопровождении воина отправился от ворот по внутренней улице, старшина дал отмашку второму подчиненному:

– А ты скажи к его величеству и доложи о том, что шафик уже в столице.

Вскоре и всадник умчался по параллельной улице и, естественно, добрался до королевских палат гораздо раньше пеших. Повезло отыскать молодого монарха чуть ли не сразу. Тот, видимо, и так находился в нетерпении, сидя у окна и выглядывая на центральную площадь. А как увидел скачущего во весь опор всадника – поспешил на парадное крыльцо. Выслушал доклад, потер на радостях руки и полез в карман сюртука:

– Благодарю за службу! Весь наряд получит поощрение, а это – за хорошую новость!

Воин ловко поймал брошенную большую серебряную монету, которая приравнивалась к малому золотому, и рявкнул на всю площадь:

– Рады стараться, вашличество! – На такую сумму весь наряд славно погуляет в трактире после окончания смены.

А король уже распоряжался своими помощниками:

– Встретить гостя учтиво, усадить в первой приемной, предложить легкие напитки. В малой столовой накрыть стол на двоих, чтобы выглядело скромно и не чрезмерно, но – лучшие блюда и закуски, как я перечислял раньше. И никаких посторонних разговоров!

Затем лихо развернулся на каблуках и помчался переодеваться в более скромные одежды. Не хотелось ему почему-то с первой минуты встречи в собственном дворце кичиться перед новым товарищем ни своими нарядами, ни своим наивысшим титулом.

Когда молчаливый провожатый привел Динозавра к малой посольской избе, тот окончательно утвердился в мысли, что его товарищ все-таки занимает в столице достойное место. Наверняка редкие в этом мире ученые и здесь ценились должным образом, раз такой молодой парень обитает поблизости от королевского дворца. Сам дворец, к которому почти примыкали обе посольские избы, напоминающие разные по размеру гостиницы, не отличался громадными размерами или ненужной помпезностью. В иных мирах Торговцу доводилось видеть дворцы в десять раз крупнее, чем этот. И строились они порой в таких мелких королевствах, что вся их площадь могла поместиться в пригороде Вельги. Легкое здание скорее напоминало изящный замок, чем тяжелую махину монаршей резиденции. Зато как оно оригинально смотрелось из-за массы отличительных деталей и редкого сочетания элементов наружной отделки! Любо-дорого было посмотреть!

На входе в посольскую избу гостя поджидал слуга в ливрее зеленого цвета, который чинно поклонился и попросил следовать за собой. Заведя в уютную приемную с удобными диванами и креслами, сплошь устеленную искусно выделанными медвежьими шкурами, слуга предложил присесть с дороги, выпить чего-нибудь прохладительного и подождать самое короткое время. После чего величественно удалился.

Ничего не оставалось, как аккуратно усесться возле столика, отложив палочку в сторону. Но только гость стал присматриваться к прозрачным графинам и выбирать напитки по запаху, как в гостиную ворвался Бон, на ходу раскрывая руки для приветствия.

– Дин! Как я рад тебя видеть!

– О! Бон! И я тебя тоже!

Они похлопали друг друга по плечам, как старые добрые друзья. Затем сразу посыпались вопросы:

– Как твоя нога? Не болит? Не далеко пришлось идти? Или удалось найти дырку близко от Вельги?

– Нога до свадьбы заживет, как говаривала моя бабушка. Стараюсь идти спокойно, тогда боль не мешает. А проход сюда отыскал всего в полумиле от западных ворот. Ну а ты как? Далеко тогда пришлось бежать?

– Пустяк! Уже через три мили выскочил на поселковую дорогу, а там сразу и хутор увидел. Ну а дальше все верхом, с заливчатским ветерком.

После последней строки Дин закатил глаза от восторга:

– Вижу, ты еще и поэт! А судя по такому приему, – он развел руки в стороны, – как минимум придворный звездочет. Признавайся!

– Ох, – притворно вздохнул Бонзай. – Лучше жить подальше от царских ворот, зато не иметь никаких забот. Вон, на том хуторе, где лошадь брал, живут люди и не тужат. Ничего их не волнует и дальше собственного хозяйства ничего знать не желают.

Лицо гостя посерьезнело:

– Теперь догадываюсь, что и проблемы у тебя явно не крестьянские. Рассказывай!

– Э-э, нет, друг любезный! Давай сначала угостимся с дороги, промочим горло нашим любимым вином и только потом про заботы вспоминать будем.

– Неужели удалось разыскать далийское?

– Обижает! Чтобы я для тебя да не постарался? – Молодой монарх заговорщически подмигнул своему гостю, увлекая за собой в соседний зал. – Правда, много разыскать не удалось, но нам на двоих, может, и хватит...

– Сколько?

- Всего тридцать один литр удалось насобирать.
- О-о-о-о... – затянул Дин в изумлении.
- Да не расстраивайся ты так, через недельку еще подвезут. Сделал самый срочный заказ.
- А-а-а-а...
- Ну вот, присаживайся!

Бон указал на высокий стул-кресло с удобными подлокотниками и с высокой спинкой и сам уселся на такой же. Обегая глазами расставленные на небольшом (сравнительно, конечно) столе закуски и холодные блюда, гость опять выразился одной гласной буквой:

– Э-э-э-э...

– М-да! Эх тебя с голодухи да на сухое горло пробрало! – воскликнул хозяин застолья, собственноручно щедро наливая дальйское в высокие, но незатейливые кубки. – Ну, за встречу!

Выпили и набросились на закуску. Хоть Динозавр перед путешествием плотно перекусил, здесь он признал поданные кушанья настолько изысканными и вкусными, что приходилось даже сдерживать неожиданно проснувшийся зверский аппетит. Способствовало усиленному пищеварению и обильно подливаемое в кубки вино. Ну а когда слуга подал на горячее метровые шампур в виде боевых мечей с нанизанными на них кусищами прожаренного на углях мяса, гость воскликнул с восторгом:

– Мм! Какой убийственный запах! Все, теперь я точно лопну от обжорства!

– Ты еще не нюхал десерт! – не забывая доливать, предупредил Бон.

– Как? Еще и компот будет? – засмеялся Динозавр. – Тогда и вино нет никакого смысла пить. Все равно такая закуска любой хмель перебьет.

– Конечно, сейчас – другое дело, – поддержал его смехом собутыльник. – В прошлый раз нас в лесу так разобрало, что чуть сами закуской не стали.

– Да уж! А вот однажды...

Трапеза продолжилась в таком ключе, среди воспоминаний о веселых приключениях – до того времени, когда подали сладкое. Глядя на обилие разукрашенных тортов и калейдоскоп прочей выпечки осоловевшими от переедания глазами, Торговец протяжно застонал и признался:

– Смотрятся как лакомство из детских мечтаний. Глаза бы все съели. Да только руки уже не поднимаются.

– Нет проблем, сейчас служаночку кликнем, она тебя своими ручками покормит, – стал заверять хозяин застолья. Но сразу получит в ответ категорическое «нет» и поясняющую причину отказа:

– Жить хочется! Давай лучше перейдем к твоим проблемам, дружище.

– Да? Ну ладно, коли так, слушай.

Так и не раскрывая, что именно он является обладателем местной короны, Бонзай подробно рассказал новому другу обо всех бедах, валящихся на беззащитное королевство. И про наверняка начавших свой водный поход ледовых берсерков, и про плюющего желчью соседа с запада, и про ультиматум Визенской империи. Кратко дал характеристику доминирующей в подлой империи церкви, а на закуску привел сравнительные данные по численности и мощи местного войска и войск соседей.

Сочувственно покивав, гость поинтересовался:

– Действительно полный кризис. Но почему ваш король совершенно не чешется?

Бонзай Пятый притворился доверчивым дурачком и переспросил:

– Чесаться? Разве это помогает? – а затем принялся демонстративно чесать свой бока. Довольно скоро это ему надоело, и он пренебрежительно фыркнул: – Не-е! Нисколько не помогло!

Шафик соображал быстро и верно. Потому что сразу стал понимающе улыбаться:

– А-а-а, так это ты и есть – местный, так сказать, власть имущий?
– Увы! Он самый, – признался молодой монарх. – А что, уже и не человек теперь, что ли?
– Да нет, как раз очень нормальный парень. Просто это мне повезло найти такого собутельника. Значит, ты?..

– Представлюсь уже полным именем: Бонзай Пятый, из династии Ягонов. Но! Для тебя просто Бон. Всегда и в любом месте. Договорились?

– Согласен, – просто ответил новый товарищ.

– Вот за это и выпьем!

Когда очередные кубки были опустошены, гость немного подумал и спросил:

– Бон, а как ты вот мою помощь себе представляешь?

– Ну, не знаю. Мне ведь все твои умения не ведомы. – Король коротко задумался. – Но ты бы мог просто появиться неожиданно возле главных моих недругов и показать им кулак со словами: «Не смейте беспокоить королевство Ягонов!»

– Думаешь, это их остановит?

– Вполне! Я бы, например, сразу разворачивался и бежал бы изо всех сил домой.

– Сомневаюсь. Явно на себя наговариваешь. Наверняка бы укусил за показанный кулак.

Но тут важно другое: ты, скорее всего, и так не пойдешь на соседа. Правда?

– Никогда!

– Вот. А твои враги, скорее всего, ни перед чем не остановятся. Так что тут надо вначале за ними присмотреть, и только тогда уже окончательно решить, как их образумить. Вплоть до того, чтобы укоротить их на размер головы.

Бонзай уставился на своего гостя с повышенным интересом:

– У тебя на такие меры нет каких-нибудь запретов? Скажем – моральных?

– Повидал бы ты с мое – не спрашивал, – пожаловался Дин. – У меня со сволочами разговор короткий, да и у их подельников после наглядного урока желание делать пакости пропадает. Другое дело, что и кулак показать вначале, как ты советовал, я не погнушаюсь. Бывает, и конченные подлецы за ум берутся, свой образ жизни кардинально меняют.

– Есть какие-то конкретные задумки?

– Конечно, есть.

– Даже против Визенской империи?

– Конечно, там тоже кулаком помашем, – пообещал гость. – Только давай будем решать проблемы по мере их поступления. Кто у нас идет первым по списку? Северные смутьяны? Вот с них и начнем. Где у тебя карты?

Перебравшись за другой стол, дождались требуемых плакатов, и Дин стал сверять их с данными, которые имелись в его ноутбуке. Кстати, блестящая диковинная оргтехника не произвела на короля слишком большого впечатления. Наверняка он сразу решил, что подобными штуками любой шафик обладает.

Попутно гость скрупулезно выяснял все про детали быта, уклада гражданской жизни и иерархии управления северных викингов, немало подивившись при этом и самому названию воинственной народности, и их огромному сходству с аналогами на Земле. Очевидно, ему стала интересна история ледовых берсерков, раз он пообещал в ней покопаться при первой же возможности.

Сами по себе соседи с севера за всю обозримую историю на южных соседей, то есть королевство Ягонов, не нападали. Они себя считали покорителями Сурового моря и искали воинской славы только на широких водных просторах, снимая подать с жителей всей линии северного побережья континента. И только смерть сына их короля заставила берсерков повернуть свои ладьи на речные просторы. Вернее, построить новые в бурных истоках рек с этой стороны труднопроходимых гор. Да и то, по всеобщему мнению, в намечающейся агрессии особое слово сказал лично король, который и воспитал такого скандалиста и забияку. Потворствуя

сыну во всех грехах и слабостях, он разрешал наследнику путешествовать где заблагорассудится и вытворять что угодно. Вполне естественно, что подобный образ жизни должен был закончиться только одним: смертью бузотера. Просто королевству Ягонов сильно не повезло, что расшалившегося викинга проткнули именно на его территории.

Дину больше понравилось утверждение, что виноват во всем этом безобразии только король.

– То есть если он вдруг показательно пойдет ко дну, вся его рать отмороженных смутьянов, скорее всего, повернет домой?

– Однозначно! Даже его сподвижники поспешат на родное побережье, чтобы или самим побороться за престол, или вовремя поддержать нужного им претендента на престол. А новому королю потом будет не до нас.

– Вот, уже легче, – обрадовался шафик. – Теперь нам надо выбрать место для представления и хорошенько присмотреться к противнику на дальних подступах.

Бонзая удивило последнее утверждение.

– Как «мы» будем присматриваться?

– Увидишь. Теперь о нашей засаде. По какой из этих трех рек они будут наступать?

– Только по этим двум и, скорее всего, одновременно двумя флотилиями.

– Значит, они все равно встретятся в этом озере возле самой Вельги. И, мне кажется, этот островок для нашей затеи подойдет лучше всего. Как он выглядит?

– Так же, как и называется: Меч. Он и формой оружие напоминает, и торчащими из него колючими скалами.

– Лучше не придумай! Значит, в ближайшие дни я там все как следует высмотрю, подготовлю, а потом мы с тобой подадимся в дальнюю разведку.

– И это все, что ты мне сейчас скажешь? – засомневался молодой король.

Шафик Дин решительно выдохнул:

– Нет! Еще скажу, что время течет стремительно, мне надо очень спешить, а следовательно... пора нам возвращаться к десерту!

Несколько дней после этого Дин в Вельге не появлялся. За этот период в столице произошло два преднамеренных поджога, которые удалось погасить только с огромным трудом и с человеческими жертвами. Враги начали войну саботажа и диверсий. Но и Бонзай Пятый не сидел сложа руки: неожиданно для всех он провел две тотальные облавы по всему городу, сопровождая их тщательными обысками и отловом всех подозрительных личностей. Как среди приезжих, так и среди собственного люда. Причем подошел он к проблеме не просто с позиции силы и власти, а применил несколько научных новинок и детективных наработок, которые его новый друг успел поведать во время десерта. Ну и свою исследовательскую сообразительность включил на полную мощь.

В итоге в густые сети облав попало около двух десятков человек, которые и дальше собирались сеять смуту. Правда, одной группе из нескольких злыдней удалось уйти чисто случайно, перед самым началом первой облавы. Так, по крайней мере, решили следователи. К гордости горожан, предателей среди поджигателей и прочих диверсантов оказалось всего двое, да и те считались претендентами на казнь уже давно. Все остальные были засланцами как со стороны запада, так и со стороны Визенской империи. За целый день пыток они поведали все о своих нанимателях, а вечером, при свете костров, преступников равномерно распределили по виселицам возле всех четырех ворот города. Причем виселицы возвели не слишком близко к крепостной стене, дабы впоследствии вонь от разлагающихся трупов не мешала ратникам нести свою службу на стенах. Как раз рядом с прежними помостами, где висели не так дано повешенные представители Визенской церкви. И таблички на грудь казненным с обвинениями прикрепить не забыли. Дабы такая казнь была напоминанием и уроком каждому новому врагу.

Как раз на следующее утро, уже без палочки, шафик вошел в город. На этот раз его никто ни о чем не спрашивал, а сразу предоставили оседланного коня и в сопровождении почетного конвоя доставили во дворец. Здраваясь с королем, он поинтересовался:

– Ты никак разбойников выловил? Облагораживаешь пейзаж?

– Татей у нас испокон века не водилось, – погрустнел до того улыбавшийся Бонзай. – Это мне дядя и Константин Сигизмундович первых своих шпионов прислали. Да и старых парочка окопалась. Спасибо тебе за советы, ты словно предвидел такую напасть.

– Везде все одинаково, и почти все войны начинаются по одной схеме. Странно, что викинги никого не прислали.

– Нет, те хоть и дикие, но до таких подлых ударов в спину не опустятся. И королю своему не дадут.

– И то неплохо. Но я вот тут тебе еще некоторые гостинцы принес, весьма полезными будут при выявлении силы вражьи, вокруг тебя окопавшейся. – Дин снял со спины внушительный вещмешок и аккуратно поставил на стол гостиной. – Потом, когда вернемся, ты мне пару смекалистых парней предоставь: я вам, сразу троим, расскажу, как и чем тут пользоваться.

– Шустрых и сообразительных отыщем. У меня в лаборатории и библиотеке таких умников хватает. Может, мечом махать у них кишка тонка, а вот для сыска они в самый раз подходят. Только что значит «когда вернемся»? Там ведь уже столы накрывают...

– Нет, дружище. Пировать надо после победы, а я в прошлый раз еле от тебя живым ушел, вернее, как колобок укатился. Да и для простой трапезы надо вначале аппетит нагулять. Готов?

– Спрашиваешь! Сколько воинов с собой возьмем?

– Желательно идти вообще только нам двоим, разве что прихвати одного надежного парня. Пусть, пока нас не будет, за лошадьми присмотрит.

– Да ты не сомневайся, у меня все люди надежные, – чуть ли не обиделся Бонзай Пятый. – Без нужды и родной матери слова не пискнут.

– Да дело не в надежности, – смутился гость, в затруднении подбирая слова. – Как бы тебе растолковать... В общем, сам все увидишь. Поехали.

Тем не менее некоторые предосторожности все-таки приняли. Троих всадников, выехавших с заднего двора посольской избы, любой горожанин принимал за курьеров, которые тут разъезжали с особыми большими бляхами на груди. Все остальное довольно удачно скрывал просторный плащ с низко опущенным капюшоном. А для лучшей видимости в капюшоне имелось несколько прорезей.

В лесу друзья оставили сопровождающего с лошадьми на глухой лесной дороге, а сами отправились напрямик через густые заросли. Разве что гость перед уходом предупредил остающегося с животными парня:

– Когда услышишь жуткий грохот, словно гром гремит, не пугайся и успокаивай лошадок.

Пройдя полмили, Дин отыскал в глухомани маленькую полянку, скинул плащ, а когда король последовал его примеру, протянул тому плотную, почти в палец толщиной белую повязку для глаз:

– Когда я провожу через стыки миров постороннего человека, тот чувствует себя очень плохо. Но если при этом он еще и глаза откроет, потом его долго рвет и он ни на что не годен. А времени у меня в обрез. Так что не вздумай хотя бы краем глаза подсмотреть то жуткое сияние, которое возникает при переходе. А на грохот и скрежет не обращай внимания.

Бонзай не колебался ни секунды. Пока шафик говорил, он быстро надел повязку, которая полукруглыми утолщениями закрыла глазные впадины наглухо, а потом протянул руку вперед:

– Все понял. Веди.

– Э-э, нет! И тут не так все просто. На этот раз я тебя буду катать на себе. – Торговец завел руку невидящего товарища себе на плечо и подставил спину: – Запрыгивай!

Сомнения у короля все же появились.

– Но ведь у тебя нога сломана. Вряд ли уже срослась как следует.

– Ничего-ничего. Мне, выражаясь фигурально, всего несколько шагов сделать надо. Так что нога выдержит твой вес.

– Эх... Теперь понятно, почему ты кольчугу и латы запретил надевать.

После этого местный монарх чуть подпрыгнул и грузно оседлал своего товарища. Хорошо, что при этом он не видел, как Дин покривился от неприятных ощущений в ноге: Бонзай Пятый весил килограммов на тридцать больше, чем он сам.

Потом шафик чуть покачался для устойчивости и стал делать первые шажки. И ожидания не обманули короля: грохот буквально оглушил, непонятный скрежет ошарашил, а яркие разноцветные вспышки прорвались даже сквозь плотно сжатые веки и многослойную белую повязку. Мало того, появилось ощущение, что их вдруг стало разворачивать в пространстве вниз головой: пришлось монарху еще крепче обхватить своего носильщика и руками, и коленями.

Привычные ощущения собственного тела вернулись быстро и неожиданно, под шум раскатистого грома, словно уносящегося куда-то вдаль. Только тогда Бонзай услышал сдавленный хрип:

– Все, приехали! Слезай! И, твою мать, прекращай меня душить...

Непонятное в данной ситуации упоминание матери вернуло Бонзаю рассудительность, и он осознал, что действительно переборщил с объятиями. У него коленки и локти словно судорогой свело. Разжав хватку, он опустил ноги и встал на каменистую поверхность. Легкие порывисто втянули в себя свежий, очень влажный воздух, а в следующий момент после короткого прокашливания донеслось разрешение:

– Снимай повязку!

После этого король несколько минут рассматривал представившуюся его взору панораму. Они находились на самой верхушке далеко вдающейся в водную гладь скалы. Иссиня-голубое озеро раздавалось в стороны и стремительно убегало вдаль, теряясь между пологими берегами, покрытыми исполинскими деревьями.

– Остров Меч!.. – выдохнул Бонзай в блаженном восторге.

– Он самый, – подтвердил шафик, продолжая массировать шею. Что сразу вызвало раскаяние:

– Ты уж извини, что я тебя придавил малость... Предупредил бы, что нас вращать начнет, – стал извиняться король, но его товарищ только рукой махнул:

– Не забивай себе этим голову, а лучше слушай внимательно. Это я сейчас сразу сюда двинулся, но со стороны нас было видно, притом – в сиянии молний, что, как ты понимаешь, нежелательно. Поэтому в следующий раз мы появимся вон там, в низине. – Рука Дина указала чуть ли не на противоположный край острова. – Ближе створ не доходит. Зато появимся там только с шумом – без световых эффектов. Твоя задача: мчишься сюда, раскрываешь вот этот металлический ящик и достаешь вот эту штуковину...

Плоская металлическая коробка, которая сразу не бросалась в глаза, теперь была открыта, и из нее шафик достал несколько изогнутых проволочек, скрепленных между собой чем-то похожим на черную задубевшую кожу. Затем он несколько раз показал Бонзаю, как это сооружение следует закреплять на голове, и только потом продолжил инструкцию:

– Вот этот мягкий шарик называется микрофон и должен находиться как можно ближе от твоего рта. Почти касаясь губ. Именно так! Теперь, нагибаешься к ящику и опускаешь вот эту рукоятку вниз. Отлично! Но пока помалкивай и запомни: если будет идти дождь, то крышку обязательно надо закрыть. Так, теперь смотри ниже, сразу у нас под ногами, у самой воды. Видишь два черных ящика? Так вот, если ты начнешь говорить, именно оттуда понесется твой многократно усиленный голос. Говори!

– Что именно? – спросил Бонзай и от неожиданности осекся. Его вопрос, сотрясая воздух, вырвался из черных ящиков с такой силой, словно во всю мощь орала сразу несколько наилучших певцов.

– Как тебе такой голосок? А? – самодовольно улыбался Дин, надевая себе на уши какие-то выпуклые кружки из войлока. – А теперь прорепетируй свое выступление перед подплывающими агрессорами. Скажем, так: «Вон отсюда, замороженные редиски!» А еще лучше, сразу начинай с предложения немедленно разворачиваться.

Молодой король с настороженностью покосился на микрофон у своей щеки и уже в полный голос крикнул:

– Стойте! – и сам подпрыгнул от разнесшегося по окружающим берегам рева. Казалось, даже скала задрожала у них под ногами. Немного оправившись от первого впечатления, Бонзай продолжил с возрастающим артистизмом: – Викинги! Здесь вас ждет бесславная смерть! Возвращайтесь к своему морю и чтите традиции истинных воинов. Мстить за павшего в честном поединке мужчину – подло и несправедливо. Тем более, что ваш мерзкий принц при жизни был придурком. А если вы не одумаетесь и слушаетесь моего приказа, то...

Последующие несколько слов пропали втуне, потому что Дин вернул рычажок на коробке в исходное положение. Затем медленно стянул свои «глушилки» и скептически повертел их в руках:

– Да, в них и оглохнуть можно будет. Следует подыскать что-то получше. Но выступать, признаюсь, ты мастак! Случайно в художественной самодеятельности не участвовал? Не морщся, это я так шучу.

– Ха! Да шути сколько влезет, – развеселился король. – Но что будет, если они не испугаются и будут двигаться дальше?

– Тогда применим более действенные меры убеждения. Там, правее, на карнизе, есть весьма удобная дорожка, по которой я проберусь вон в то углубление между скал. У меня будет с собой мощное дальнобойное ружье, которое на большом расстоянии пробивает человека в латах насквозь.

Бонзай переспросил в недоумении:

– Ружье?

– Ну, это такое технически усовершенствованное оружие, отдаленно напоминающее арбалет, только болт метают не стальные струны, а сила взрыва. Да и сам болт при столкновении с преградой, а вернее во внутренностях преграды, взрывается, как расплавленная капля металла при соприкосновении с ледяной водой.

– Ух ты!..

– Конечно, у нас и гораздо мощнее игрушки имеются, да вот только протащить их в щели между мирами проблематично. Ту, что нам понадобится, и то придется по частям доставлять.

– А ты успеешь ее собрать?

– Успею. И речь тебе надлежащую обязательно придумаем, причем сразу для нескольких вариантов действий противника. Теперь укладывай микрофон в ящик и смотри сюда. – Дин развернул карту. – Вчера я наведалься в верховья рек. Флотилия замороженных редисок (кстати, выглядят они впечатляюще, не могу не признать) уже начала движение. Вчера они собирались причалить на привал вот здесь, еще на своей территории. Значит, сейчас они уже примерно вот здесь...

Бонзай порывисто вздохнул, и лицо его посуровело.

– Им осталось всего четыре дня пути до этого острова!

– Ничего страшного, успеем все приготовить. Но сейчас я хочу с тобой просто заглянуть в их боевой строй: полюбуйся на пьяные рожи. Кажется, они собираются пить до самого боя.

– Сомневаюсь. У них за два дня до сражения вступает в действие сухой закон. Только при приближении к этому озеру они начнут облачаться в латы и готовиться к бою. Но как мы посмотрим? Ведь мне нельзя открывать глаза, а ты не хочешь показывать гром и молнии.

– О! Тут тоже масса правил и ограничений. Самое худшее, что минимальный по шуму гром возле их драккаров все-таки будет. Но, скорее всего, они примут его за природный и будут оглядываться в поиске грозовой тучи. Для нас архиважно не увлечься и не выставить всю голову из пустоты. Иначе какой-нибудь не в меру шустрый арбалетчик засадит болтом между наших любопытных глаз. Ты понял?

– Не совсем, – немного растерянно признался король.

– Ладно, наблюдай на конкретном примере, – стал терпеливо объяснять шафик. После этого он повернулся в профиль, сложил ладони перед собой в виде стенки и стал их медленно раздвигать в стороны, наклоняя в образующееся отверстие голову. – Это как бы граница между двумя реальностями, и мы отсюда пытаемся заглянуть «туда». Но сам глаз я туда переместить не могу, поэтому наклоняю туда медленно все лицо. Что вначале появилось «там»?

– Нос...

– Еще чуть наклоняюсь...

– Лоб и верхние части щек.

– Вот именно в таком положении мои глаза начинают видеть другую реальность. То есть «снаружи» уже изрядный кусочек нашего тела. Если ты увлечешься осмотром, то получится вот так... – Ладони разошлись окончательно, и вся голова Дина пролезла между ними с выпученными глазами. – Чтобы этого не случилось, надо постоянно себя контролировать, отклонять голову назад до частичной пропажи изображения. Потом снова самую малость подаваться вперед. Понял?

– Постараюсь не расслабляться.

– Моя рука будет все время находиться у тебя на груди, в районе сердца, иначе подсмотреть не получится. Но таким образом, с помощью руки, я постараюсь тебе напоминать про отклонение назад, когда и сам так буду делать. Для этого большим пальцем надавлю вот так. Постарайся не забыть. Если нажму два раза подряд – значит, прекращаем наблюдение. Теперь усаживаемся вот на этот длинный гребень.

Как бы странно это ни выглядело, они уселись рядышком, но лицами в противоположные стороны. То есть их правые бока соприкасались. Правые руки они прижали ладонями на груди друг друга в области сердца. И затем шафик впал в какую-то странную окаменелость. Довольно долго ничего не происходило. Но минут через пять Бонзай уловил, как в его правую ладонь стало равномерной пульсацией проникать тепло. Словно удары одного сердца стали ритмично гнать кровь сразу в двух телах. Соображения ученого хватило, чтобы осознать, что в данный момент происходит некая синхронизация двух различных организмов в единое целое. И когда два сердца одновременно с тепловыми импульсами стали биться в унисон, послышался еле слышный шепот:

– Медленно наклоняйся вперед.

Король заранее настроился на очередное чудо, и все равно резко изменившийся вид заставил его вначале отпрянуть назад. Изображение большого драккара с высоты двадцати метров тут же исчезло, и поэтому пришлось наклоняться вперед повторно. Неприятные ощущения вызывал и тот факт, что скользящее по речным просторам судно приходилось рассматривать, глядя вертикально вниз, словно лежа на животе. Тогда как все остальные чувства заявляли о вертикальном положении тела. Появившееся в первый момент головокружение удалось остановить благодаря шершавому камню под левой рукой и плотному сцеплению боками с Динем.

Перед взором короля открылось зрелище головного корабля флотилии викингов. Причем точка обзора оказалась как бы привязанной к движущемуся судну. Все сооружение представляло собой крепкую деревянную постройку тридцати метров в длину и трех в ширину.

С каждой стороны располагался ряд в семнадцать весел, из которых четырнадцать в данный момент располагались в гнездах, стоя вертикально, а по три с каждого борта были в руках у гребцов: те корректировали курс, слушая отрывистые команды рулевого, расположившегося на высокой корме.

Каждым веслом орудовали два гребца, тогда как все свободные от гребли занимались чем угодно. Кто прохаживался по широкому, около метра, проходу между скамьями, кто играл в кости, не сходя со своего места, а кто с любопытством рассматривал берег поверх высоких бортов. Правда, для этого приходилось встать ногами на широкие скамьи для гребцов. Посередине драккар разделялся возвышенным, вровень с бортами, участком палубы длиной около пяти метров, который условно можно было бы считать спардеком. Бушприт судна тоже немного не соответствовал постройкам земных викингов: он выступал далеко вперед и одновременно поднимался на порядочную высоту. Поэтому огражденная тонким леером площадка для вперёдсмотрящих нависала над водой несколько легкомысленно, но могла уместить на своем пятачке около трех лучников или гарпунеров. Промысловая добыча китов в Суrowом море издавна считалась привилегией ледовых берсерков.

Видимо, появление наблюдателей все-таки ознаменовалось хорошо различимым громом, потому что вначале многие воины крутили головами во все стороны, пытаясь высмотреть грозную тучу. Подобное занятие им быстро надоело, и на небо больше никто не посматривал. Из чего стало ясно, что выступающих в их реальность частей лица никто из остроглазых покорителей моря не заметил. Хотя Бонзай не раз ощущал возле сердца резкое нажатие и своевременно подавался назад.

А посмотреть было на что. На спардеке как раз началось странное действо. Откуда-то изпод нижней палубы вытащили женщину и мужчину, сильно избитых, со связанными за спиной руками. Судя по изодранным остаткам одежды на женщине, она до этого много раз подвергалась жестокому изнасилованию. Она даже идти не могла самостоятельно, так и бросил несчастную на дощатый настил приволокший ее викинг. Тогда как связанный мужчина неожиданно показал самоубийственную прыть. Как только он осмотрелся по сторонам, то с отчаянной решимостью метнулся к борту, намереваясь прыгнуть в воду. Его сопровождающий словно заранее предвидел подобную ситуацию: вторая веревка оказалась привязана к запястьям жертвы, а ее конец намотан на кисть тюремщика. Резкий рывок – и пытавшийся покончить самоубийством пленник с жутким стоном рухнул на палубу. Кажется, от боли в вывихнутых предплечьях он потерял сознание. Зато восседающий на огромном кресле вождь после этого дико захохотал, словно наблюдал веселое представление.

В вожде Бонзай Пятый сразу узнал по описаниям короля викингов Ники Туйвола. Огромный, увитый буграми мускулов мужичище наверняка был больше двух метров ростом. Две блестящих от сала косы свисали по сторонам его квадратного, словно вытесанного топором, лица. Глаза горели бешенством и жадной убийства. И пожалуй, только совершенно безусое и безбородое лицо вызывало ощущение некоторого несоответствия. Остальные воины на драккаре красовались различными по форме и размерам бородами. Поговаривали, что растительность у Ники с молодости была слишком реденькая и он во все времена предпочитал быть гладко выбритым. Сейчас король викингов с варварской экзальтированностью радовался начинающемуся представлению.

Вслед за пленниками и их стражами на спардеке появились два тощих старикана, черные тоги которых свидетельствовали об их принадлежности к клану северных шаманов, проповедующих жертвоприношения и по любому поводу, и вообще без всякого повода. Вообще-то в королевстве викингов они тоже были не в чести и вели чуть ли не подпольное существование в глухих горных долинах, поэтому вызывало удивление само их присутствие и явное сотрудничество с Ники Туйволом.

Встав возле самых краев палубы и обратив свои бледные лица к проплывающим берегам, оба шамана неожиданно мощно для их субтильных фигур синхронно затянули литургическую песнь. Король Туйвол на втором куплете присоединил к их дуэту свой рев, за ним нестройно стали подпевать и остальные гребцы. Призыв чего-то страшного на головы их врагов и просьбы к непонятному духу защитить своих воинов в кровавой сече разносились над полноводной рекой минут десять. Но как только последние слова отзвучали, к шаманам резко подтащили обоих извивающихся от ужаса пленников, наклонили их головы за борт, и служители кровавого культа одновременно перерезали ножами жертвам горло. Дав немного стечь крови в прозрачную воду, пинками сбросили вниз и трупы. И опять приготовились к исполнению следующей песни. При этом фигуры в черных тогах возвели очи вверх и набрали в легкие побольше воздуха.

– Я вижу добрый знак! – вдруг истошно заорал один их шаманов, вздымая руки к наблюдателям. – Наши покровители явили свои лики...

Что происходило на драккаре дальше, наблюдатели не стали рассматривать. Частые и резкие нажатия пальцев возле сердца заставили Бонзая выдернуть голову из другой реальности. Короткое головокружение при смене плоскости зрения, небольшая борьба с бунтующим желудком – и вот уже друзья приступили к обсуждению увиденного.

– Выродок! – громогласно возмутился молодой король, вскочив на ноги. – Он, оказывается, и шаманов позвал на помощь! Сволочи! Жертву решили принести при пересечении границы! В морях они такого не вытворяют, а здесь осмелились!

– Значит, раньше викинги себе такого не позволяли? – стал уточнять Дин.

– Никогда! По крайней мере последние лет двести. Во всем виноват этот урод Туйвол и его ближайшие подручные. Это надо же до такого опуститься, чтобы несчастных крестьян в жертву приносить.

– Кстати, а что будет с твоими подданными, которые вдоль рек живут?

– Да тех попробуй по лесам разыщи! Наверняка уже себе заимки, настилы в густых кронах и кладовки в стволах заготовили. А если дома на берегу викинги сожгут, к осени мужики все равно новые построят. Они тут на полной вольнице живут: ни налогов не платят, ни помощи не просят. На обратном пути ледовые берсерки их тоже не побеспокоят: будут рвать жилы с награбленным добром...

– Так ведь тяжело небось грести против течения?

– Кому? Да эти быки поодиночке с веслом справляются часами, а парами гребут как наскипидаренные.

– Постараемся к добру твоего королевства их не допустить. – Шафик похлопал своего венценосного приятеля по плечу. – Тем более, что и жалеть теперь короля Туйвола я не собираюсь. Как и все его окружение вместе с шаманами.

– Справишься?

– Несомненно. В крайнем случае я еще кое-что для подстраховки подготовлю.

Бонзай Пятый тяжело вздохнул:

– Меня другое волнует: как они морской корабль перетащили через горные перевалы? Скорее всего, построили в верховьях. Только вот непонятно зачем. Неужели давно к вторжению готовились?

– Может, и так. Ведь такой величины у них больше судов нет. Зато меньших и совсем маленьких – настоящая туча. При всем желании так и не смог подсчитать и половины, сбился. А ведь и по второй реке сплавляются...

– Да они всем королевством идут, – опечалился Бонзай, уставившись на северный берег озера. – Значит, прав был старый советник: гибель собственного сына Туйвол хочет использовать для захвата Ягонов навсегда. Взял с собой людей для оккупационных гарнизонов и теперь

точно ясно, что готовился к этой войне давно. А большой драккар строили наверняка год, а то и два – в верховьях реки...

– Жаль, что мы раньше с тобой не познакомились, – промолвил Дин, а когда король к нему заинтересованно повернулся, пояснил: – При определенной подготовке и планировании можно было устроить так, чтобы викинги напали на твоего озлобленного дядю. Они бы себя истощали, сшибаясь лбами, а ты бы только на их войне зарабатывать. И не смотри ты так на меня большими глазами! Во всех мирах умные люди только так и поступают.

– Выходит, что мы не умные?

– Зачем сам себя обижаешь? Умные вы, да вот только не настолько хитрые для таких дел. Да и доброта, доверчивость излишняя вас губит. Вон, даже твой отец и брат к войне не готовились.

– Ну да. – Король выглядел совсем угрюмо. – Чего ж даром злобствовать?

– Верно, вот потому ты мне и нравишься. А врагов мы всех ершистой метлой отвадим. Обещаю!

Они еще раз все тщательно осмотрели, отрепетировали надевание микрофона и работу громкоговорителей – и направились к той стороне острова, где находился стык между мирами. Но уже перед тем как запрыгивать на спину Дина, молодой король задал терзавший его вопрос:

– Хорошо, вот ты нам поможешь врагов отогнать, но ведь они после этого еще больше могут взлютоваться. Да и по остальному миру молва не совсем лестная пойдет о нашей силе неожиданной, а следовательно, многие потянутся эту силу пощупать да мечом на нее помахать. Вот как тогда нам быть?

Шафик обернулся и поощрительно пошевелил бровями:

– Молодец! Далек видишь и сразу все просчитываешь. Удивляюсь только, почему ты раньше своей родине умом не помог...

– Да я в политику и заглянуть гнушался!

– Зато теперь придется выводить собственное королевство из медвежьего угла. Созывать отовсюду переселенцев, на льготных условиях раздавать земли, поднимать и модифицировать сельское хозяйство. Но самое главное – все силы бросить на развитие мануфактуры, добычи полезных ископаемых, кузнечного, литейного дела, а в дальнейшем – и на строительство пер-вых промышленных предприятий.

При последних словах Дин спохватился, досадливо крякнул и подмигнул своему очумевшему приятелю:

– Ну тут я, конечно, малость загнул... А с другой стороны, теперь тебе деваться некуда: будешь сиднем сидеть на печи – подгорят все калачи. Если вообще печь из-под задницы не выдернут. Так что решай: или за мной, или в речку головой! А?

Теперь король не сомневался и мгновения:

– Только за тобой!

– Ну тогда... поехали! Садись! – И Дин подставил свою спину.

На обратном пути опять знатно гремело и сверкало, но Бонзай Пятый уже знал, чего ждать, и постарался не повторить прежних ошибок, особенно непомерную силу в хватке. Когда оказались в лесу, на знакомой маленькой полянке, шафик не задыхался, как в первый раз, и не пытался массировать передавленную шею. Дождавшись, пока затихнут раскаты грома, они подобрали плащи, перекинули их через локоть, а затем двинулись к дороге, продолжив разговор вполголоса.

Каково же было их удивление, когда там они обнаружили, что все три лошади привязаны удечками к одному дереву, а вот их провожатого нигде не видно.

– По нужде отошел? – предположил Дин, тогда как король повел себя совсем по-иному. Сразу выхватил свой проверенный в схватке кинжал и, осторожно осматриваясь, стал приближаться к животным:

– Не тот парень, чтобы пост бросить...

Тут и Дин насторожился, знакомым жестом засунул себе руку за пазуху и скороговоркой зашептал:

– Что бы ни случилось, если крикну – падай на землю. И не торчи на одном месте, а двигайся!

Только они вышли из густого подлеска, как послышался разбойный свист и с каждой стороны дороги выскочили два тяжеловооруженных латника. В шлемах и кольчугах, мечи в ножах, а в руках у каждого – средней длины копьё с широкими наконечниками. Очень удобное в ближнем бою с мечником. Все четверо замерли на расстоянии трех метров, не пряча кривых ухмылок. Тем более, что у вышедших из лесу товарищей на двоих был только один кинжал. Что сыграло в конечном итоге с нападающими плохую шутку. Их главарь решил театрально разразиться банальными оскорблениями, вместо того чтобы начать смертельную атаку со всех сторон всеми видами оружия.

Держа в руках полунатянутый лук с наложенной на тетиву стрелой, довольно молодой мужчина в богатой одежде вышел из-за густого орехового куста и с бешеной яростью стал осыпать молодого короля оскорблениями. Вскоре стало ясно, что вчера повесили одного из родственников засланного шпиона и теперь он по счастливой случайности увидел, как монарх въезжает в лес почти без всякого сопровождения. Разбойник уже перешел к финальной части своего эпического выступления, когда Дин, почти не разжимая губ, тихонечко забормотал:

– Кажется, я заметил второго лучника, сейчас уберу его, но ты все равно не стой... приготовился... падай!

Следующий короткий промежуток времени заполнился звонким треском, свистом стрел, ругательствами, криками боли и не менее ужасными стонами. Второй лучник успел-таки выстрелить раньше всех, но его стрела только оцарапала правое плечо бросившегося на землю монарха. Тогда как ничем не примечательный чужестранец выхватил из-за пазухи короткую трубку из железа и зачастил теми самыми трескающими звуками. Причем два раза он свою трубку направил на врага, спрятавшегося в кустах, один раз – на главаря и шесть раз – на сходящихся копейщиков. Потом – еще раз на раненого, ругающегося в кустах, один – на главаря, пытающегося наложить вторую стрелу на тетиву, и последний – на рычащего от боли, но продолжающего двигаться вперед копейщика. У того прямо на лбу появилась кровавая дырка, и он грузно рухнул на то место, где мгновение назад находился Дин.

Затем на минуту все затихло. Перехвативший кинжал за лезвие и приготовившийся к броску король тоже застыл в полуприседе. Они внимательно вслушивались в окружающий лес: не побежит ли кто? Не атакует ли вновь? Но ничего, кроме судорожных всхлипов умирающих да стона раненого, лесную тишину не нарушало. Даже кони замерли как вкопанные. Из чего следовало, что все нападающие обезврежены.

Первым сорвался с места шафик. Стелющимся шагом он пробежал к кустам, так и придерживая свое странное для местных оружие перед собой. Лучник смотрел пустыми глазами в кроны деревьев, а из дырки на скуле вела кровавая дорожка. Видимо, последний выстрел его и успокоил. Один из первых двух попал в живот, почему и слышалась ругань с воплями боли. Но, глядя на труп, Дин вдруг впервые ощутил, что и сам он смертен. Не пойдя главарь диверсионного отряда на поводу у собственных амбиций и излишнего апломба, лежала бы сейчас парочка друзей на дороге, оба утыканные стрелами и копьями, как обгадившиеся дикобразы. И все великие планы сгнили бы вместе с телами в какой-нибудь вымытой дождями рывине.

Так близко от смерти Торговцу еще никогда бывать не приходилось. Даже схватка с волками после жестокого перепоя воспринималась как забавное приключение. Всегда до этого он считал себя почти бессмертным, избранником фортуны и баловнем судьбы. Сознание собственной уникальности в последние годы настолько вскружило ему голову, что он стал терять

чувство элементарной осторожности, полагаясь во всех мирах на свой пистолет и практическую смекалку. Хорошо еще, что годами наработанный навык метко стрелять в любых ситуациях помог выжить в этом скоротечном бою.

Он вышел из кустов и тупо уставился на стонущего главаря. Волна черной злобы сама подняла руку с оружием, а палец стал медленно давить на спуск. Хорошо, что Бонзай к тому времени полностью пришел в себя:

– погоди, не добивай! Допросить надо! – А когда шафик перевел на него отрешенный взгляд, молодой король стал поспешно оправдываться: – Ты извини меня за бестолковость. Нам следовало сразу же, как только увидели коней без присмотра, в лес убегать. Просто чудо, что мы даже не ранены...

Напоминание о ране заставило обоих обратить внимание на кровоточащее плечо короля. Теперь уже и Дин немного успокоился, довольно умело надорвал лопнувший рукав рубахи и перевязал глубокую царапину бинтом. На этот раз у него в карманах имелось два перевязочных пакета. Затем оба повернулись к стонущему вожаку.

– Сынок того самого визенского купца, которого вчера повесили, – дал короткую справку король. Потом присмотрелся к ранам: – Не помрет? Надо у него узнать, с чего это они в лес подались – перед самой облавой.

Стали осматривать и гадать, почему на теле главаря три ранения, если по нему было произведено только два выстрела. Ну в ногу – понятно, первый, после этого имперский шпион рухнул на бок. Но ко всему прочему, у него оказалась раздроблена правая кисть и прострелена левая подмышка. Перевернув потерявшего сознание главаря на бок, а потом опять на спину, гость из другого мира констатировал:

– Просто невероятное везение: одна пуля пробила ему и кисть, и подмышку. Но жить будет, если перевяжем.

– И сколько твоя штуковина таких пуль имеет? – кивнул Бонзай на оружие.

– Четырнадцать. Еще две должно остаться, если мозги мои не засохли окончательно.

А сама штуковина пистолетом называется.

– Ты и волков тогда точно так же?

– Ага. Только там легче было...

– Ладно, перевяжи этого козла, а я дам кружок по кустам.

Тело сопровождавшего их воина нашлось совсем недалеко. В последние минуты жизни парню явно не повезло: его из засады утыкали стрелами. А может, и вплотную подъехали, пользуясь его неосведомленностью или чрезмерным доверием.

Бонзай опять попытался настаивать на том, что он сам быстро промчится к городу и приведет стражников. Но Дин возразил:

– Что здесь важного охранять? Кидаем пленного на коня – и мчимся вместе. Мало ли что.

– Извини, опять я не подумал, – с досадой фыркнул король. – Но что ж это теперь будет? Этак я и на улицу скоро без охраны выйти не смогу!

– Привыкай... Ну, взяли!

Они вдвоем закинули шпиона на круп похрапывающего от недовольства коня, закрепили безвольное тело своими плащами и вскоре въехали в хорошо знакомые западные ворота. Видя, что их монарх ранен, стоящие в наряде стражники еле сдержали рвущиеся злобные вопли. Хорошо, что Бонзай Пятый к тому времени вернул себе должное выражение неколебимой уверенности, не допуская и капельки ненужной паники. Вскоре к указанной точке помчался усиленный отряд воинов, а тяжелораненый шпион с животным ужасом очнулся в руках палача. Как ни противно было присутствовать при допросе, но допустить потерю времени в раскрытии преступления было никак нельзя, и монарх вместе с шафиком просто вынужденно направляли подсказками палача и не менее искусного следователя.

Как оказалось, не зря. Повешенный на меду визенский купец, главный резидент местной шпионской сети, раскинутой соседней империей, поклялся известить правящего монарха в самое ближайшее время. Потому как тоже знал про поход ледовых берсерков и пытался успеть убрать с трона истинного короля до их прибытия. Якобы потом, поставив у власти нового монарха, он вместе с ним разошлет гонимых во все стороны света и объявит Ягонов подданными Константина Сигизмундовича. Понятно, что ледовые берсерки новую марионетку сомнут, но тогда уже для грозной империи будет наличествовать более весомый повод взять родственные народы под свою опеку и вытурить завоевателей в их северные земли. В общем, планы у резидента отличались небывалым размахом и поразительной витиеватостью.

Сами шпионы время наибольшей опасности пересидели бы в лесу. Там, в довольно глухом месте, уже давно организовали тщательно замаскированную базу. Да и нужные вещи там перепрятывали. Как то: золотишко, оружие, яды и подложные документы. И как раз за час до облавы визенский купец послал своего сынишку за очень действенным ядом, для «работы» с которым подвернулся подходящий исполнитель. Яд отыскивали в одеждах допрашиваемого еще в самом начале, а когда докопались до сути, то палач так старался выпытать имя предателя, что переусердствовал в служебном рвении. Помер за сланица империи от сердечного недомогания. А перед смертью и клялся, и божился, что о человеке том нехорошем только батяня и ведал.

Уже заходя в гостиную с накрытыми столами, молодой монарх дал волю грызущей душу досаде:

– Вот и будь с такими змеями милостив! О самом главном резиденте и не выпытали. Так он о родном сыне переживал, что и на предателя не указал. А мои следки на слово поверили, что он сына по делам в империю отослал. Да и вообще, купец очень уж уважаемый был, добрую треть всех складов Вельги держал. Скорее всего, именно поэтому его не додали как следует.

Шафик первым делом смочил пересохшее горло огромным кубком кваса и только потом возразил:

– Его вообще нельзя было пытаться.

Тоже смачивающий гортань Бонзай чуть не поперхнулся:

– Как это?!

– Сыску твоему еще расти и расти. Зачем вообще казнить спешил?

– Чтобы другим неповадно было...

– Ага! И в итоге мы с тобой сами чуть лаптями не накрылись. Тут надо было по-другому действовать. Ведь твой купец не только резидентом оказался, но еще и разбирающимся в торговле человеком. А такие торгаша, как он, прекрасно осознают только прямую выгоду и легко идут на сговор, лишь бы выторговать то, что дороже. В данном случае попавший под пытки папаша, зная местные законы, понял, что ему следует продержаться только один день – и он спокойно помрет, но спасет родного сына. Поэтому он и продержался. Если бы я успел со своими советами, сейчас бы и о предателях знали, и сами бы в смертельную переделку не угодили.

Молодой король смотрел угрюмо, по-стариковски, из-под нахмуренных бровей и бурчал с непониманием:

– Ну а потом что с этим купцом бы делали? Да и с сыном тоже?

– Элементарно, дружище! – как по писаному излагал гость из другого мира. – Потом мы этого купца тихонечко возвращаем на прежнее место, и он спешно бежит из Вельги, «оказавшись на грани ареста». Остальную мелочь пускаешь в расход безжалостно. В итоге мы имеем своего наилучшего шпиона в стане врага по той причине, что не работать на нас он просто не сможет. И будет стараться действительно на совесть, скорее всего, даже без вознаграждения – как истинный патриот королевства Ягонов. И не подумай, что я циник: просто против врагов все средства хороши.

– Ха! Я уж грешным делом успел подумать, что ты того купца пожалеть решил, – признался Бонзай, спорю наливая в кубки их любимое вино. – Ну что, приступим?

– Только этот тост – и ни капли больше! – категорически высказался гость.

– Обижаешь? Это ведь далийское!

– По запаху давно понял. Но время поджимает. В нашем распоряжении только два часа. Потому – как в армии: полчаса на еду и полтора часа на учения. Мне тут тебе еще надо целую кучу удивительных вещичек показать и успеть растолковать, как они все действуют. Ведь не забывай – кто-то из твоего окружения согласился тебе кушанье ядом подпортить. И мог это сделать не только за деньги, но и еще по какой-то другой причине. Следовательно, он все равно может тебя убрать, раз уж решился. Так что ешь и усиленно думай, кому ты мог нечаянно любимые мозоли отравить. И сразу занеси вот в этот список. Причем не забудь упомянуть и самые ранние твои детские игры...

Кажется, король на такие намеки даже обиделся:

– Это ты зря! Мои друзья и одноклассники – чисты как роса!

– Буду за них и за тебя рад. Но прими как данность: враг есть! Еще и какой: он наверняка имеет возможность питаться с тобой из одной тарелки. Так что в первую очередь надо тех, кто поближе, до самых ребер прощупать. А уж если врагом кто-то из дальнего окружения окажется, так он теперь к тебе тоже нелегко доберется. Значит, не так страшен.

– Как жить тогда, если совсем близких проверять надо? – закручинился Бонзай.

– Ничего не попишешь, как ругаются бюрократы, – философски изрек Дин, подняв палец вверх. Затем быстро пережевал откушенный кусок колбасы, что-то припоминая. – Может, оно не совсем по теме, но очень подходит. Моя бабуля часто любила повторять древние пословицы, и одна из них такова: «От своего вора – нет запора».

– Ну, нечто подобное и у нас имеется...

– Но и это не все! – не совсем вежливо перебил хозяина гость. – Тебе следует поискать еще одну паршивую овцу в собственном стаде. Причем она может в перспективе оказаться намного опаснее, чем банальный отравитель, а под овечьей шкурой может прятаться матерый козлик.

Король даже жевать перестал от недоумения. Так и спросил с полным ртом:

– Ты о ком?

– Смотри не подавись, винишком запей, – по-приятельски посоветовал шафик, затем оглянулся на прикрытую дверь гостиной и понизил голос: – Забыл, что визенский резидент хотел поставить на твое место марионетку? Как ты думаешь, кого?

– Наверняка одного из своих подручных.

– Нет, я, конечно, посмотрелся наивных правителей! – Гость в приступе наигранной веселости развел руки в стороны, а потом громко хлопнул ладонями себя по ляжкам: – Но чтобы настолько...

На шум хлопка дверь открылась, и дворецкий вежливо поинтересовался:

– Что угодно вашему величеству?

Не оборачиваясь, Бонзай Пятый прорычал:

– Проследи, чтобы никто не подслушивал и не стоял возле двери ближе чем в пяти метрах.

– Будет сделано! – раздалось одновременно с захлопнувшейся дверью.

– Ну, договаривай!

– Мог бы и сам догадаться. Как ты думаешь, стали бы слушать команды твои воины от какого-то пришлого? Пусть даже только три дня. И пусть он хоть в три раза более уважаемым купцом будет.

– Да ни за что!

– Вот! А кого бы они стали слушать? По крайней мере, хоть временно?

– Ну... – затянул с прозрением король, но опять был нещадно перебит:

– Вот этих кандидатов – во второй список. И пусть твои люди проверят в первую очередь каждого на предмет возможного общения в последнее время с резидентом. Про такие дела прислуга обязательно знает: не поварихи, так конюхи; не садовники, так охрана. Только просьба одна к тебе...

– Какая?

– Если что интересное всплывет, погоди два дня: не спеши всех на виселицу отправлять.

А?

Король непроизвольно потянулся к графину с вином, но тут же сам и руку одернул, словно обжегшись. Вместо этого поддел на двузубую вилку средневековой ковки огромный голубец и торжественно пообещал:

– Сделаем!

Глава 5

Беспроегрышная атака

Откровенно говоря, в задуманное Александрой знакомство не верил никто. Особенно после того, как она из своего очаровательного личика сотворила бог весть что. Казик Теодорович, главный аналитик конторы, так сразу и сказал:

– Да ты его просто напугаешь своим видом, и никакое напоминание о тринадцатилетней девочке не спасет. Как ты не поймешь, что с вероятностью девяносто семь процентов объект постоянно смотрит на фотографию именно из-за родителей. Таким образом некоторые личности просят совета в трудную минуту или, наоборот, спешат поделиться радостью в счастливое время.

От молодого агента тут же последовали возражения:

– Вот и плохо, что вы не учитываете те самые три процента. Наверняка среди вас только выходцы из многодетных семей. Казик, признайтесь, сколько вас было у матери?

Выходец из польской семьи, осевшей когда-то на Волыни, раздраженно пожал плечами:

– Шестеро, причем между братьями и сестрами у нас прекрасные отношения. Но самое святое для нас – родители.

– Это вы с высоты своего старческого возраста так говорите...

– Что за оскорбления! – несколько картинно воскликнул Теодорович, пытающийся до сих пор ухлестывать за женщинами помоложе. Но при этом непроизвольно погладил рано облысевшую голову.

Александра его не слушала:

– ... Тогда как в юношеском возрасте наверняка ненавидели друг друга. Только опытные, любящие родители вас и объединяли. Нечто подобное происходит в маленьких семьях, где только двое детей. Но там дети в таком возрасте как раз приходят к пику своего максимализма и ненавидят брата или сестру со всей грубостью и бескомпромиссностью.

– Вот! И я об этом толкую! – потряс указательным пальцем аналитик, ища взглядом поддержки у насупленно молчащего Павла Павловича.

– Но. – Девушка подняла со стола копию той самой фотографии, с которой Торговец никогда не расставался. – Весь ваш отдел не учитывает нескольких важных вещей. А именно: пик антагонизма между Димой Светозаровым и его сестрой мог пройти гораздо раньше пропажи девочки. Потом, этот пик вообще мог промчаться в более мягкой форме, без излишней конфронтации. О чем и свидетельствует ношение именно этой фотографии, ведь наверняка в семье сохранились и другие, где отец с матерью и моложе, и симпатичнее, и только вдвоем. И самое главное, любой человек, растущий в семье, знает: его родители тоже смертны – и как бы изначально смиряется с тем, что и они когда-нибудь умрут. А вот себя и своих сверстников автоматически причисляют к контингенту вечно живущих. Следовательно, объект наверняка гораздо больше тоскует о потере сестры, которая с годами в его памяти становится все более желанной. Милой и сердечной. Наверняка он часто жалеет об отсутствии сестры и порой красочно представляет, как это было бы здорово иметь возле себя близкого и родного человека, которому можно довериться во всем без исключения.

– Куда там, – безнадежно махнул рукой Казик Теодорович. – Этот Светозаров своей тени, похоже, не доверяет. Тем более что он осознает, какие порой бывают родственнички.

Когда аналитик, проворчав еще несколько нелестных слов по поводу самонадеянности зеленой молодежи, убежал, шеф тоже попытался высказать свое неприятие:

– Шурка, я сильно сомневаюсь во всей затеянной тобой операции, но ты бы хоть себя не уродовала. А? Такое впечатление, что вся твоя красота в стиральной машинке осталась. Ты бы хоть глазки подвела...

– Ха! Наоборот, я их обесцветила, и в брови лишние вставки волосяные наклеила, и нос вставками расширила...

– Маразм какой-то! Ты никак косметику со знаком «минус» употребила?

– Ага! – радостно улыбнулась девушка, и стали видны некоторые огрехи в ее ранее ослепительных зубках. – Не сомневайтесь, Пыл Пылыч, так надо. Тут главное при первом взгляде заронить, вернее – затолкать в душу объекта самое нужное ностальгическое воспоминание.

– Ну заронишь, ну затолкаешь, – скривился старый зубр, прошедший через своих подчиненных не одну сотню таких операций. – Но ведь этот тип тебя вмиг раскусит – после вашей первой же случки. Наверняка заподозрит неладное, если после утомительной ночи ты встанешь с мятой простыни в несколько раз прекрасней.

Александра придала себе надменный вид снежной королевы, что, к огромному удивлению шефа, ей удалось сделать даже в «сером» макияже, и с невероятной самоуверенностью пообещала:

– К тому времени, когда вообще возникнет тема постели, он будет в моей полной власти. И даже если вдруг догадается сравнивать фотографию нашей первой минуты знакомства с последующими, то все мои чудесные превращения из гадкого утенка в прекрасного лебедя будет приписывать только своим талантам и моему желанию понравиться именно ему, единственному и самому заботливому во всем мире.

– Ну, если ты так уверена... – Шеф развел в стороны свои мощные ладони. – Тогда будем ждать. Только вот сколько? Ведь у каждого человека порой наступают в жизни моменты, когда он избавляется от самых постоянных привычек.

На этот вопрос девушка только и смогла, что беззаботно пожать плечиками, покрытыми свитером грубой вязки. Потому что и сама больше всего переживала именно по этому поводу: когда именно объект подается на каток? И сделает ли это вообще в ближайшие несколько месяцев?

Дело в том, что Дмитрий Петрович Светозаров имел одну привычку: он довольно регулярно посещал каток. Зимой он делал это примерно раз в месяц, а в остальные времена года довольствовался одним разом за сезон. Причем даже летом он делал это обязательно раз, а то и два с целью изрядно освежиться, как сам говорил знакомым. Но в закрытом ледовом комплексе он не только от души гонял на коньках, но и со всей целеустремленностью разбалованного ловеласа отдавался попыткам пофлиртовать с одинокими женщинами и девушками. Он не слишком-то хорошо катался, даже незатейливые фигуры начинающего фигуриста ему давались с трудом, а вот просто погонять любил и при этом успевал рассмотреть каждую симпатичную мордашку не только непосредственно на льду, но и на трибунах. Достаточно ему было выбрать очередной объект «охоты», как он с присущей ему непосредственностью затевал интересный разговор, переходящий в знакомство, а потом, как правило, заканчивавшийся интенсивным сексом. Подобные связи тоже не отличались продолжительностью: один, максимум несколько вечеров – и новая пассия забывалась безвозвратно.

Уже прошло почти два месяца лета, но еще ни разу за это время объект не посетил свой «пантеон бодрящей прохлады» и, вполне возможно, мог решить покататься на коньках в любой день.

Именно поэтому Александра с самого утра сидела неотрывно в штаб-квартире конторы и ждала сигнала от групп наружного наблюдения. Приходилось быть полностью готовой: одетой, загримированной, с соответствующей прической. Разве что коньков на ногах не хватало. Суперагент боялась в случае сигнала потерять даже лишнюю секунду на дорогу или переодевание. Конечно, лучше всего было бы находиться совсем рядом с катком, но в этом земстве было целых три современных комплекса зимних видов спорта, и любой из них Дмитрий Светозаров мог выбрать. Какой-то определенной системы в его посещениях не было, так что равноудаленная от всех мест штаб-квартира подходила для ожидания больше всего.

В таком вот виде – и в постоянных диспутах с шефом и с Казиком Теодоровичем – она провела пять невероятно тягостных дней. Пожалуй, только тщательное изучение всех известных штрихов биографии Дмитрия Петровича Светозарова заставляло сосредоточиться на деле. Зато на шестое утро сигнал к началу операции «Каток» пришел неожиданно рано. Александра только явилась в контору, сделала себе кофе со сливками и собралась не спеша, аккуратно, не повреждая макияж, его выпить, как из коридора послышался топот и всполошенный крик шефа:

– Шурка! На выезд!

Расплескавшийся кофе чудом не попал на свитер, и уже в следующий момент девушка подхватила сумку с коньками и ринулась к машине, задавая вопросы на ходу:

– Что так рано-то?

– Объект только вышел из дома, но поделился планами с Каралухом...

– Ай да Борюсик! Молодец! Заслужил от меня поцелуй-чик! Куда едет объект?

– Пока только тронулся, но предполагается, что в «Ксанаду».

– Здорово!

– Чего радуешься? Каток огромный и самый многолюдный. Ты там вообще к нему не подберешься.

– Подберусь, – пообещала девушка, усаживаясь в машину. – Важнее, что там самое романтическое место.

– Следи за связью, – тревожно напомнил шеф. – Чтобы мы тебя успели подстраховать в любом случае. Я и сам сейчас подъеду, гляну на вас...

Уже через открытое окно трогающегося авто Александра строго предупредила:

– Только из-под крыши!

Располагавшийся на юго-западе развлекательный комплекс «Ксанаду» имел все для проведения зимних карнавалов в любое время года. От горнолыжного спуска длиной в шестьсот метров до целого ледового поля для любителей фигурного катания. Это – не считая многочисленных ресторанов, кафе, кегельбанов, бильярдных, саун, бассейнов, караоке и прочая, и прочая... По самому верху ледового поля под крышей располагались многочисленные тренажерные залы, через наклонные вперед окна которых можно было наблюдать за всей ледовой поверхностью. Так что если Павел Павлович с его броской внешностью и будет стоять у окна среди других подобных зевак, то его голый торс с полотенцем на плече рассмотреть и запомнить станет довольно-таки трудно. Но все равно было непонятно, зачем руководителю конторы собственными глазами что-то высматривать. Ведь многочисленные «слухачи» наверняка уже проникают в «Ксанаду» под видом бодреньких отдыхающих и каждое слово или жест можно будет воспроизвести в мельчайших деталях в видеозаписи.

Но на эту тему Александра не стала заморачиваться. Все время поездки до развлекательного центра она спешно прокручивала самые разные сценарии предстоящего знакомства. Хотя изначально было понятно: все равно придется импровизировать на ходу. Подобная ловля на живца в любом, даже самом легком случае получалась в итоге сильно подкорректированной по сравнению с первоначальными задумками. А тут и вовсе приходится цеплять просто невероятную по габаритам и всемирному значению рыбину. Такой сомище может не только наживку с крючка сорвать, но и сам крючок вместе с удочкой и рыбаком проглотить, без малейшего риска подавиться.

Неповторимому, мистически удачливому, непревзойденному и самому сексапильному агенту нужен был только успех. Причем успех полный, безоговорочный.

По собираемой информации о передвижении объекта выяснилось, что вычисленная точка может не соответствовать действительности. Клиент вдруг развернулся и поехал в другом направлении. Пришлось и Александре приказать водителю припарковаться, ожидая следующих данных от группы наружного наблюдения. Как через десять минут выяснилось, Торговец

просто забыл купить какую-то несущественную мелочь, потому и заскочил в специализированный магазин автомобильного дизайна. Как только он тронулся в путь, сразу свернул в первый же проулок и вернулся на прежний маршрут. Что немного выбило из ритма его преследователей. Обогнать лихо ведущего автомобиль Динозавра так и не удалось. Мало того, он в раздевалке только сдал свою сумку с летней обувью, облачившись во все остальное сразу возле приемщицы. Так что подцепить его еще на пути к ледовому полю не удалось. А там он сразу стал давать выход накопившейся физической энергии: сделал десяток кругов по периметру поля на большой скорости.

Так что у Александры оказалось больше четверти часа, чтобы осмотреться и правильно выбрать место для якобы совершенно случайной встречи.

Девушка к тому времени уже переместилась в самый центр катка и, продолжая двигаться как можно более несуразно, постаралась отыскать шанс первого контакта. Последовавшие затем сорок минут кошмарно летящего времени, ознаменовавшегося паникой, чуть все не погубили, да и самого главного сделать не удавалось. Мало того, как раз та самая паника началась после того, как стало заметно, что объект повел интенсивную осаду одной из самых симпатичных посетительниц катка, облаченной в яркую, облегающую фигурку курточку красного цвета. И хуже всего, что та длинноногая девица сразу же начала отвечать томными улыбками и не всегда отрицательными короткими ответами.

Вот тут и сказался невероятный опыт Павла Павловича и его личное присутствие на самом удобном для наблюдения месте. Неизвестно, как и что именно он скомандовал, но вскоре со скамеек в сторону той самой длинноногой красавицы призывно помахал человек в форме служащего катка. Причем сделал это в самый удобный момент: Динозавр как раз набрал лихую скорость и с явным рекламным саморисованием ушел далеко вперед. Девушка с некоторой хищной уверенностью посмотрела вслед симпатичному ухажеру, но на призыв служащего все-таки откликнулась, понимая, что любое недоразумение решится очень быстро.

Но Александра-то узнала «служащего». Это был один из весьма неплохих агентов второго звена, который мог с ходу придумать такую правдоподобную ложь, что только за эти немислимые импровизации его и держали. Как бы ни был он слаб в физической и боевой подготовке, в данную минуту он свое дело сделал: девица вначале растерянно замотала головой, потом непонимающе пожала плечами, но затем и сама поспешала в сторону гардероба.

При виде этой сцены воспрянувшая духом агент сложила ладошки, словно для молитвы, и благодарно посмотрела под крышу. Наверняка шеф потом увидит это действие в записи и оценит благодарность своей подчиненной.

Дальше стало намного легче. Дмитрий Светозаров заметно сбавил скорость и с некоторой растерянностью принялся высматривать в толпе катающихся длинноногую девушку в яркой красной курточке, совершенно не обращая внимания на остальных и на целеустремленно подбирающуюся к нему все ближе и ближе Александру.

Наконец благоприятный момент настал. Одна из парочек, в шутку толкая друг друга, со смехом растянулась на льду. Несущийся рядом «скороход» резко принял в сторону, от него шархнул Динозавр и стал на ходу поворачивать голову, чтобы выразить хотя бы гневным взглядом свое порицание нарушителю правил. Поэтому и не заметил, как из-за группы переговаривающихся посетителей, которые, похоже, здесь встретились случайно и ехали со скоростью черепах, выкатилась тоненькая, по-юношески несуразная фигурка. Причем двигалась она задом, не видя наезжающего на нее мужчину. Чей-то запоздалый вскрик заставил Торговца повернуть голову и в последний момент заметить поперек своего движения падающую на живот девушку. Он даже попытался взвиться в воздух, стараясь поверху преодолеть неожиданную преграду, но только успел поджать ноги. Да и Александра не дала ему ни единого шанса: не просто взлетела в нелепом падении, но еще и ногу в коленке согнула, вполне расчетливо позволяя конькам объекта ударить по ее ботинку. Кадр получился неповторимый: клиент

рухнул носом в лед и только невероятным чудом успел сгруппироваться, показывая превосходное владение телом, и смягчить падение выставленными вперед руками. И моментально вскочил на ноги, словно резиновый ванька-встанька.

Зато суперагент упала, словно клуша. Вспыхнувшая в ноге боль была, конечно, ужасна, но – дело было сделано. Когда испуганный Дмитрий подхватил на руки пострадавшую, прямо на него уставились широко раскрытые от боли глаза, из которых скатывались две слезинки. Дальнейшим развитием событий Александра управляла со всем присущим ей цинизмом, изощренной изобретательностью и тем многовековым опытом, который заложен в генах некоторых женщин и позволяет им приручить любого мужчину.

Хотя внешне все выглядело в точности наоборот. Во всяком случае, в этом был уверен сам Дмитрий Светозаров. Пострадавшая, хоть и позволила снять с себя ботинок и даже немного помассировать ступню, в остальном вела себя очень строго, сдержанно и с явным недоверием. Она была озабочена прежде всего побаливающими коленками, которые потирала сама, да слишком назойливым к себе вниманием со стороны остальных посетителей. Ведь по меньшей мере десять человек посчитали своим долгом подойти к ограждению и спросить, не нужна ли их помощь. Когда соблезнования прекратились, девушка попыталась заполучить назад свой конек. Вот тут Дин и включил универсальный «болтливый телевизор». Посыпавшимся из него ворохом интересной информации, обилием прибауток и смешных выражений он буквально атаковал пострадавшую жертву своего наезда. Так ему вдруг захотелось успокоить и хоть немного рассмешить этого скромного и до пощипывания в глубине души приятного человечка. Причем он не искал, даже не пытался искать какую-то причину открывшейся щедрости и светлого радостного чувства. Просто чисто машинально употребил все свои силы на то, чтобы эта симпатичная девчушка почувствовала себя хоть на мгновение счастливой. Чтобы эти удивительно родные глаза продолжали на него смотреть постоянно, меняя выражение от недоверчивого к восторженно-восхищенному.

Сам надел ботинок с коньком на женскую ножку и, поддерживая под локоток, проводил девушку на лед, уверяя, что обязательно научит всему лучшему, что умеет вытворять на коньках сам. Простенькая посетительница не ответила ни «да», ни «нет», просто чуть отстранилась, но не настолько, чтобы раз и навсегда пресечь любые ухаживания.

В следующие полтора часа Дмитрий превзошел сам себя. Никогда еще он не знакомился с девушками с такой бесшабашной настойчивостью и с таким горячим, даже яростным напором. Практически ему ни на что не требовалось подтверждения: говорил только он. Как и смеялся, шутил, поражал и поражался сам. Ему хватало в ответ только движения бровей, минимального краешка улыбки, расширенных от восторга глаз или слишком активного поворота головы в особо интересных моментах. И он с воодушевлением продолжал дальше. Ему казалось, что он идеально контролирует как внимание, так и интерес девушки, невзирая даже на ее застенчивое молчание. А к концу их совместного катания скромница даже позволила себе разговориться и стала односложно отвечать на вопросы по существу. Дмитрий прекратил потрясать воображение своей слушательницы умопомрачительными историями, поразительными фактами – и перешел к самому важному:

– И часто ты сюда приходишь?

Некоторая нерешительная пауза перед ответом:

– Два раза в неделю.

– Прекрасный выбор, мне здесь тоже очень нравится. Так все романтично и красиво построено. Особенно эти сталагмиты поражают. Тебе нравится?

– Вообще-то да, но иногда страшно, что они оторвутся и рухнут на голову.

– Да нет! Этот комплекс построен в расчете на десятибалльное землетрясение.

Раскрытые от удивления глаза.

– Правда?

– Совершенно точно! Как и то, что меня зовут Дмитрий. А тебя?

Затихшее дыхание, словно знание ее имени даст ему колдовскую демоническую власть над ней. Динозавр при этом постарался изо всех сил натянуть маску равнодушия и не спешил настаивать на ответе. Как правило, в таком случае женщинам самим очень любопытна реакция ухажеров. Сработало и на этот раз, они уже метров сто неспешно катились вдоль бортика, когда девушка наконец-то решилась:

– Саша, – но молниеносно поправилась: – Александра!

– Ой, какое длинное имя, – стал дурачиться Светозаров. – Хотя и чудесное, но я такого еще не встречал: Саша-Александра...

– Да нет, – тут же забавно возмутилась новая знакомая. – Сашей меня дома зовут, а Александра – это официальное, полное имя.

– Ага, значит, Сашей тебя только родители зовут?

Пауза.

– Родители мои погибли. – На глазах ее выступили слезы. – Я живу с бабушкой...

– Извини, я не знал. – Дмитрию хотелось провалиться под лед: ну кто мог знать, что на такую простую тему нельзя говорить. Поэтому у него и вырвалось непроизвольно от внутреннего желания оправдаться: – Моих родителей тоже двадцать лет как нет...

Девушку это поразило так, что она остановилась на месте как вкопанная, вцепившись в бортик:

– С кем же ты живешь?

– Сам...

– А бабушка с дедушкой?

– Увы, тоже умерли. Тринадцать и двенадцать лет назад. Но давай не будем о грустном. Лучше скажи мне, сколько тебе лет.

– А зачем тебе? – Даже самые serene скромницы не могут в себе задавить рвущееся из сознания кокетство. Хотя в данном случае это было больше похоже на настороженность.

– Дело в том, что завтра над центральной ярмаркой будет взлетать самый огромный воздушный шар нашего земства, так у меня там есть два места. Хочу тебя пригласить на показательный полет. Но дело в том, что нельзя подниматься в воздух несовершеннолетним. Так что, сама понимаешь, все равно твое удостоверение перед взлетом проверят...

– Я еще не давала согласия на свидание завтра! – запальчиво возразила Александра.

– Упаси боже! Как ты могла о таком подумать, – стал паясничать Дмитрий. – Ни о каком свидании и речи не идет, просто мне очень хочется хоть как-то компенсировать мой грубый наезд и чем-то взбодрить твое травмированное тело.

Опять девушке понадобилось время на раздумья и борьбу со своими колебаниями. Уже выковыряв кончиком конька приличное углубление во льду, она решилась:

– Я давно совершеннолетняя, мне девятнадцать.

– Никогда бы не поверил! – Динозавр со всей искренностью даже отстранился назад, чтобы лучше рассмотреть сразу расправившую плечи новую знакомую. – Мне кажется, ты скрываешь правду...

– Еще чего!

– Ибо от того возраста, что ты назвала, можно смело отнять... – Он сделал глубокомысленную паузу, еще раз внимательно осматривая девушку, и выдал «суровую правду»: – Три... месяца!

Александра внутренне облегченно вздохнула, потому что вдруг испугалась.

«Неужели перегнула палку? Не хватало только малолеткой теперь показаться... – Хотя она прекрасно знала, что на воздушных шарах могут летать и малолетние дети. – Но что за игра получится, если сразу все секреты раскрыть? Женщина должна до гроба оставаться полной

загадок. Вот только кто из нас кого раньше в гроб загонит?» – подумала она, и так прекрасно зная, чем весь этот разговор кончится.

Поэтому вслух сказала совсем для мужчины неожиданное:

– Нет, я завтра не могу...

– А послезавтра? Да в любой день! Я ведь могу свои места отдать любому желающему и поменять на любое удобное для тебя время.

– Ну, я даже не знаю... – Теперь девушка смотрела подозрительно и с недоверием. Видимо, ей еще никогда в жизни не предлагали таких дорогих и жутко интересных развлечений. Чувствовалось, что полетать на шаре она мечтает с самых пеленок, но бабушкино воспитание настойчиво убеждает быть бдительной и ни за какие подарки не поддаваться на уговоры коварных оболстителей. И по ее личику читалось только одно: несмотря ни на что, она однозначно откажется от свидания.

Поэтому Дмитрий занервничал и немного неосторожно стал форсировать ситуацию:

– Мало того, там еще есть дополнительная возможность полетать на планере вместе с пилотом. У меня есть удостоверение пилота второго класса, так что приглашаю еще и на бесшумный полет в толще облаков. Это так впечатляет, когда на всей скорости пронзаешь белое пушистое облако, словно огромный моток сахарной ваты...

Он и дальше продолжал с огромным подъемом и убеждением, но внутри непонятной волной поднималась паника и недоумение. Девушка, вместо того чтобы и дальше слушать с открытым ртом, вдруг плотно сжала губы и решительно заспешила к сектору с раздевалками. И когда сошла с ледовой дорожки, с героическим отчаянием выдохнула:

– Нет, огромное спасибо за приглашение, но я не пойду. Прощайте!

Динозавр чуть не взвыл от досады и необъяснимой горечи. Первый раз в жизни ему отказывали. Причем отказывали после такой беспримечной, беспроектной подготовки, которую он вел в течение небывало долгого времени. Поверить в такое он не мог при всем своем богатом воображении, как и не мог понять, где, как и что он сделал не так. Какую ошибку допустил и чем испугал эту очаровательную скромницу. Ничего не оставалось делать, как предпринять самые последние, отчаянные попытки продолжить так вдруг ставшее жизненно необходимым знакомство:

– Хорошо, Александра, тогда хоть телефон дай. Я буду позванивать время от времени и предлагать самые экзотические и романтические развлечения.

– Нет, спасибо. Развлечений мне и так хватает...

– Но как же так! – воскликнул разочарованный до глубины души Дмитрий Петрович. – Неужели мы так больше и не встретимся?

– А зачем? – донеслось от девушки, которая еще больше ускорила шаг, приближаясь к закрытой для мужчин женской раздевалке.

– Как – зачем? Вдвоем ведь нам было весело и интересно. Вот сейчас мы просто здорово провели кучу времени. Да и вообще... что значит «зачем»? А зачем парень с девушкой вообще встречаются?

Неожиданно Александра резко остановилась и спросила, почти не скрывая своего презрения:

– Какой парень? Ведь ты же старый!

– С чего ты взяла? Мне ведь всего двадцать семь лет! – весело рассмеялся Динозавр, хотя на душе у него кошки скребли: никогда прежде ему не приходилось скрывать свой возраст. – Так что наша разница совсем минимальна.

Наверняка девушка ему не поверила:

– Не стыдно врать? Да и все равно, восемь лет – пропасть слишком огромная. Мне больше нравятся сверстники.

– Да нет, это тебе пока просто так кажется. Так сказать, юношеская непосредственность, максимализм. Зато со временем ты совсем по-другому взглянешь на эти несчастные восемь лет.

– Ничего себе, – задумалась коротко Александра. – Это ведь чуть меньше половины моей жизни. Все равно вы старый.

– Хорошо, возьми тогда мою визитку и звони мне в любое время, когда тебе заблагорассудится. Я постараюсь доказать тебе, что и у нас могут быть хотя бы чисто приятельские отношения.

Он чуть ли не насильно засунул в женскую ладошку очень дорогостоящую карточку со своими данными, настоящий шедевр полиграфического искусства. Казалось, девушка сунула этот прямоугольник в карман с такой беспечностью и равнодушием, что за первым же углом обязательно вышвырнет в любую попавшуюся на пути урну.

Так и скрылась новая знакомая в женской раздевалке, виляя неожиданно весьма недурственной попкой и переступая своими совсем не короткими ногами. Скорее всего, до этого ее вполне симпатичную фигурку уродовала складчатая юбка ниже колен и свитер грубой вязки, не только скрывающий талию, но и вообще превращающий свою носительницу в несурзную тумбочку.

Преодолев некоторый ступор, Дмитрий рванул в гардероб за своей сумкой, надеясь обязательно перехватить Александру у выхода из комплекса и хотя бы выследить, какая у нее машина. Но тут же со всего маху налетел на своего соседа, который с обидой затянул:

– Я тебе уже минут пять руками машу и кричу, как неполноценный. А ты так увлекся этой красоткой, так увлекся...

– Да какая она красотка? – удивился Динозавр и прибавил шагу. То же самое сделал и пристроившийся рядом Борис Бонке:

– О! Еще и как красивая. Если сам не хочешь за такой приударить, то меня хоть познать. А ты куда торопишься? Да остановись ты!

– Извини! Спешу!

– Разве не дадим пару кружков? Ты ведь обещал!

– Нет, сегодня не получится, в следующий раз.

В гардеробе Дмитрий быстро надел кроссовки да так, в теплом пуловере, и бросился на улицу. После сумрачной прохлады ледового дворца летняя жара полудня буквально оглушила и ослепила. Некоторое время он пытался наблюдать сразу за несколькими выходами и огромным морем припаркованных машин, потом вспомнил, что есть еще и подземный гараж, откуда машины выезжают с противоположной стороны, и заскрежетал от злости зубами:

– У-у-у-у! Почему мне сегодня так не повезло?! Или повезло? – Через десять минут бесцельного метания он наконец вынужден был сам себе признаться: – Все-таки не повезло...

Пока разочарованный ловелас брел к своей машине, огибая здание и скрываясь из зоны видимости, с него не спускали глаз Павел Павлович и его донельзя довольная подчиненная. Хотя нудный, поучающий тон шефа никак нельзя было назвать радостным или хотя бы довольным:

– Шурка, мне кажется, ты провалила такое уникальное знакомство. Да он после такого отказа в твою сторону не только не посмотрит, но даже не вспомнит о тебе. Теперь и твой звонок положения не спасет, такие отказы мужчины не прощают. Тем более такие мужчины, как Торговец. Ну как ты могла так сплеховать, как? Ума не приложу...

– Пыл Пылыч! Вы просто не видели его глаза, когда он со мной разговаривал и особенно в тот момент, когда мы прощались. А я видела! И не надо иметь среднее образование, чтобы понять: этот парень мой со всеми его мыслями и потрохами!

Уверена на все сто... да что там на сто – на тысячу процентов!

На такое заявление зубр спецслужбы только поморщился:

– Ох! Мне бы твою уверенность.

Глава 6

Пертурбации в королевстве Ягонов

На этот раз договорились о точной дате и времени прихода шафика в столицу. И, чтобы не маяться невыносимым ожиданием, Бонзай Пятый так загрузил работой себя и своих подчиненных, что через четыре дня Вельга напоминала несколько ссыпанных в одну общую кучу муравейников. Однако в кажущемся беспорядке просматривалась четкая организация и дисциплина, организованные крепкой рукой.

Наибольшие преобразования коснулись внешней политики города. Все реквизированные у шпионов товары, а также те, что имелись во всех торговых структурах и хранилищах династии Ягонов, были предложены спешно разъезжающимся перед военной угрозой купцам по довольно большой цене, но с отсрочкой оплаты – под поручительство молодого короля. В том числе и лежащие в хранилищах слитки драгоценных металлов. То есть оплату разрешалось проводить в любое время в течение двадцати дней с момента взятия товара в кредит. Под залог шли дома, земельные участки, склады и магазины, то есть то, что и так должно было сгореть при уничтожении Вельги викингами. И то, что в последние дни купцы не могли продать остающимся в столице горожанам даже за несколько мизерных медяков. Ведь все знали о ледовых берсерках, идущих с большой водой, но никто не догадывался, что завоеватели желают закрепиться и остаться гарнизонами на месте. А в таком случае отпадала надобность сжигать как сам город, так и все строения в округе.

Так что предложение со стороны короля оказалось прямо-таки сказочным, своевременным – и им не воспользовался только ленивый. Виллы и особняки оформлялись как гарантия, а их владельцы с радостным энтузиазмом компоновали караваны с товаром и спешным ходом выезжали из города в южном направлении. Причем потирали при этом руки со счастливым видом. Правда, если раньше, при старом короле, тот или иной дом стоил, допустим, десять подвод определенного товара, то сейчас его оценивали всего в одну подвод того же самого товара. И в договоре указывалось, что если хозяин дома пожелает его вернуть, то в течение все тех же двадцати дней обязан вернуть в королевскую казну денежный эквивалент в размере стоимости двадцати подвод все того же товара.

Конечно, получалась чистой воды спекуляция и использование государственной тайны с целью наживы. Но нажива эта шла в карман все того же государства, так что моральными терзаниями молодой монарх не мучился. Наоборот, радовался тому, что из города сбегут все самые корыстные и расчетливые ростовщики, спекулянты и перекупщики. Как раз те, кто имел в столице величественные, роскошные дома и стратегически важные земельные наделы. А в обрисованных шафиком планах на будущее территории внутри Вельги играли очень важную роль. Да и повод их прибрать под крылышко короны попался самый что ни на есть удачный.

Заодно и проявили себя те патриоты, которые в будущем составят костяк руководства торгово-промышленной и индустриально-развлекательной индустрии. По поводу этого костяка Бонзай Пятый ничего конкретно не понял, ибо времени не хватило для таких глобальных пояснений. Но вот самое главное, насчет патриотов, ухватил сразу. И ему было отраднее осознавать, что таких преданных отчизне соотечественников оказалось среди торгового люда около трети. Прекрасно осознавая, что им ничего не светит в ближайшем будущем, они тем не менее решительно оставались в столице, намереваясь защищать родную обитель до последней капли крови.

Мало того, такие купцы охотно откликнулись на призыв короля дать займы династии и все свои товары, и имеющиеся слитки драгоценных металлов. С этими людьми договора заключались в другой форме, хотя и были случаи, когда купец намеревался отдать все обо-

ротное имущество без всяких гарантий и оплаты. Местным патриотам королевский казначей давал векселя на сумму, превышающую стоимость товара в полтора раза, правда, с отсрочкой платежей на полгода. А за золото и серебро надбавка шла лишь в тридцать процентов, да и срок возврата растягивали на год.

Естественно, что даже самые искренние оптимисты, обожающие свой город, понимали, что молодой король поступает не совсем дальновидно и, скорее всего, лелеет только одну мечту: чтобы как можно меньше добычи досталось ледовым берсеркам. Иной причины таких щедрых деяний не видел никто.

Тем не менее на четвертый день все лабазы, склады и хранилища города опустели. Исключение составляли лишь продукты длительного хранения, которые, по вполне понятным причинам, было просто глупо вывозить из Вельги. Опустели и многие зажиточные районы столицы. Даже мебель в них оставалась порой очень приличная, вошедшая в залог. Вывезли лишь самое ценное, компактное и маленьких размеров. В таких районах денно и нощно патрулировали конные разъезды городской стражи, чтобы не допустить даже попыток несанкционированного вывоза или разграбления. Причем делалось это по двум причинам: все-таки теоретически дома до сих пор принадлежали их прежним владельцам, и обязанность короны защищать имущество своих подданных никто не отменял. Но вот основным поводом для защиты целых районов по приказу Бонзая Пятого послужило прощальное напоминание Дина:

– Присматривай за всем. Береги каждую завитушку фронтона, каждую колонну и каждый булыжник подворья отданных в заклад жилищ и складов. И не только потому, что это уже практически твоя собственность, но и потому, что эта самая собственность в скором времени принесет твоему народу благополучие и процветание.

Ну, раз шафик так сказал, значит, у него на это имелись веские основания. И так теперь все существование целого королевства Ягонов висело только на нем одном. Если, по воле providения, с Дином что-то случится, то все возродившиеся надежды рухнут под мечами приближающихся врагов. И маленькое королевство навсегда исчезнет не только с карт континента, но и из истории.

И чем ближе становилось оговоренное время, тем больше ускорял свою деятельность молодой король, тем с большим рвением окунался в текущие дела столицы, решал разрастающиеся проблемы, укреплял обороноспособность городской стены и проверял выполнение ведущихся работ. Но страх все равно тлел в самой глубине его души.

Поэтому, когда его перехватил возле северных ворот посыльный с известием, что шафик уже приближается к дворцу, у Бонзая словно огромный камень с души свалился. Не пытаясь скрыть счастливую улыбку, он развернул коня и во весь опор поскакал навстречу другу. И после первых же приветствий решил уточнить:

– В этот раз ты даже раньше прибыл – на целых полчаса.

– Осталось лишнее время на просмотре. – При этих словах Дин остановил короля, тянувшего его во внутренности дворца: – Да стой ты! Нам надо вначале по городу проехаться. Вернее, по прилегающим к твоему дворцу районам. А то все недосуг.

– Нет проблем! – По знаку монарха подали свежих лошадей, и они вскоре в сопровождении нескольких особо приближенных охранников уже ехали улицами города. – Что хочешь рассмотреть?

– Вначале скажи, как наш план? Сработал?

– Не наш, а твой! – уточнил Бонзай. – Да так сработал, что теперь практически лучшая треть города в наших руках. Если не больше.

– Обиженные были?

– Скорее наоборот: еще и руки целовали в знак безмерной благодарности. Насколько я понял, все эти купцы и так вчера или сегодня сбежали бы с семьями, бросив всю нажитую

недвижимость на произвол судьбы. А так они уехали с золотом и товарами, счастливые, словно дети.

– Отлично! Значит, мы можем выбирать место для строительства башни?

– Какой башни? Что ты задумал?

Динозавр оглянулся на чуть приотставшую охрану и стал говорить немного тише:

– Не знаю, как себя ведут и где проживают ваши шафики, все никак не найду возможности побывать на вашем юге, но лично мне надоело терять время на хождение по глухим лесам и рисковать там собственной шкурой под копьями беглых шпионов. Хотелось бы сразу являться в конкретное здание и точно таким же образом возвращаться из него в свой мир.

– Но как же громохания? – поразился молодой король. – Тем более – пучки молний и нестерпимое сияние? Горожане могут и не понять...

– Ты, наверное, забыл, что когда по стыку миров я прохожу сам, то все происходит тихо и без пыли. Следовательно, став полноправным жителем города, я смогу выходить из своего дома и заходить в него в любое время без всяких подозрений. Не менее важен и другой аспект. Дело в том, что сооружения в виде башни практикуются людьми вроде меня в очень многих мирах, в которых возможны так называемые чудеса. Делают это по той причине, что в стационарное здание можно заложить как определенные конструктивные особенности при строении, так и усиленные шумопоглотители, накопители атмосферных разрядов и массу прочих очень полезных для нас свойств и особенностей. Зато, когда сооружение будет готово, мы сможем путешествовать куда заблагорассудится и в любое время. Причем тебе будет достаточно пройти в башню из своего дворца по подземному ходу, не привлекая к этому делу излишнего внимания.

– Звучит заманчиво. Но неужели и в самом деле ничего снаружи не будет слышно?

– Абсолютно! Разве что само основание будет слегка вибрировать, но это дрожание можно ощутить, лишь прямо касаясь стены. Чтобы такого не произошло, можно и весь периметр усадьбы обнести неприступным забором. Вот как этот.

Они с минуту как остановились, и шафик пристально разглядывал несколько роскошных домов, хозяева которых как раз заканчивали эвакуацию. Последние телеги выезжали с подвожий и спешили к южным воротам: завтрашний день официально считали началом осады города викингами.

Раскрытые ворота одной из усадеб опирались на колонны из кирпича, а те переходили в высокий, метра в два с половиной, забор. Именно он и стал образцом.

– Да, забор солидный, – согласился король. – Только вот именно такой дорогостоящий всего один на город.

– Ничего, ты сам вскоре удивишься, когда вдоль реки словно грибы вырастут десяток или два кирпичных производств. На все хватит: на новые пригороды, на строительство речного порта, на возведение новых крепостных стен...

– Каких стен? – Бонзай с некоторым испугом оглянулся на невысокое, но еще весьма добротное ограждение столицы. – Они ведь в полном порядке!

– Ох, не смей меня! Идущим с севера рогатым понадобится всего два дня, чтобы растащить такие стены по камешку.

– Что?! Разве мы их не остановим?

– Что ты пугаешься, как ребенок? – удивился Дин. – Я ведь гипотетически рассуждаю. А раз ты мечтаешь создать сильнейшее королевство на континенте, то и крепости твоей столицы должны поражать и вводить в трепет еще издали. Например, нынешняя стена должна стать только задней опорой для новой постройки, которая будет раза в четыре выше прежней. Потом, на пяток миль дальше по радиусу, будет возведена новая стена, чуть ниже внутренней, зато с гораздо большим количеством башен, шпилей, контрфорсов, расположенных в два ряда зубцов и прочих оборонных изысков.

Вот теперь самодержец еще больше разволновался:

– Кто на нас собирается нападать?

– Никто. Даже сразу тебя обрадую: все перечисленные мною оборонные изыски будут носить скорей декоративный, чисто показательный характер, а не применяться для каких-то сражений.

– Зачем тогда их строить?

– Только для того, чтобы любой путешественник не только из твоего, но и из других миров мечтал своими глазами увидеть величие Вельги и собственными руками потрогать священную стену, которую никто из врагов не смог захватить за всю историю.

– Какую историю? Их ведь еще вообще не построили... – Теперь Бонзай и не пытался скрыть своего обалдения.

Глядя на такую реакцию, и шафик не смог скрыть улыбку:

– Легенды сделают главное: заинтересуют.

– Но ведь люди...

– А что – люди? Не менее важно просто не врать. Раз стены ни разу не были захвачены врагом, то и лжи никакой в легендах не будет. Ну а приукрашенные сказки про замурованных в стенах похищенных девиц и попавших в опалу прекрасных принцесс придадут ореол особого очарования экскурсиям по глубоким таинственным подвалам.

Дин закончил патетическое отступление, вздохнул при виде замершего с отвисшей челюстью венценосного товарища – и вновь обратил внимание на расположенную перед ними улицу:

– Очень удобное место, и створ между мирами как раз на задворках вот этого дома. Мало того, мне отсюда он кажется невероятно большим. По толщине и ширине стен он тоже явно отличается от подобных. Никогда таких прежде видеть не доводилось. Довольно странно... Мы можем посмотреть, что там находится?

– Конечно! – спохватился, выходя из ступора, король. – Все равно это уже наверняка собственность короны.

Когда они обогнули широко раскинувшийся особняк, взору открылся вид старого, неухоженного сада. Подавляющее большинство деревьев чернели засохшими стволами и уныло упирались в небо голыми ветками. Подобные же сады окружали это место и со стороны соседних усадеб. Такой большой кусок незастроенных земель совсем недалеко от дворца удивил гостя:

– Странно, почему здесь так пустынно, не застроено? Даже за садом никто не приглядывает...

– Да нет, как раз сад постоянно пытались спасти, – стал припоминать Бонзай, наморщив лоб. – Только вот место это считается очень плохим. Постоянно во время гроз сюда все молнии ударяют. Давным-давно здесь сгорали дома, а в последний век частенько деревья то сожжет молнией, то вот так до основания и высушит. И никто не знает, как молнии отводить.

– Ха! Так проще ничего не бывает. – Дин пустил коня между деревьями в сторону виднеющегося посредине бугорка. – Наверняка в здешних породах очень много железа. Да еще и с сопутствующими окисями и редкими добавками. Они, как правило, любое электричество к себе из атмосферы притягивают. Так что поставим громоотводы, потом народ привыкнет видеть их на собственных домах – и тогда уж точно никакому грохоту или молниям удивляться не будет.

– Ну, если ты так уверен в этом «ликтричестве» и громоотводах, то строй себе здесь хоть четыре башни, места хватит.

– Можно приступить? – улыбнулся шафик.

– Да ты уже приступил, – хмыкнул король. – Вон твой коняга начал копытом землю рыть.

– А если вдруг хозяева вернутся да оплату за товары внесут?

В данном вопросе Бонзай не сомневался:

– В этом мире подобное нереально. Они не только не захотят многократно переплачивать за свое прежнее жилье, но и в сроки не укладываются никак. Ладно, пусть викинги через два-три дня так и не появятся – по неизвестной для купцов причине. Но ведь на неделю позже сюда доберется войско моего сумасшедшего дяди. Его войску тоже ведь время нужно, чтобы совершить марш. И потом, все наверняка пронюхали, что Визенская империя тоже начала выдвижение войск в нашу сторону. Уж те церковники точно здесь все уничтожат за смерть своих послов-provokatorov. Это – еще одна неделя. Вот тебе и так уже более двадцати дней. А еще надо сообразить, что к чему, собрать деньги и успеть сюда вернуться к сроку. Так что...

– Понял, – рассмеялся одобрительно Дин и признался: – Вот за что я обожаю абсолютную монархию, так это за отсутствие омерзительного бюрократизма в подобных вопросах. Решил самодержец: сразу получи в полное пользование. Конечно, если король не полная марионетка в чьих-нибудь руках.

– Не-е, я не по тем делам, – скромно потупился король. – Мной не покомандуешь!

– Согласен. Тогда пусть сюда и направляются все строительные силы: выкорчевывают сад, роют глубокий котлован и пристраивают точно такой же забор по наружному периметру всех этих четырех усадеб. Более конкретные размеры котлована я дам тебе завтра, перед тем как мы займемся проблемами твоего зажавшегося дядюшки. Но уже сейчас могут начинать снимать грунт на глубину двух метров и радиусом в сто метров от центра этой возвышенности. Так сказать, готовят первоначальный плацдарм для великого будущего твоего королевства. Тем более, что такой уникальный створ для башни шафика – моя самая великая мечта. Мне кажется, я тут и трех человек одновременно смогу перетащить без малейшего шороха или искорки.

– Ух ты! Неужели и так можно?

– Лишь бы ноги не поломать при неудачном шаге. Потом как-нибудь продемонстрирую. Ну и самое главное: я здесь запросто установлю стационарные ворота перехода – и тогда одного человека смогу проводить просто за руку.

– Хорошо бы, – с хитрецей улыбнулся Бонзай. – А то мало ли каких дам мы в гости пригласить пожелаем... Что станешь делать с усадьбами?

– Тоже приспособим. Вначале – для жилья строителей и мастеров, как и все остальные заложенные за товар виллы и дома, а потом видно будет.

Вернувшись во дворец, Дин первым делом уединился с королем в той комнате, где находился его вещмешок. Достал из него две странного покроя одежды и скомандовал:

– Надевай, как я! – Когда они приступили к облачению, он продолжил давать подробные инструкции и пояснения: – Вот эта змейка называется «молния» и застегивается таким образом. Потом еще поверху внахлест прикрывается вот этими отворотами с липучками. Точно такие же липучки есть и на рукавах, причем, когда они чуть стягивают ткань, вот из этого выреза торчат рукавицы. Примерно таким же способом из воротника можно достать капюшон, вот так... Вот этот пластик можешь опустить на лицо. Не удивляйся, что он такой мягкий, потом сравнишь. Так, теперь чуть подтягиваем подол куртки, чтобы он не слишком утолщал фигуру. Надевай перчатки и щупай вот этот рычажок на боку... Ага, точно такой же, как и на коробке с микрофоном. Теперь нажимай – и ничего не бойся.

После щелчка послышалось короткое шипение, и Бонзай замер, словно замороженный. Его товарищ проделал идентичные операции на своей крутке и только после этого резко ударил короля по плечу. С полным изумлением тот осознал, что удара совершенно не почувствовал. Ну разве что еле ощутимый толчок.

– Ну, чего замер?

– Так ведь меня сжало со всех сторон...

– Двигайся интенсивно! Одежда даст тебе внутреннюю свободу и подстроится под любой твой жест. И запомни: эта ткань сама по себе может выдержать удар любого меча, даже острие тяжелого осадного копья, пущенного из аркебузы, ткань не пробьет, разве что вколотит в тело,

ломающая кости и прорывая внутреннюю структуру. Именно поэтому во внутренние полости куртки подается специальный газ. Он придает жесткость каркасу и не позволяет ткани промяться вовнутрь. Другое дело, если в человека попадут сразу три таких копия одновременно. Тогда воин от полученного удара отлетит на десяток метров и погибнет от элементарного сотрясения всего тела и от внутренних кровоизлияний.

Молодой монарх уже старался махать руками и наклонять корпус во все стороны, проверяя свободу движений. Затем снял со стены рапиру и совершил нескольких фехтовальных выпадов. Случайно задел прозрачный щиток капюшона и для достоверности первого ощущения постучал по нему эфесом рапиры. Затем треснул изо всей силы:

– Чудо! Он даже не поцарапался! Неужели и его газ так укрепляет?

– Нет, там другое. Деталей я и сам не знаю, но для щитка используется все та же энергия электричества, которая имеется в одной из батарей. Сами батареи где-то во внутренностях этой одежды, и запаса их должно хватать на четыре года. Баллон с газом надо менять чаще: после сотого «отвердения».

Бонзай никак не мог поверить в такую прочность и восторженно завопил только после нескольких испытательных ударов по куртке шафика: ни меч, ни рапира не оставили на чудесной ткани ни разреза, ни дырочки.

– Слушай, как в вашем мире умудряются творить такие вещи? – восторгался он.

– И тут ты не угадал, подобное новшество я купил совершенно в другом мире, у нас бы за него многие короли глотку друг другу перегрызли.

– А мне никто не перегрызет?

– Вот именно в целях безопасности мы эти камзолы и будем носить. У нас с тобой большие планы. Так что теперь мы рисковать собой права не имеем. И так два раза уже испытывали мускулы наших ангелов-хранителей.

– Кого? – не понял король.

– Ну, такие дядьки с крылышками, которые нас вытаскивают из опасных ситуаций.

Лицо его товарища стало детским от священного трепета.

– Никогда не видел!

– И не увидишь! Эти дядьки живут только в нашем воображении, которое и рисует их со всей возможной фантазией.

– А-а...

– Теперь поспешим в лес, пора встречать северных рогоносцев.

– Так и выйдем из дворца? – поразился Бонзай, расставляя руки.

Несколько минут ушло на то, чтобы объяснить, как убираются забралы, капюшон и рукавицы. Когда сверху набросили просторные плащи, фигуры со стороны казались просто более внушительными, словно на теле под плотной тканью пряталось рыцарское облачение.

Но все равно на этот раз взяли с собой более солидное сопровождение из десятка воинов. Оставили их на той самой лесной дороге, дав подробные инструкции, как вести себя в различных ситуациях, и уже на знакомой полянке король высказал свои восторги во второй раз:

– Слушай, эта одежда почти невесомая, и я в ней совершенно не вспотел!

– Да, полезная штука. Воины того мира так в ней даже спят, разве что газ спускают, делая куртку мягче. Так что и ты можешь... Ну, чего задумался?

В последние ночи молодой король умотался настолько, что совершенно отбросил и так нечастые развлечения с женщинами. Но молодое здоровое тело требовало своего и звенело струной только при одном упоминании о сексе. Именно поэтому самодержец вдруг явственно представил себя в этом самом камзоле на огромной королевской кровати в окружении двух, а то и трех девушек – и непроизвольно поморщился:

– Как можно в таком спать? Даже самый грубый массаж не прочувствуешь.

– Ладно, запрыгивай, – вернул его к жизни нетерпеливым приказом Дин. – Чем раньше появимся, тем меньше их грохот насторожит.

Опасался он зря. Товарищам пришлось еще два часа торчать на скалистом островке, прежде чем в дальнем конце озера появился головной драккар флотилии викингов. Развлекали их только бинокли, от которых король был в полном восторге, да пристрелочная серия снайперской винтовки Дина. Для этого выбрали отдельно стоящую березку на самом берегу: за ее стволом самодержец следил с неослабным вниманием. Грохнуло – и дерево толщиной в руку мужчины, перебитое больше чем наполовину, медленно завалилось набок. Затем разрывные пули раздробили два камня береговой линии.

Бонзай обрадовался настолько, что окончательно поверил в победу. После этого и речи ему повторять за шафиком не хотелось:

– Да я только раз рявкну, а ты раз стрельнешь – и они будут убегать так, что дорогу в королевство Ягонов забудут.

Его товарищ в сомнении поднес бинокль к глазам:

– Моя бабушка на это всегда говорила: не говори «гоп», пока прыгать не на кого.

Сказал – словно в воду глядел. Когда флотилия приблизилась, вся пройденная ею поверхность воды скрылась под обилием темных бортов. И Динозавр громко произнес благодарение фортуне. Если бы король Туйвол догадался послать хотя бы часть маленьких суденышек далеко вперед, начисто пропал бы весь эффект готовящейся засады. Но теперь существовала другая опасность: если все ледовые берсерки одновременно поведут атаку на остров Меч, то однозначно сомнут друзей просто количеством. Никакой скорострельной зенитки не хватит. А ведь у него всего лишь один ствол да два ящика, по сто двадцать штук разрывных. Хорошо хоть, в каждом цинке патроны лежали в единой ленте.

Именно поэтому решили чуть изменить дальность первого удара, с половины – на целую милю. Немного уменьшалась кучность стрельбы, но подпускать противника ближе шафик не рискнул. Натянул на голову наушники с двойным слоем звукоизоляции – и дал отмашку Бонзаю Пятому.

Тот решительно включил тумблер и заорал в микрофон так, словно через минуту лично проткнет своего врага мечом:

– Туйвол! Покажись, а то тебя не видно! Ну! Что забегали, как в темя клюнутые? С вами говорит король этого края, Бонзай Пятый из династии Ягонов! И я здесь, на самой высокой точке острова.

На головном драккаре чуть вильнули от прямого курса, разворачиваясь боком, и стало отчетливо видно облаченного в доспехи Ники Туйвола. Именно из-за доспехов и огромного рогатого шлема король викингов даже с такого расстояния смотрелся очень эффектно. В наступившей тишине донесся отдаленный рев, в котором трудно было разобрать слова, но, судя по жестам и сотрясаемому кулаку, предводитель агрессоров от всей души оскорблял своего противника.

Зато ему в ответ понесся оглушительный, прекрасно слышимый на всем пространстве озера хохот, а потом еще и слова:

– Немедленно поворачивай назад, жалкий безбородый недоносок! Никакие невинные жертвы не спасут тебя от гибели, потому что своими жертвоприношениями в водах нашей чистой реки ты разгневал наших покровителей – и они прибыли сюда, чтобы тебя уничтожить. Итак, повторяю в последний раз: немедленно убирайся в свои льды и никогда больше не возвращайся!

В ответ Туйвол выдал пренебрежительный жест, идентичный почти во всех мирах: «Да пошел ты...»

А в следующий момент весла опять коснулись поверхности воды, разворачивая драккар на прежний курс. Следовало поспешить как с угрозами, так и с подсчетом.

– Раз ты меня ослушался, безмозглый баран, умри! Раз, два, три!

Эффектных пауз между цифрами Бонзай Пятый делать не стал, следовало подстраховаться, оставив время на второй выстрел. Но Динозавр попал с первого раза. Наверняка получилось впечатляюще: слово «три» донеслось к флотилии викингов одновременно с пулей. Двухметровая туша закованного в броню гиганта вдруг сложилась, как картонная, и в брызгах разлетающейся крови рухнула куда-то со спардека вниз. Скорее всего, прямо на гребцов.

И вот тут викинги показали свою боевую выучку и дисциплину. Лишний раз доказав, что берсерками их называют не даром. Шок от гибели предводителя длился секунды три, не больше. Затем гулко грохнули барабаны, и все весла с невероятной синхронностью ударили по воде. Набирая удивительную скорость и поворачивая носом по новому маршруту, драккар понесся в сторону острова. На остальных судах тоже загрели барабаны, но там о подобной скорости могли только мечтать. Мало того что корабли были основательно перегружены, они не обладали и десятой долей мореходных качеств своего флагмана.

Но больше всего от создавшейся ситуации растерялся могущественный шафик. Глядя в оптический прицел своей винтовки, он вдруг с ужасом понял, что стрелять практически не в кого: высоко поднятый нос драккара скрыл из вида даже расположенного на сильно приподнятой корме рулевого.

А Бонзай Пятый продолжал смеяться и осыпать приближающийся флагман оскорблениями, но делал он это не потому, что не боялся, а потому что не знал, как резко изменилась обстановка.

С ужасом глядя на вырастающий в прицеле драккар, Дин уже подумал грешным делом бросать все и сматываться через стык прямо к столице, как вдруг его взгляд натолкнулся на толстенную доску носовой обшивки.

«Пробьет или не пробьет?! – заметалась мысль, как шальная. – Но ведь если не попробуем, то и не узнаем! Дави! Куда же ты целишь?! Сразу над ватерлинией вали!!!»

От таких внутренних воплей никакие наушники не помогают. Зато палец заработал словно часовой механизм, с самой максимальной скорострельностью.

Пули доску пробивали! И вскоре прямо над водой уже чернело двадцатисантиметровое отверстие, а новые удары целеустремленно его расширяли. Вот отверстие заметно опустилось, почти скрылось над водой, а Дин продолжил вгонять пули в раздробленные доски чуть выше. Вот и увеличившаяся дырка скрылась в воде – и, уже с некоторым злорадством, прицел поднят вверх. Так и есть! Корма сильно приподнялась, и теперь искривленное от раздаваемых команд лицо рулевого стало видно как на ладони. Выстрел прямо в него, красное пятно разрыва – и вновь пули вонзаются в борт, проламывая древесину на уровне ватерлинии.

Похоже, что в трюме флагмана существовали внутренние перемычки. Другой причины того, что нос стал погружаться так сильно, не существовало. А скорее всего, проскочившими в отверстия пулями оказалась нарушена перемычка между первым и вторым отсеком. Именно два затопленных отсека из пяти привели к тому, что драккар зарылся носом в воду настолько, что корма полностью приподнялась над поверхностью. Викинги решили собственным весом уравновесить немного судно, но только усугубили свое положение, лишив спешащих к ним спасателей так необходимых нескольких минут. С противным треском драккар лопнул ровно в середине своей длины и в считанные секунды ушел на дно. Несколько несчастных, пытавшихся схватиться в воде за тяжеленные весла, тоже пережили крушение не дольше чем на несколько секунд. Тяжелые доспехи тянули в мрачные пучины беспощаднее северных кальмаров.

Зато как разошелся усиленный микрофоном Бонзай Пятый, было любо-дорого послушать. Похоже, в его лице спортивная журналистская братия потеряла самого знаменитого комментатора.

– Мои покровители гnevаются! Они буквально прогрызают днище этого вместилища ублюдков – и вот уже тупые завоеватели видят свою смерть в глубинах! Скоро, скоро вы все

искупаются, круторогие олени! Прыгайте, прыгайте в воду, все равно смерть уже распростерла свои объятия над вашими грязными душами! Дыра увеличивается! А вот и вопящий от страха шаман остался без своей тупой башки! Только нижняя часть тела скользнула по окровавленной палубе. Так подохните, проклятые агрессоры! Ура!!! Нет теперь вашего корыта! Только щепки остались! Ха-ха-ха! А теперь вот и щепок не видно! Все забрали в мрачную бездну наши покровители! Все!

Опять раздался долгий сардонический смех, который перешел в удивленные восклицания:

– Что я вижу?! Остальные чего-то еще ждут? Не спешат убежать от смерти? Видимо, они не знают, что мои покровители забирают на дно не только тела, но и души чужаков! Ха-ха-ха!

А вот упоминание душ оказалось по-настоящему действенным! Флотилия ледовых берсерков поспешила в собственное королевство с такой скоростью, что, по рассказам местных жителей, даже не останавливалась на ночлеги, гребя посменно. Да оно и понятно: одно дело погибнуть в яростном бою, а потом попасть в Валгаллу, на вечный пир к богу Одину, и совсем другое – отдать свои бесстрашные души в руки чужих богов и быть до Страшного суда заточенным в черных глубинах.

Так был изгнан первый агрессор с территории королевства Ягонов.

Глава 7

Закалка выдержкой

Целых два дня Александра безнаказанно бездельничала. В штаб-квартиру она являлась на короткое время – лишь для того, чтобы быть в курсе всех передвижений объекта да с томной ленцой подразнить ругающегося шефа и остальных сотрудников. Хотя под определение «остальные» попадал только Борис Королюхов, который лично выразить свое недовольство не мог, так как находился в постоянном блуждании вокруг Светозарова, пытаясь войти в плотный контакт и спровоцировать на шумную вечеринку, переходящую в долгосрочную оргию. Но, как назло, ничего не получалось. О чем и плакался Борюсик в телефонную трубку с завидным постоянством. По его словам получалось, что клиент стал нервным, раздражительным и неконтактным сразу после посещения катка. Его общительность сменилась замкнутостью и повышенным метанием по всем окрестностям, точнее сказать, излишним трудовым рвением. В связи с чем на два вполне удачных предложения соседа повеселиться последовали два коротких отрицательных ответа. Уж каких трудов стоило мнимому миллионеру Бонке встретить нового приятеля при самых обыденных обстоятельствах, но все эти труды пошли прахом. Теперь опять на какое-то время следовало затаиться и не выказывать подобной настойчивости, скорее даже проявить полное безразличие к соседу, но именно это разочаровывало и бесило больше всего. Наиболее благоприятный момент, по мнению агента, был упущен.

Павлу Павловичу приходилось сдерживать своего подчиненного от частой ругани, но и ему подобные жалобы не прибавляли хорошего настроения. Именно поэтому он на третий день тоже стал срываться. Хотя начал с самого утра вполне дружелюбным тоном:

– Шурка, тебе не надоело баклуши бить?

– Не-е, – протянула девушка, устраиваясь с чашечкой своего любимого кофе возле офисного компьютера. – Тем более, что зарплата мне идет, работа движется, объект дозревает.

– Как бы он не перезрел и не сгнил до того, как упадет к тебе в руки. Не боишься опоздать?

– Нисколько. Да и раньше я никогда в своих расчетах не подводила.

– Может, все-таки позвонить?

– Чтобы все испортить?

Шеф злобно рыкнул, но ругательства пока сдержал:

– Так это ты раньше не подводила! Зато сейчас ведешь себя, как... И про зарплату: не думай, что она только тебе одной идет. Сама можешь догадаться, какие суммы уходят на ветер ежедневно. Меня порой трясет от страха, что нас заставят все оставшиеся годы жизни обрабатывать бесплатно за понесенные растраты.

– Да, Пыл Пылыч, тут я вам сочувствую, действительно вас могут заставить... – несколько отстраненно пробормотала Александра, интенсивно щелкая мышкой и следя глазами за экраном. – Но в таком деле иначе не получается...

– Черт побери! – взорвался-таки директор конторы. – Она поставила под угрозу все итоги такой дорогостоящей операции, а теперь сидит и философски рассуждает, словно речь идет о прошлогоднем снеге! Конечно, ведь не тебе держать ответ за свои провалы, и не тебе потом дрожащей рукой вписывать потраченные тобой и Борюсиком суммы в графу расходов! Хотите меня до инфаркта довести?!

Последнее предложение он рявкнул так, что сжавшаяся девушка вздрогнула и округлила глаза от возмущения. Но сразу от резкого ответа сдержалась, немного подумала – и принялась отвечать выверенным, рассудительным, совершенно спокойным голосом:

– Значит, так, отвечаю последовательно на все поставленные передо мной вопросы. Во-первых: мой успех очевиден. Объект уже себе отказывает в увеселительных знакомствах с дру-

гими женщинами и категорически отвергает участие в каких-либо оргиях. Его попытка окунуться в работу и общественную деятельность – не что иное, как нежелание пока еще признаться самому себе, что он на крючке. Причем крючок зацепил не просто губу или щеку, которые можно порвать, пусть даже с болью. Нет, он попал гораздо глубже, чем в горло: в желудок. Скорее даже в сердце. И теперь там все больше и больше нарастают кровоточащие, труднопроходимые тромбы, которые мешают самцу нормально соображать и принимать правильные решения. Да вы не стойте, присаживайтесь!

Глядящий на свою подчиненную с хмурым скепсисом шеф громко хмыкнул, но в кресло все-таки плюхнулся.

– Хорошо поешь! Ты, случайно, любовные романы не пишешь?

– Пока еще нет, но на пенсии обязательно займусь. Потому что вижу: мне есть что сказать о психологии в отношениях мужчины и женщины даже стареньким, прошедшим Крым и рым пенсионерам.

Намек на возраст некоторых из присутствующих был проигнорирован полностью, поэтому девушка после нескольких щелчков мышки продолжила:

– Во-вторых: творческие личности, к которым принадлежим мы с вами, никогда не позволяют себе бездельничать. Даже во время сна мы постоянно думаем о деле, а если такового не существует, то тщательно анализируем уже сделанное, пытаюсь отыскать ошибки и не допустить их в будущем. Или проигрываем в сознании тысячи вариантов развития новых, пусть даже абсурдных, на первый взгляд, ситуаций. Вот и я не просто в монитор пялюсь, рассматривая картинки или выискивая знакомые буквы, а работаю. Смотрю, выискиваю те детали, которые мы могли просмотреть в жизни нашего объекта. Дома, по пути сюда и обратно я тоже вхожу в образ. Стараюсь сродниться с моей новой ролью намертво. Просто дышать ею. Потому что уверена: очень скоро в ней придется жить.

Глаза шефа заблестели более заинтересованно.

– Что-то накопила стоящее?

– Пока рано делать обобщения, так, просто некоторые ускользающие ассоциативные недоумения. Поделюсь, когда сама в них разберусь толком. Ну и в-третьих, дорогой мой Пыл Пылыч, могу подсказать, как конторе сэкономить невероятные средства.

– Да-а? Ну если так, то буду премного благодарен.

– Элементарно: можете смело сворачивать подставу с богатым миллионером. Борюсик больше не понадобится.

– О-о-о-о! – кисло протянул ветеран спецслужб. – Хотя тут я тебя понимаю: недолюбливаешь ты его.

– Как раз нет! Вначале он мне сильно не понравился. Признаюсь. Но впоследствии доказал, что парень он неплохой, просто с несколько особой психикой, в которой мне нет смысла разбираться. Скорее он действительно настоящий боевой товарищ. Так что личного повода отрывать его от такой сытой, умопомрачительной жизни у меня нет. Я просто констатирую факты, и так мне подсказывает моя проверенная интуиция.

– Шурка, ты хоть представляешь, сколько мы в этого Бонке уже вложили средств? Да мне легче самому себе пулю в висок вогнать, чем заявить наверх о закрытии такой агентурной легенды. И вообще, как ты можешь такое заявлять, пользуясь только своей интуицией? Например, Казик Теодорович со всем аналитическим отделом доказывает, что сворачивать следует тебя.

– Ха! Это за то, что по мне проходят такие маленькие расходы? Вот уж бюрократия в нашем быту! Как я ошибалась в действительности наших аналитиков... Ха-ха!

Шеф строго прищурил глаза, но его подчиненная продолжала хихикать и фыркать от пренебрежения. Тогда он напомнил:

– И о каких таких фактах ты заявляешь?

– Ну, мой опыт коварной обольстительницы вы принимать во внимание не собираетесь. – Девушка опять стала серьезной. – Поэтому я предлагаю удостовериться в моих предсказаниях. Берусь утверждать, что уже завтра, в самом крайнем случае послезавтра, объект начнет интенсивные розыски потерянной подружки. Вот увидите! И как только Светозаров начнет метаться, предлагаю всем работать только на меня, а неперспективные направления прикрыть окончательно.

Но старый ветеран секретных операций предпочитал больше доверять аналитическому отделу. А возможно, и в самом деле боялся неадекватной реакции от той парочки «сверху»: если они узнают о бесполезности средств, просаженных на подставного миллионера, такое начнется... Подобные растраты «на выпивку и презервативы» нельзя будет объяснить ни самыми высокими идеалами, ни гипотетическими материальными благами, ни блестящими перспективами раскрытия всего дела в неопределенном будущем. Поэтому, скорее всего, Борюсик так и останется пока на своем месте, тем более что явных поводов для его сворачивания еще нет.

Так и получилось. Шеф ожесточенно потер виски, шумно повздыхал и наконец вынес вердикт:

– Будем работать с подстраховкой по всем направлениям. Да и ты... – Уже встав и собираясь уходить, он с сомнением посмотрел на монитор. – Тут... работай помаленьку. Вдруг и в самом деле...

Глядя ему вслед, Александра с улыбкой пробасила, коверкая преднамеренно последнее слово:

– Рада стараться, ваше вымбрымродие!

В ответ, уже из коридора, донеслось обращение к невидимому начальнику аналитического отдела:

– Казик! Немедленно продумать место, где личный состав будет заниматься строевой подготовкой! А то совсем распустились...

В последний раз улыбнувшись, лучший агент всех времен и народов вновь углубилась в раскапывание вороха материалов, которые скопились по делу Дмитрия Петровича Светозарова.

А сам объект тем временем находился за двести километров, в соседнем земстве, выполняя давно возложенную на него общественную работу. Вернее, не возложенную принудительно, а добровольно принятую на собственные плечи шесть лет назад.

Именно столько лет Динозавр являлся председателем попечительского совета, который курировал громадную сеть детских домов и рекреационных центров для трудных подростков на задворках цивилизации. Такие государства были, и творились в них вещи подчас очень печальные.

Совет распределял собранные гражданами добровольные пожертвования, следил за правильным использованием выделенных денег, разбирался со всеми жалобами на недостаточное обеспечение и являлся третейским судьей при разборе конфликтов, возникающих между детьми и воспитателями, детьми и преподавателями и в самой детской среде. Ну и глава совета, по вполне понятным причинам, мог быть загружен «по самое не хочу», имея в любой момент возможность отказаться от поездки и свалить разбирательство очередного дела на более старших коллег. Что частенько и случалось: ведь работа общественная и требует в первую очередь свободного времени, и Дмитрий Петрович с головой уходил в проблемы детских домов на целые недели. Да оно и понятно: раз немецкие бюргеры его со всем уважением выбрали на такую почетную должность, значит, следовало отрабатывать доверие и поддерживать репутацию.

В конторе поняли сразу: подобная деятельность необходима объекту для частого и бесконтрольного передвижения по всей Европе и попутного при этом решения собственных дели-

шек. Тем более, что в перерывах между посещениями детских учреждений Торговец часто встречался с самыми знаменитыми, богатыми, деловыми и имеющими политический вес личностями.

Очень скоро выяснилась и главная причина того, что многочисленное собрание жертвователей и основателей всемирно известного благотворительного фонда избрала выходца из другой страны главой попечительского совета. Кто угодно отверг бы идею, будто самый молодой мужчина в составе совета является воистину и самым заботливым человеком, отдающим невероятное количество сил для воспитания сирот и детей с исковерканной судьбой. Не стоило для подобного открытия использовать аналитический отдел, правда и так лежала на поверхности: Светозаров просто с умением искушенного интригана запудрил мозги своим многословием всем, кому хотел. Красиво говорить и витиевато излагать свои мысли сейчас умеют очень многие. И ничего не стоит такому демагогу красочно, убедительно и велеречиво расписать, как он самозабвенно любит несчастных детишек. И, на пике ораторского триумфа, получить любую высокую должность. Ведь подавляющее большинство членов этой добровольно-общественной организации являлись людьми преклонного возраста, и молодому, активному пустозвону ничего не стоило заставить стариков поверить в свою искренность.

После первых же собранных фактов, подсмотренных в бухгалтерии фонда, стали окончательно понятны и причины столь высокого доверия общего собрания: Дмитрий Светозаров, как правило, умудрялся собрать наибольшую сумму пожертвований на нужды детишек. Сам он жертвовал довольно скромно, да и неведомо было обывателям, какие огромные деньги он подпольно зарабатывает. А вот где и у кого он выбивал прочие – довольно внушительные – суммы, остальных его коллег по благородному делу не интересовало. Именно поэтому и доверяли безгранично молодому человеку, который никогда и единого евро не перехватил для себя лично из общественных денег. Чисто провинциальный взгляд недалекого бюрогера!

Именно так и высказался Павел Павлович, когда прочитал все выводы аналитического отдела. И ему, и его подчиненным сразу становилось понятным, откуда идут такие щедрые пожертвования: Торговец просто докладывал в общую копилку мизерную часть своих гонораров. Вот и вся разгадка. Ему не жалко – и все довольны. В результате он имеет полную свободу передвижения и возможность встретиться с любым человеком правящей элиты или представителем подпольных клубов миллионеров. Ведь кто посмеет отказаться встретиться с «самим» председателем попечительского совета всемирно известного общественного движения? Да никто!

Вот и мотался тридцатичетырехлетний Дмитрий Петрович Светозаров по бескрайним европейским просторам, как «неуловимый Джо», как святая мать Тереза и как символический голубь мира и сострадания.

Сейчас он, с прямой спиной, восседал в кабинете директора одного из самых крупных в стране детских домов, перелистывал папку с личным делом, быстро прочитывая содержимое, и внимательно прослушивал высказывания старшего преподавателя.

– Положение создалось катастрофическое! Судебное разбирательство практически завершилось и доказало полную непричастность обвиняемых к преступлению. Если бы мы смогли сделать рокировку с переменной места, то все бы сошло и со временем кануло в Лету. Но генеральный прокурор нас просто обязал собственными силами исправлять допущенные промахи в преподавательской работе. Вплоть до того, что лично нам обоим водить бедных девочек за ручки круглые сутки. А вы сами понимаете: подобное просто физически невозможно. Вдобавок угрозы священной мести перешли все разумные границы. Практически все поголовно воспитанники старших групп поклялись уничтожить сестричек и пообещали сделать это любой ценой. Мы, конечно, выявляем и стараемся изолировать зачинщиков, но в этом возрасте это дело бесполезное. Да и слишком далеко все зашло. Поэтому у нас только одна

надежда: на ваше личное умение утрясти и уладить все кошмарные недоразумения и отыскать правильный выход.

Во время всего этого монолога директор заведения лишь согласно кивал, стараясь сдерживать нервную дрожь утонченных пальцев. Обоих мужчин Дмитрий знал прекрасно, и они превосходно сотрудничали с ним более пяти лет. Но если раньше весьма уважаемые мэтры воспитательных наук выглядели степенно, солидно и величественно в любой ситуации, то сегодня на них было жалко смотреть: издерганные, нервные, с посеревшими лицами и совершенно растерянные. Случившееся в подведомственном им учреждении несчастье могло кого угодно подкосить. Да что там подкосить: поставить жирный крест на долгой трудовой деятельности. Почти достигнув пенсионного возраста, двое коллег впервые в своей практике оказались перед неразрешимой задачей.

Началось все с того, что к ним месяц назад определили двух девочек пятнадцатилетнего возраста. Двойняшки, потерявшие совсем недавно своих родителей в авиакатастрофе и не имевшие больше близких родственников, прошли через сито предварительного распределения, но им так и не посчастливилось быть адаптированными в какую-нибудь семью. Слишком великовозрастными они оказались – и не желали расставаться друг с другом ни в коем случае. Ну и ко всему прочему – слишком красивыми. А это кандидаток в будущие мачехи пугало больше всего. Немного избалованные своими погибшими родителями, девочки явно были не готовы принять в свое существование новые сиротские реалии. Ко всем относились высокомерно, держались с явным превосходством и, вполне понятно, не шли ни на какое дружеское сближение со своими сверстниками. Зато в своей паре они составляли единое целое и никогда не разлучались. По некоторым данным, при жизни родителей девочки частенько грызлись и скандалили между собой, но несчастье их сплотило в несокрушимую стену. На любую шутку или подначку сверстников они отвечали в несколько раз обиднее, используя весь свой ум и высочайший уровень образования.

Из-за чего и начались трения в первые дни их пребывания в детском доме. Самый первый «звонок» преподаватели проморгали, а потом уже трудно стало восстановить мир в классе даже самым опытным мэтрам. Против двойняшек почему-то озлобились все. А потом к травле не желающих подчиниться общим правилам присоединились и более старшие ребята. Дошло до того, что двое из них решили подшутить, как потом рассказывали их товарищи, над зазнайками. Заволокли одну из сестер в комнатку с уборочным инвентарем и попытались изнасиловать. Худой и длинный парень по кличке Шпала уселся несчастной на грудь, держал руки и зажимал рот. А второй, один из самых мощных в детдоме парень принялся раздевать ее ниже пояса. Вот тут и примчалась вторая сестра, которую до того с хохотом пытались отвлечь остальные детдомовцы. Завидев страшную сцену, она с такой скоростью и силой налетела на здоровяка, что тот в падении ударился головой в бетонную стену и потерял сознание. Уже вдвоем девочки буквально исполосовали ногтями лицо Шпалы, и тот с позорными завываниями вынужден был ретироваться с места события.

Само собой, вмешались воспитатели и надзиратели детского дома. Так и не пришедшего в сознание здоровяка увезли на «скорой помощи» в госпиталь, худого насильника всего обклеили пластырем, измазали зеленкой и поместили в местный медпункт, а девочек до окончательного разбирательства поместили в другую комнату преподавательского крыла здания. Так сказать, под домашний арест. Дело было вечером, директор со старшим преподавателем уже отсутствовали, поэтому чрезвычайное происшествие было расценено надзирателями как бытовое. Деваться от правды было некуда: изнасилования случались здесь довольно часто и почти всегда замалчивались самими жертвами насилия. Тем более в детской среде укоренилось определенное мнение: все девочки через это проходят и нечего строить из себя обиженную. Деятельность в среде старших классов не приветствовалась воспитанниками обоюбого пола. В связи с чем девочки уже с тринадцати, а то и с двенадцати лет пытались найти себе если не посто-

янного, то временного защитника и вполне бездумно переходили с ними в разряд «взрослых женщин». Новенькие, естественно, этот период пропустили и показались лакомым кусочком для самых оголтелых хулиганов.

В сущности, вопрос, может быть, так бы и остался внутренним делом детдома, если бы бытовое дело не переросло в трагедию. Среди ночи в госпитале от кровоизлияния в мозг скончался здоровяк, а ранним утром в медпункте нашли убитого ударом в сердце Шпалу, второго насильника. Орудием убийства послужил распрямленный штырь дужки металлического ведра. Отпечатков пальцев на железке не отыскали, зато на лице жертвы явно врезался предсмертный ужас. Похоже, он успел четко осознать нависшее над ним возмездие.

Смерть сразу двух товарищей всколыхнула весь детдом. Причем все единодушно решили, что и худого закололи именно сестрички. А самые ретивые и уголовно настроенные воспитанники поклялись отомстить, подталкивая на подобное действие и всех остальных. И никто не удосужился вспомнить, что при своей жизни Шпала умудрился обидеть, обесчестить и унижить не один десяток девушек.

Следствие доказало невиновность двойняшек, судья вынес постановление об условном наказании дежурного надзирателя, а вот о реальной обстановке подумать не хотел. Отдельно запретили перевод двойняшек в другой детдом. Зато всю ответственность за последующие события сразу возложили на руководство детского дома. А те ничего не смогли придумать лучшего, чем обратиться за помощью к имеющему огромные связи и полномочия главе попечительского совета. Тем более что личное знакомство их давно убедило в том, что Дмитрий Светозаров – личность незаурядная и способен на многое. Все предыдущие трудности с перемещением воспитанников или сложностями с адаптацией на новом месте он решал легко, с наскока.

Вот и сейчас он быстро понял, каков наилучший выход:

– Необходимо срочно им найти новых родителей или таких опекунов, которым девочек отдали бы на руки уже завтра. Верно?

– А желательно уже сегодня! – поспешно закивал директор.

Старший преподаватель тоже несколько воспрял духом:

– Конечно, мы понимаем и постараемся еще продержаться, хотя бы до послезавтра. Но, честно признаться, положение на грани взрыва. Весь дом напоминает Везувий за час перед всемирной катастрофой, а на наши воззвания и просьбы от властей никакой реакции. У нас опускаются руки...

– Ну, господа, от вас я подобного не ожидал! – воскликнул с укором председатель попечительского совета. – С вашим-то опытом да не справиться с такими трудностями! Вам просто следовало спокойно сесть и все тщательно обдумать. Выход из любого положения найдется всегда!

– Значит, преподавательский опыт нас ничему не научил, – скорбно констатировал директор.

– Понимаю! Никто не захочет добровольно набираться такого опыта. – Дмитрий вскочил на ноги и заходил по внушительному кабинету от одного окна к другому, благо комната в здании была угловой и четыре окна открывали приятный вид на внутренний двор и хорошо ухоженный сад. Видимо, в движении у гостя лучше срабатывала память. – О! Еще одну парочку припомнил! – вдруг замер на месте он. – Но мне желательно поговорить с девочками основательно. Лучше всего наедине. Можно?

– Конечно! – воскликнул старший преподаватель. – Следуйте за мной, это совсем рядом.

Целый час, который они отсутствовали, директор с нарастающим напряжением решал текущие вопросы подотчетного ему учреждения, стараясь хоть на короткое время абстрагироваться от сложной проблемы.

Когда гость вернулся, оставив старшего преподавателя возле девочек, то не смог сдержать искреннего восхищения:

– А ведь двойняшки просто чудо! Умнейшие и очень талантливые! Я бы даже сказал, что девушки при правильном устройстве в жизни способны на великие свершения.

– Да мы с этим не спорим, но ведь сверстники именно за это их и невзлюбили. Не всем серая масса большинства разрешает быть талантливыми.

– Мне надо позвонить.

– Куда угодно! Все наши телефоны в вашем распоряжении!

– Некоторые звонки я сделаю со своего мобильного, но самые официальные пусть исходят из вашего кабинета, – пояснил председатель. – Да и личное подтверждение порой требуется от первого лица, то есть от вас.

Затем началась телефонная эпопея. Дмитрий куда-то звонил, просил, взывал к благородству и сочувствию, требовал, доказывал и согласовывал. С некоторыми парами бездетных родителей, уже имеющими разрешение на адаптацию детей такого возраста, разговаривал сам, с некоторыми заставлял беседовать директора. И все время звонил, звонил и звонил, порой одновременно поддерживая связь сразу с тремя собеседниками.

Через два часа, когда вдруг повисло напряженное затишье, директор с отчаянием признался:

– Я совершенно очумел, ничего не соображаю. Если честно, то совершенно потерял саму суть окончательного итога наших переговоров с абонентами. Что хоть получается?

– Все получается в самом лучшем виде! Имеющая право и давно ожидающая подходящих детей пара найдена и направляется на машине прямо сюда. Через час они уже будут знакомиться с девочками. Я их знаю лично, так что могу заверить, что они согласились уже окончательно. Соответствующие документы и разрешения тоже доставят курьерской почтой в течение часа-полтора. Вы ведь слышали, кого мне пришлось побеспокоить для решения этого вопроса. Только от одного слова этого человека ответственные работники и бюрократы получили ускорение почище доброго пинка. Так что наши усилия не пропадут даром.

– Не «наши», вся заслуга в решении этого конфликта будет принадлежать только вам, – просиял глазами заслуженный воспитатель и администратор. – Однозначно!

– Вот тут я хочу с вами поспорить и со всем своим авторитетом, настойчивостью попросить об одной услуге лично для меня, – заговорщически потребовал председатель попечительского совета.

– Да все что угодно! – пообещал директор, но все же ощутимо насторожился. Впервые этот пробивной молодой мужчина обмолвился о какой-то личной услуге. Тем более было удивительно то, что послышалось далее.

– Вы мне должны пообещать, что никогда не будете приписывать мне заслугу в решении этого вопроса. А еще лучше, вообще не упоминайте о моем участии.

– Но почему?! – Опытного администратора удалось поразить до глубины души.

– Причина проста: не люблю ненужного ажиотажа вокруг моего имени. Дело находится в моей компетенции, я просто должен его решать по причине взятых на себя обязанностей. И хочу акцентировать ваше внимание на самой главной стороне моей деятельности: я помогаю в подобных ситуациях не для славы или собственного самоутверждения, а только для торжества справедливости и победы гуманизма. Слова, может, слишком высокопарные и в данном случае не совсем уместные, тем не менее отражающие суть моей жизненной позиции. Я ни в коем случае не желаю преувеличения роли моего скромного вмешательства. Надеюсь, вы меня хорошо поняли?

– Да...

– И будем считать наше соглашение утвержденным: никаких сведений для широкой общественности. Договорились?

– Хорошо, договорились. Но от себя лично я не могу умолчать и не сказать, что ваша скромность просто исключительна в этом полном вульгарного практицизма мире. И я горжусь своим знакомством с таким человеком.

– Я тоже рад был в вас не ошибиться! – Дмитрий с чувством пожал протянутую руку. – Но если вы угостите меня еще и чаем, то я все равно на вас не обижусь, уж слишком в горле пересохло.

Поздно вечером Павел Павлович, уже собираясь уходить из штаб-квартиры, заглянул в комнату с работающим компьютером и застал странную картину. Александра сидела в кресле, поджав ноги, боком к монитору. Ее немигающие глаза неотрывно смотрели на пустую стену, рука с кофейной чашкой замерла на полпути ко рту и в первый момент показалось, что она не дышит.

Старый оперативник много чего насмотрелся на своем веку, поэтому не стал пугать подчиненную громким окриком, а просто подошел ближе, стараясь попасть в поле зрения. Ноль реакции! Тогда он медленно перегнулся через стол и буквально выковырял чашку из рук девушки. Кофе в ней был совершенно холодный.словно из холодильника. С некоторым недоумением шеф все-таки постарался кашлянуть, и это возымело определенное действие. Александра резко вздохнула, моргнула несколько раз и задвигалась, выходя из оцепенения.

– Шурка, что с тобой!? Тренируешься изображать снежную королеву?

Подчиненная сфокусировала свои расширенные зрачки на руководителе так, словно увидела впервые в жизни. И только потом прошептала:

– Пыльч, мне страшно... И жутко холодно...

– С чего бы это? – Глаза шефа превратились в две узенькие щелочки. – Лето, жара невозможная. С чего это тебя так знобит?

– Не знаю, что-то вдруг такое накатило, – призналась девушка, но резко начавшие розоветь щеки указывали на явное улучшение ее самочувствия. – Сидела, сидела над этими делами – и вдруг на мимолетный момент допустила одну страшную мысль, причем такую жуткую и неправдоподобную, что меня словно снегом укрыло. А тут и вы появились... вдруг.

– Ага, понятно. – Руководитель конторы основательно уселся в кресло напротив стола. – Значит, опять на тебя снизошло некое озарение или постигло очередное интуитивное видение. Так?

– Да нет, в этот раз совсем другое! – с досадой мотнула девушка головой. – Такого со мной раньше не бывало.

– Ладно, малышка, успокойся. – Голос Павла Павловича стал похож на урчание мягкого, ласкового и пушистого котяры. – Расскажи все по порядку.

Александра заглянула в кружку, потом пригубила кофе – и удивленно скривилась. Но заговорила по существу:

– Все это время я прокручивала и просматривала данные по общественной работе объекта, ну, там, где он председателем попечительского совета. И так крутила, и эдак, и все мне казалось, что от меня ускользает что-то очень важное, основополагающее. Какая-то смутная мысль мне не давала весь день покоя, но чем ближе я к ней подбиралась, тем быстрее эта мысль все дальше и дальше ускользала в глубины сознания. И вот тогда я принялась перебирать в голове все, пусть даже самые абсурдные предположения по поводу его деятельности вокруг детских домов. Долго перебирала, уже и отчаялась, как вдруг одна мысль словно молнией высветилась. А вдогонку за ней на меня навалилась ледяная стена, которая всем своим существованием кричала: «Ложь! Страшная великая ложь!» Вот после этого меня и накрыло...

– Действительно такое порой случается, когда докопаешься до истины, – подбодрил сжавшийся как пружина Павел Павлович. – Но что за мысль тебе пришла в голову? Вспомни более конкретно.

Некоторое время девушка прислушивалась к своему внутреннему миру, а потом начала с предупреждений:

– Мысль и в самом деле несколько кошунственна...

– Ничего, подумаем вместе и разберемся.

– Я вдруг подумала, что объект через подставных лиц похищает детей из детских домов, а потом занимается с ними сексуальными извращениями с элементами садизма.

Некоторое время оба смотрели в глаза друг друга. Александра с ужасом и мольбой разувить в существовании подобного чудовища, а ее шеф – с недоверием и омерзением. Наконец он шумно фыркнул и отчаянно замотал головой:

– Сомневаюсь! Очень, очень и очень сомневаюсь! Не похож Светозаров на такого человека. Вот хоть кол на голове теши – а не похож!

– Пыл Пылыч, вы ведь с вашим опытом и не такую мразь встречали. Признайтесь!

Долгое молчание вместо ответа послужило наилучшим подтверждением. Только после сиплого прокашливания старый ветеран перебил тишину твердым обещанием:

– Проверим! Хотя и невероятно трудно будет разыскать все ниточки и самих детей, но обязательно проверим. А тебе – отдыхать!

Александра слабо улыбнулась:

– Только после вас! Мы ведь уже рассуждали на эту тему: не получится у нас абстрагироваться от дела, не получится...

Но тем не менее послушно встала, надела скинутые ранее туфли и, словно лунатик, устремилась к выходу. Рабочий день и в самом деле давно кончился.

Глава 8

Второй удар

Герцог Марио Льер с самого утра находился в премерзком настроении. Перед завтраком жена устроила ему скандал по поводу его ночной пьянки с прибывшим из столицы товарищем детства, графом Дьярти. Причем она даже слушать не захотела о том, что доставленные новости того стоят, какими бы безрадостными они в итоге ни оказались. Высказала все, что наболело, а когда он стал повышать голос, пытаясь образумить, вообще поступила нечестно: расплакалась и убежала к себе. Во время завтрака младшая дочь и сын заступились за отсутствующую мать, старшая дочь – за отца, и вспыхнувшая перебранка вообще довела его до белого каления. Так и не допив свой горячий чай, Марио бросился вон из дома. И вот теперь, совершенно не обращая внимания на преддверие летней грозы в виде грома, меланхолично шагал с глубокой грустью по сосновой роще, расположенной в доброй миле от его поместья. Да и головная боль только усилилась, подталкивая к порочной мысли пойти разбудить до сих пор спящего товарища и вновь предаться постыдному, но притупляющему совесть пьянству с самого утра. Потому что оставаться трезвым в подобной ситуации было невозможно.

Самому не хотелось вспоминать, в кого он превратился. Потомок прославленной династии Льер, правящей королевством Опалов чуть ли не триста лет, теперь постыдно считался пленником в собственном поместье. Нынешний король Барбо Ягон заставил герцога удалиться в ссылку и отречься от любой политической и общественной деятельности. В противном случае было обещано без всякой жалости уничтожить весь род Марио Льера, включая супругу с детьми. Гордый потомок великих королей сдался, покорно уехал в изгнание и вот уже четыре года не смел даже посматривать в сторону столицы.

Конечно, здесь было красиво и даже по-своему интересно. Но как можно упиваться единением с природой, если страной правит этот безнравственный, лицемерный Барбо! Когда простой народ стонет от немислимых поборов, люди среднего сословия часто превращаются в нищих и бездомных, а знать и дворянство попрятались по своим замкам и не смеют слова сказать против творящегося беззакония. Поговаривают, что правящий монарх даже собственную мать отравил – только для того, чтобы устранить ее от власти и распорядиться подданными собственноручно. Зря он это сделал, старая мать хоть и была жестока и коварна, но все же не допускала сына до крайностей. Да и сама старалась править хоть с какой-то справедливостью. Зато после ее смерти четыре года назад все самое худшее и началось.

Казалось бы, именно Марио Льер мог возглавить оппозицию и если не захватить трон, то по меньшей мере жестко потребовать наведения порядка и соблюдения незыблемых древних законов. Но, увы, смалодушничал, испугался гибели близких, а в результате оказался изолированным от большого мира наглухо. Что привело к катастрофическому положению и в личной жизни. В последние месяцы он и так еле сглаживал все усиливающиеся размолвки в семье, а тут еще и товарищ вчера прибыл из столицы и принес очень важные, но не внушающие никакого оптимизма новости. После которых поневоле руки опустятся.

Оказывается, Барбо Ягон собрал все войско и быстрым маршем двинулся завоевывать соседа на востоке – королевство под управлением своего двоюродного племянника Бонзая Пятого. Да еще перед этим хвастался, что подлю подстроил гибель правящего кузена и его старшего наследника. Как следствие, заведомо слабое королевство Ягонов наверняка будет быстро захвачено, а мощь и авторитет Барбо укрепитя в несколько раз. Ну еще бы: не только удержался на чужом троне, но и тот, возле которого родился, захватил. Ведь все знали и помнили, что его мать, будучи принцессой Ягонов, стала супругой правителя Опалов, когда уже имела собственного сына. Редкий случай в истории, но по формальным правилам неизвестно

от кого рожденный бастард Барбо дорвался-таки до власти, потому что у новой королевской пары не было других детей.

В ночном пьяном запале старый товарищ высказал крамольную мысль немедленно податься в столицу и, при поддержке давно ожидающих сторонников, захватить трон. Хоть и был оставлен мощный гарнизон из верных Барбо Ягону гвардейцев, но шансы на успех все-таки были отличные. Только вот в том-то все и дело, что успех, несомненно, был бы делом временным. Вернувшийся с победоносной войны король утопил бы бунтовщиков в крови, а под шумок смело бы расправился и с остальными неугодными ему дворянами. Поэтому на пьяное предложение графа Дьярти герцог ответил лишь скрежетом зубов да предложением пить дальше. Как бы ни манили его призрачные надежды на успех государственного переворота, но знание настоящих реалий не позволяло соглашаться на безрассудные порывы.

«Эх! Если бы не дети! – мучился Марио. – Обязательно бы попробовал! Может, их срочно куда-то спрятать в надежное место? Но куда? Даже если такое место отыщется, то ведь пострадают и все остальные недовольные существующим положением вещей. Уж их-то Барбо уничтожит поголовно. Ну и что, что делать?! Если бы на востоке правил не какой-то молокосос, шанс бы, конечно, существовал... Ведь когда там крепко сидел на троне отец Бонзая, на него войной идти никто не решался, тот мог зубы любому выбить. А так... Ну что за невезение!»

С досады остановившийся Марио изо всей силы ударил ствол возвышающейся рядом сосны, ободрав до крови костяшки пальцев. Дерево от такого к себе внимания даже не почесалось, тогда как сам кулачный боец подпрыгнул от боли и неожиданного обращения:

– Хороший удар! Вот бы его – да по нужной челюсти!

Резко развернувшись на месте, герцог уставился на двоих незнакомцев в странных для такой теплой погоды длинных камзолах непривычного покроя. Но если более старший мужчина не вызывал ни малейших воспоминаний, то двадцатилетний парень явно когда-то встречался на жизненном пути герцога. Видимо, оба неслышно догнали задумавшегося изгнанника по дорожке, а теперь с довольно дружелюбными улыбками рассматривали его с ног до головы.

Вбитое с пеленок воспитание и присущее его роду горделивое величие заставило Марио Льера принять надлежащую осанку и заговорить с подобающими его древнему роду королевскими интонациями:

– Кто вы такие? И что делаете на моих землях?

Улыбка молодого парня стала еще шире и радушнее.

– Дядя Марио! Вы меня не узнаете? – Глядя на глубокие морщины на лице вопрошаемого, парень напомнил: – Вы у нас были семь лет назад и очень восторгались моей химической лабораторией.

– Бонзай! – обрадованно воскликнул герцог, поднимая руки и делая шаг навстречу для дружеского объятия. – Неужели это ты?! Ведь я помню тебя совсем подростком, как ты возмужал! Настоящий рыцарь! – Неожиданно он осознал и другое: – Слушай, а какими судьбами ты здесь оказался? Ведь ты сейчас должен защищать свое королевство от этого урода Барбо?

– Ха! Так я ведь как раз этим и занимаюсь. Но давайте-ка по порядку. – Молодой король сделал шаг назад и представил своего попутчика: – Вот, дядя Марио, прошу любить и жаловать, шафик Дин.

– Очень приятно. – Они обменялись рукопожатиями. – Но позвольте, почему шафик? Ведь их уже давно не существует.

Динозавр развел руками:

– Как видите, слухи о нашей смерти сильно преувеличены! – Потом так и продолжил в шутовском тоне: – Да и вообще, откуда такие сведения? Вашему сиятельству повезло оказаться у общей могилы шафиков и лично сбросить туда последнее тело?

– Да нет! Я их вообще никогда не видел. Просто так все говорят, да и в истории утверждается, что они все... хм, того...

– Вымерли? А вот Бон утверждает, что все мои коллеги подались куда-то на дальний юг, погреться, наверное. Но мы обязательно, как только разберемся с делами первой государственной важности, решили туда смотаться, чтобы проверить подобное утверждение.

– Ага, значит, вы можете... – герцог замялся, подбирая слова и делая ладонями жесты, напоминающие прыжки, – как бы это... ну, оттуда – сюда?

– И не только! Можем и отсюда – туда, – продолжал улыбаться шафик.

– Понятно... – произнес герцог, хотя глубокие морщины и осоловевшие от интенсивного размышления глаза говорили о некотором умственном ступоре растерявшегося собеседника. Поэтому слово взял Бонзай Пятый:

– Возможности у господина шафика огромные. Вот, например, мы на рассвете организовали и проверили засаду на неприступных скалах, к которым завтра утром приблизится войско этого извращенца Барбо. А совсем недавно наблюдали движение походных колонн на марше. Увиденное действие меня сильно расстроило, потому что они как раз преодолевали государственную границу и их разведотряды сожгли таможенную крепость. Хорошо, что я заранее отправил нарочных с приказом отойти в тыл и не оказывать бесполезного сопротивления. Так что жертв среди моих подданных не будет. Но за остаток дня и предстоящий ночлег войско вытопчет огромный кусок территории и нанесет непоправимый ущерб посевам. Не считая сожженных деревень и хуторов. Моему возмущению нет предела! Оголтелое варварство! Хотя я так понимаю, нынешний самодержец вроде как отправился на завоевание, а не на разбойничий набег?

– Ну да... вроде, – грустно подтвердил герцог. – Но ведь знаешь, как оно на войне.

– Э, нет, дядя Марио, так не пойдет. Не выйдет у вас все спихнуть на военную кампанию какого-то безответственного идиота. В этом бедствии есть и ваша вина, и вы, и остальные дворяне обязаны были не допускать этой войны. Следовательно, по любому раскладу именно Опалам придется отстраивать сожженные и разрушенные постройки на нашей территории, и вам, как правящему королю, не отвертеться от налагаемой контрибуции.

– Как это? С чего это... вдруг правящему? – совсем растерялся изгнанник.

– Ой! Ваше сиятельство! Только не говорите, что не сможете за сутки захватить власть в столице и прочно утвердиться на троне. Не поверю! Мы вас предупреждаем и даем для этого все возможности. Не воспользоваться таким случаем – преступная безответственность перед собственным народом. Вы это осознаете?

– Да! Конечно! Но! – Марио Льер буквально весь дрожал от переполняемых его разноречивых эмоций. – Я никак не успеваю! Только при самом быстром передвижении я достигну столицы лишь глубокой ночью. А ведь еще надо оповестить и собрать всех сторонников, вооружить и поставить перед ними конкретные задачи. Не считая того, что и плана переворота, как такового, еще нет. Только и знаю, пожалуй, все последние новости.

– Откуда?

– Мой товарищ детства и ближайший соратник вчера прибыл, и мы всю ночь с ним говорили. Так что...

– И ваш друг еще здесь? – живо спросил Дин.

– Ну да, – немного смутился герцог. – Он не так стойко выдерживает удары зеленого змея, да еще и борется с этим змеем с особой озлобленностью, можно сказать за троих. Поэтому до сих пор отдыхает...

– Понятно, с кем не бывает, – покладисто согласился шафик. – Но могу вас сразу обрадовать: обязуюсь доставить вас обоих, вернее поодиночке, в столицу Опалов почти моментально. Согласны?

– Прямо сейчас?! – чуть не вопил от радости Марио. – Конечно, согласен! Я сейчас за ним сбегаяю! Подождите здесь!

Он и в самом деле собрался рвануть с места. Но был деликатно остановлен Бонзаем Пятым.

– Дядя Марио, несколько минут ничего не изменят. Тем более что нам в обязательном порядке еще следует обговорить массу деталей. В том числе и про судьбу Барбо, его некоторых активов, земель и замков. Вся его собственность отходит Ягонам и будет управляться нашими представителями.

Герцог сразу опечалился, причем не по поводу нескольких замков или аннексированных в скором будущем нескольких кусков земли.

– Ты хочешь отправить своего дядю в ссылку?

– Еще чего! Таких негодяев надо уничтожать безжалостно, в назидание потомкам!

– Мне почему-то показалось, что ты станешь защищать выходца из вашей династии.

– Герцог Льер! – обиженно вскричал Бонзай, переходя на официальное обращение. – Да как вам не стыдно? Если у нас в роду завелся подобный ублюдок, то какое вы имеете право меня в этом упрекать?!

– Я не упрекаю, наоборот...

– Тем более! Можно подумать, что, окажись среди вашей родни такая скотина, вы задумались бы о его помиловании!

– Ни в коем случае! – последовал немедленный и твердый ответ.

– Верю! И несколько не сомневался в таком ответе. Ну вот, значит, с наиболее деликатными делами разобрались, – подвел очевидный итог молодой король. Но Марио все-таки нашел в себе мужество признаться:

– Извини, Бонзай, я был не прав, когда подумал, что ты станешь защищать представителя династии Ягонов.

– Извинения приняты. Более подробный договор о дружбе и сотрудничестве мы постараемся составить завтра, уже после окончательной смены монарха.

– Но что будет с Барбо и армией?

– Его самого мы уничтожим, – просто ответил молодой король соседнего государства. – А войско заставим вернуться под ваше начало.

– Как?

На этот вопрос ответил шафик. Причем сделал это, не раскрывая своих секретов:

– Есть несколько способов. Ваше дело – навести порядок в столице, встретить возвращающихся рыцарей под музыку духовых оркестров и под восторженный рев очумевших от счастья горожан, бросающих цветы на мостовую. Тогда все генералы успокоятся окончательно и будут служить вам со всем рвением и преданностью до гробовой доски. Со своей стороны мы тоже попытаемся воздействовать на них должным образом, но при этом не уронить их воинскую честь и не заронить сомнения в их полезности.

В окне второго этажа показалась убеленная сединами голова дворецкого, и герцог прокричал на ходу:

– Франко! Граф Дьярти уже проснулся?

Даже с такого расстояния было отчетливо видно, как лицо старика сморщилось от негодования.

– Нет, ваше сиятельство! Граф продолжает храпеть, словно стадо бешеных носорогов во время случки.

От такого ответа трое мужчин, спешащих по дорожке сада, громко рассмеялись. А Марио Льер с гордостью прокомментировал:

– Наш дворецкий умеет убить словом, подкрепленным истинным артистизмом, наповал. Порой некоторым оказывали медицинскую помощь, настолько они ухохатывались! – Затем опять поднял голову в сторону окна: – Прошу тебя, Франко, разбуди этого пьяницу немедленно!

Старик пропал в сумраке коридора, а новые союзники так и продолжили свое движение. Когда они стали подниматься по ступенькам в дом со стороны сада, навстречу им, в большую просторную веранду, вышла рассерженная хозяйка поместья. Без всяких предисловий она набросилась на мужа с упреками, которые могут себе позволить только самые необразованные прачки или кухарки:

– Что, мало одного, так ты себе еще собутыльников подыскал?!

Герцог в этот момент старался всеми возможными гримасами показать неуместность такого тона и самой сути обращения при посторонних. Но похоже, жена его и не пыталась понять:

– Чего ты мне рожи корчишь? С похмелья?

Пришлось хозяину замка сделать вид, что он ни сном ни духом не причастен к возводимым на него напрасным обвинениям. Патетически вкинув руку в сторону головного города королевства, он громко огласил:

– Никаких пьянок! Я немедленно отправляюсь в столицу!

Реакция герцогини была неожиданной. Даже супруг, изучивший все тонкости ее души за двадцать лет, не мог ожидать столь неадекватного ответа на такие, казалось бы, обыденные слова. Она с неожиданным проворством бросилась на пол перед мужем, мертвой хваткой обвила руками его ноги выше колен и надрывно заголосила:

– Не пущу! Любимый! Единственный! Умоляю – оставайся здесь! Нашими детьми заклинаю! Одумайся! Не отпущу я тебя-я-я-я!..

Марио с явной растерянностью попытался сгладить момент шуткой:

– Дорогая, но ведь еще час назад ты меня видеть не хотела...

– Прости! – с еще более интенсивными рыданиями затрепетала женщина всем телом. – Я глупая, я пошутила неудачно, я больше так никогда не буду! Только не смей меня бросать! Умоляю-ю-ю-ю...

На эти завывания на веранду выскочили все трое детей и теперь с расширенными глазами взирали на происходящее. Никогда еще они не видели своих родителей в таком состоянии, хотя и подозревали о том, что за их непростыми отношениями скрывается истинная любовь. Но вот такое, открытое, подтверждение им видеть не доводилось. Их отец, кое-как вырвавшись из убийственной хватки, теперь тоже стоял на коленях. Держа супругу в объятиях и успокаивающе поглаживая ей спину, он с ожесточением что-то нашептывал скороговоркой ей прямо в ухо.

Остальные взрослые участники сцены деликатно отвернулись, переговариваясь между собой и давая время на разрешение конфликта. Наконец со стороны парочки послышались недоверчивые, но требовательные вопросы женским голосом. А потом и властный голос самого герцога:

– Дети, познакомьтесь с нашими гостями и проводите их в гостиную. Постарайтесь их напоить чаем, развлечь на то короткое время, пока мы соберемся в путь окончательно. А я поспешу привести в чувство графа Дьярти, пока этот дебошир с похмелья не избил нашего обаятельного дворецкого.

После этого Марио Льер поспешно отправился во внутренние помещения, ведя на прицепе крепко ухватившуюся за его локоть супругу. На ходу она продолжала вполголоса засыпать будущего монарха вопросами, на которые тот старался отвечать со всей обстоятельностью.

Неловкое молчание, воцарившееся после их ухода, громким хлопком ладоней оборвал старший незнакомец.

– Итак, прежде, чем нас угостят чаем, – воскликнул он, потирая руки, – давайте начнем знакомиться. – Меня зовут Дин, моего друга – Бон. Теперь хочу узнать ваши имена.

Сын герцога, как истинный дворянин, сделал шаг в сторону и четко представил своих сестер, не забыв упомянуть при этом все пышные и древние титулы, чем несколько смутил обеих. Затем более просто представился сам, а когда юным дамам гости поцеловали ручки, решил уточнить:

– Как прикажете к вам обращаться? Просто по имени или по титулу?

Дин по-простецки отмахнулся:

– Ко мне – без всяких приставок. Потому что шафики – люди из вполне обычного сословия. А вот к Бону у него на родине обращаются не иначе, как...

– Ладно, – решительно перебил друга Бонзай Пятый. – Не будем захламлять наше неофициальное знакомство ненужными словами. Я тоже согласен на короткое дружеское обращение.

При этом он так многозначительно посмотрел на старшую дочь герцога Льера, что та вся напряглась, пытаясь скрыть смущение. Но оно все-таки проявилось: мочки ушей моментально порозовели до густой красноты. Глаза она все-таки не отвела, но враз пересохшие губы пришлось облизать перед озвученным приглашением:

– Тогда прошу вас, Дин и Бон, в гостиную. У нас сегодня к чаю пирожные и булочки с начинкой по шести рецептам.

И вместе с младшей сестрой первой направилась к внутреннему выходу из веранды. После того как все расселись, нить беседы сразу захватил шафик Дин, и вскоре уже вся компания молодых людей весело смеялась, словно за столом собрались давние знакомые. Торговец, как душа любой компании, и тут оказался на высоте: никто не мог удержаться от смеха над его короткими анекдотами. Все радостно выкрикивали свои ответы в проводимых прямо на ходу шуточных викторинах.

Такому оживлению в гостиной удивились больше всего именно хозяева поместья. Когда они через полчаса оказались на пороге, то увлекшаяся молодежь поначалу не обратила на них никакого внимания. И только совершенно случайно младшая дочь скользнула взглядом по дверному проему и не удержалась от восклицания:

– Ой! Папа! Ты выглядишь как настоящий император!

После этого все встали из-за стола и с разной степенью восхищения принялись рассматривать преобразившегося герцога. По предварительной договоренности с новыми союзниками он облачился в такой наряд, в котором не стыдно и короноваться. Причем все смотрелось настолько стильно, изысканно и со вкусом, что даже Торговец, повывавший на своем веку множество наивысших самодержцев, не удержался от похвалы:

– Шикарно выглядите, ваше сиятельство! Как раз для вашей сегодняшней роли. А шпага... Таких редкостных украшений на оружии мне еще видеть не доводилось.

– С этой шпагой короновалось несколько поколений моих предков, – с гордостью пояснил Марио Льер, делая шаг в сторону, и представил угрюмого, настороженно смотрящего на гостей мужчину в скромных, но все-таки боевых одеждах наемника. – Разрешите вам представить моего самого преданного и надежного друга, графа Дьярти.

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями, и Бонзай Пятый задержал руку графа в своей:

– Тоже не узнаете? Значит, у меня память лучше. Помню, в моей лаборатории вы долго присматривались к разноцветным пробиркам, пока мы общались с герцогом, затем понюхали одну из них и после моего запоздалого предупреждения расчихались до слез.

Лицо графа сразу разгладилось, а в глазах заиграли огоньки доброго и обаятельного человека.

– Ох! Как давно это было, но теперь и мне ваше лицо в круговерти лет припомнилось, сходство поразительное, никаких сомнений!

Он хотел еще что-то добавить, но, видимо, вспомнил о серьезности предстоящего дела и уже с заметным вздохом облегчения сделал шаг назад. Наверняка за эти полчаса будущий король Опалов успел все подробно пересказать не только своей супруге, но и верному сподвижнику. Сама герцогиня теперь выглядела совсем по-иному и никак не походила на испуганную, вздрагивающую от рыданий женщину, которая встретила их недавно на веранде. Правда, плотно сжатые губы некоторой синевой выделялись на бледном лице, да и во взгляде читалось крайнее беспокойство, но теперь она держала свои эмоции в жесткой узде.

Именно на свою жену и обратил благодарный взгляд герцог при расставании:

– Уверен, мы прощаемся ненадолго! – Потом повернул лицо к наследникам: – Дети, вы должны слушаться всех приказов матери и поддерживать ее во всех начинаниях. С этой минуты вы форсируете самые спешные сборы – и после обеда, невзирая ни на что, должны со всем эскортом слуг, в сопровождении наших воинов, которые уже стягиваются к поместью, выехать в столицу. За сутки вы должны успеть и уже на месте узнаете наше будущее. Смее надеяться, что оно будет прекрасным и достойным нашей династии. Прощайте! Я с друзьями отправляюсь немедленно, а вы приступайте к сборам.

Больше не сказав ни слова, герцог в сопровождении графа и гостей отправился прямо в сад. Младшая дочка оказалась единственной из детей, кто высказал свое изумление вслух:

– Куда это папа пошел? Ведь конюшни с другой стороны!

Герцогиня Льер резко выдохнула, вгоняя себя в скоростной режим:

– Так надо. Все, больше никаких вопросов, которые не касаются отъезда. Брать все самое лучшее из одежды и украшений. Личное оружие, фамильные реликвии и гербовые документы! Все остальное нам доставят со вторым обозом.

Она первой почти выбежала их гостиной, но старшая дочь все-таки умудрилась догнать мать и задать всего один вопрос:

– Ма, а кто этот молодой мужчина, который знает и папу, и графа?

Спешащая герцогиня не промедлила и мгновения:

– Монарх королевства Ягонов – Бонзай Пятый! – И уже через плечо с доброй улыбкой бросила окаменевшей на месте дочери: – Я очень рада, что он тебе понравился.

Мужчины тем временем спешно добрались до сосновой рощи, на ходу отчаянно споря, размахивая руками и обсуждая последние детали предстоящих событий. Когда забрались в самое глухое место, шафик проинструктировал графа Дьярти, как себя вести и чего делать нельзя, и под громохание отправился в первую ходку. Не успели представители обеих династий как следует развить следующую тему своего разговора, как Дин вновь вынырнул из подпространства и протянул повязку Марио Льеру:

– Поторопитесь! Граф пока остался разгонять сбегających с дубинками слуг, утверждая, что все под контролем, но просил не задерживаться.

Вскоре он вернулся сам и вытер пот на лбу:

– Уф! Кажется, дело пошло. Как сказал один герой из нашего мира, лед тронулся!

– Трогаемся и мы?

– Слушай, я ведь не конь! Дашь хоть пяток минут отдышаться?

– Конечно, дыши! – сразу согласился молодой король. – Просто мне показалось, что тебе пролезть в эту щель – раз плюнуть.

– Да нет, – признался шафик, выдавая не совсем понятное сравнение: – «Колбасит не по-детски!» Особенно с грузом. – Потом усмехнулся и хитро подмигнул товарищу: – Бон, а как тебе здешние «достопримечательности»? Мне кажется, ты на них сегодня вождельно пялился. – И продолжил с деланным пафосом: – Уж не возмечтал ли ты, сын мой, связать себя некими определенными узами?

Подыгрывая, Бонзай напустил на себя вид глубокой задумчивости, затем грустно вздохнул и с истинной печалью проговорил:

– Порой государственные, но чаще всего внешнеполитические интересы лишают даже единоличного монарха присущей каждому другому созданию свободы личного выбора. Вот и мне, чувствую, придется пожертвовать когда-нибудь холостяцкой свободой ради безопасности собственных границ и укрепления союза с ближайшими соседями.

С самым серьезным видом Динозавр кивал и поддакивал. Причем делал это так печально, словно находился на похоронах. Напоследок чуть не всхлипнул:

– Несчастный! Как мне тебя жалко! Слезы мешают говорить, горечь перекрывает дыхание, а как вспоминаю твою суженую, так не могу сдержать идущих по всему телу судорог. Действительно, она настолько противна и уродлива, что только ради счастья собственного народа можно на ней жениться...

Молодой король оглядел товарища с подозрением, но все-таки купился на розыгрыш:

– Кто... уродливая? Ты о ком?

– Да о той самой. Ты-то наверняка видел ее портреты и уже смирился со своей участью, но я ее как недавно увидел, так на несколько часов аппетит потерял: вылитая обезьяна.

Видя, что Бон так и замер с непониманием, даже моргать перестал, Дин продолжил в прежнем тоне:

– Да я о соседской принцессе, женитьба на которой тебе так необходима для безопасности собственных границ. Даже рассказать некогда, все куда-то бежим и догоняем, а ведь я наведался в Визенскую империю и подсмотрел, что там во дворце делается. В том числе и на его внучку, которая на выданье, полюбовался. Скоро сосватаем...

– Э-э-э-э...

Кроме этого звука и отрицательного мотания головой у молодого короля ничего не получалось от охватившего его возмущения и страха. Скорее всего, он и в самом деле не раз видел портрет вышеупомянутой, не к ночи будь сказано, бесовки. Девушку, более уродливую, чем внучка Константина Сигизмундовича, трудно было сыскать, пожалуй, на всем континенте. И только императорская секретная служба да дипломатический такт не позволяли упоминать титулованную наследницу в анекдотах. Такого удара от своего друга наследник династии Ягонов ну никак не ожидал. А тот и не думал останавливаться:

– ... Что, не хочешь «скоро»? Желаеть немедленно? Нет, так не пойдет... Мы ведь договорились вначале разобраться с королевством Опалов – и только потом отправимся к твоей ненаглядной. Ну разве что ты хочешь с ней позабавиться раньше? Тогда можем организовать похищение... Запросто!

– М-да! – Запоздалая улыбка озарила лицо Бонзая. – Умеешь ты отыскать полную противоположность самому святому и прекрасному.

– Как?! Неужели и в противоположном королевстве есть вторая кандидатка? Не знал, что у Ники Туйвола осталась дочь. И что, она тоже бреется?

Последний вопрос прозвучал настолько двусмысленно, что оба товарища согнулись от смеха, хлопая себя по ляжкам и толкаясь с веселым задором плечами. И только насмеявшись и прокашлявшись, они опять приблизились к стыку между мирами. Дин все-таки не удержался от комментария недавно кончившегося застолья:

– Что ни говори, а булочки были превосходны! Давно таких не пробовал. А вот старшая дочь герцога – это вообще нечто уникальное. О таких женщинах любой монарх может только мечтать: умна, воспитанна, тактична, умеет себя сдерживать и вести разговор на любую тему. Подобные женщины, как правило, встречаются в мирах с некоторой периодичностью, но чтобы она еще и красавицей была... Хм! Я как вспомню, так у меня и слюнки текут...

– Но, но! Ты... Ты чего? – грозно насупил брови Бонзай, который еще секунду назад своей улыбкой до ушей напоминал полного идиота.

– Ничего, – пожал плечами шафик. – О пирожках вспомнил.

– А-а...

– Флаг на! – фыркнул Дин, протягивая повязку на глаза. – Мне, может, тоже холостяцкая жизнь надоела.

– Да-а? Так бери себе в жены младшую дочь Льеров. Мне кажется, она еще старшую перегонит по красоте и сообразительности.

– Только этого мне не хватало – засматриваться на несовершеннолетних.

– Ничего себе! Да ей уже пятнадцать лет! Как раз под венец!

– Ох! Ну у вас и нравы, – засмеялся Динозавр. – Но я предпочитаю жить по законам нашего мира. Подыщу кого-нибудь постарше. Только, чур, внучку императора не предлагать!

– Уговорил, – дал согласие Бонзай, уже надевший повязку и рукой ощупывая плечо друга. Шафик развернулся к нему спиной, нагибаясь вперед и упираясь ладонями в колени, и только тогда услышал раздавшиеся прямо в ухо рассуждения: – Хотя там с этой бедненькой внучкой не все так просто, как говорят в анекдотах. Природа не виновата. Ну ничего, будет время, припомню и расскажу про эту историю более подробно. Все, я готов и расслаблен.

В тот день проживающие в округе крестьяне так и не дождались проливного дождя. Грохочущие грозовые звуки на безоблачном небе заставляли часто поднимать голову, а потом удивленно пожимать плечами. Чего только жарким летом не случается...

Глава 9

Клиент созрел

На следующий день Павел Павлович пришел на работу первым – и встретил явившегося чуть позже начальника аналитического отдела на его рабочем месте. Старый поляк при виде такой засады только обрадовался:

– Шеф! Неужели вы решились предоставить мне отпуск, подменив лично на такой ответственной работе?

– Не юродствуй, Казик, – буркнул тот ему в ответ. – Тебя не в отпуск, тебя в дом престарелых сдавать надо.

– Ну нет! Это явная напраслина на еще довольно молодого деятельного мужчину.

– Да? Что же ты тогда совсем этими «деятельными» мозгами шевелить перестал? Вот, приходится тут за вас хвосты подбирать, ночами не спать! – Голос шефа повышался и уже гремел, как смертельно опасный камнепад: – Все, буквально все, что вы здесь анализируете, отсиживая яйца, – оказывается, летит коту под хвост. Куда вы смотрите? Что вы ищете? Чуть ли не самый молодой агент умеет анализировать в двадцать раз больше, чем вся твоя бессмысленная группа! А если еще и сегодня исполнятся ее предсказания, то я, честно говоря, буду и в самом деле вынужден не только Каралюха прикрыть, но и твою шарашкину контору! Или, может, ты плохо представляешь, какие на тебя средства уходят?!

Глядя на раскрасневшееся начальство, Казик показал удивительное умение владеть собой. С уважительным хладнокровием он уселся на другой стул, выждал, пока шеф шумно отдышится, укрощая свой гнев, и только потом спросил:

– Павел, что-то серьезное?

Тот досадливо мотнул головой, словно настоящий зубр:

– Пока еще ничего конкретного, но если вчерашнее Шуркино предположение получит хотя бы косвенные подтверждения, то кое-кто окажется в глубокой заднице.

– Ладно, не паникуй. – Начальник отдела придвинулся ближе и уже совершенно другим, канцелярским тоном потребовал: – Показывай, что там наша красавица удумала.

В самых неприметных и скромных одеждах Александра явилась в контору чуть ли не к обеду. Да так сразу и поспешила к кофейному автомату с полузакрытыми глазами. Даже не приостановившись от раздавшегося сзади приветствия одного из сотрудников и переданного приказа:

– Саша, шеф тебя ждет!

Без малейшей реакции на слова она сделала себе кофе, блаженно отхлебнула несколько глотков – и только тогда, осторожно держа перед собой кружку, отправилась к начальству. Павел Павлович с кем-то говорил по телефону, поэтому только взглядом указал на кресло напротив своего стола и грозно нахмурил брови. Могло показаться, что он уже приготовился к разному своей подчиненной. Да только внешне девушка так и осталась невозмутимой, даже полностью равнодушной и расслабленной. Пока продолжался телефонный разговор, она допила свой кофе и достала сигареты. Сделала короткую паузу в движениях, но, так и не дождавшись запрета, закурила. Начальство соизволило съязвить:

– Что, после мужичка на сигаретку потянуло?

– Хм! Чем это, интересно, женщины хуже вас, мужчин?

– Но мы хоть себя стараемся с достоинством по утрам держать. А ты на себя смотрела? Всю ночь он тебя топтал, что ли?

– Да-а, – с бесстыдным откровением и ностальгией протянула девушка. – Настоящий зверь попался. Но я бы иначе совсем заснуть не смогла. Вышла отсюда – а дышать от внутрен-

него холода невозможно. Что-то меня явно заморозило. Вот и пришлось зайти на дискотеку. А сейчас просто уверена: поступила правильно, теперь тело в полном порядке.

– Конечно, тебе виднее, – кивнул шеф, не скрывая все же сомнения. – Сама за моральное здоровье и стабильность отвечаешь. Но в следующий раз постарайся снимать мужиков не настолько габаритных. Паре боевиков пришлось тебя всю ночь караулить.

– Ха! Какая разница? Маньяк может поселиться и в теле субтильного мальчика.

– Одно дело – мальчик, которого ты можешь оглушить одним выдохом, а другое дело – бугай, который может просто нечаянно свернуть твою тоненькую шейку. Хрустнет – ты и пикнуть не успеешь. На кого мне тогда надеяться? На Каралуха? Тем более, если сейчас все на твои плечи ложится...

Александра оживилась:

– Что-то сдвинулось? Откопали что-то по его работе?

– Да нет, там пока аналитическая машина только разгон набрала. А вот другое твое предположение оправдалось полностью.

– Ой! Неужели начал поиски меня, единственной?

– С самого утра! – с нескрываемым удивлением подтвердил Павел Павлович.

Зато его подчиненная от радостного восторга несколько раз подпрыгнула в кресле, высоко вскидывая руки вверх:

– Йес, йес, йес! – Потом замолотила кулаками по подлокотникам кресла: – Ну все, голубчик! Будешь ты у меня на сковородке жариться, будешь! Еще и радоваться при этом! Ну, я тебе теперь устрою-у-у...

Шеф не смог удержаться и с ядовитым скепсисом оборвал шумную реакцию Александры:

– Подобные эмоции не помешают делу?

– Не помешают, Пыл Пылыч! – Девушка мгновенно сменила свою ипостась, превратившись за неуловимый миг из радостной, беззаботной школьницы в готовую стремительно рвануться в сторону любой жертвы серую молнию смерти: – Хочу предупредить, что если моя догадка с детьми подтвердится, то это будет первый случай, когда после мокрого дела я не потеряю сознания. Наверняка мне обязательно захочется еще раз сорок оживить, а потом новым способом умертвить этого подонка.

– Вот видишь... Э-эх! – Шеф протяжно и равнодушно зевнул, всеми силами показывая, как он игнорирует ощущаемую физически смертельную опасность, которая, казалось, затопила всю комнату. – Эмоциями ты уже перестала управлять. Забыла, что ты на работе, а не в диком лесу в роли Робин Гуда. Для нас приказ – превыше всего! Скажут отрубить руку – сделаешь только это. Прикажут что-нибудь откусить – так и сделаешь. Но! Ни единого движения больше! При конечной ликвидации или завершении всей операции никакой инициативе места нет. А что я вижу перед собой? Вульгарная бесстыжая секси, всю ночь общавшаяся с каким-то кобелем, теперь сидит и строит из себя обелиск высокой морали и поборника справедливости. Смешно, честное слово...

Покаянно опустив голову, Александра прикрыла на короткое время сверкающие глаза и пробормотала:

– Это я просто подурачиться решила. Забудьте... – И сразу с прежней развязностью устроилась в кресле удобнее. – И с чего объект начал мои поиски?

Напряжение в ментальной атмосфере комнаты стало быстро рассеиваться, но ветеран оперативной и сысчной работы, прошедший через горнило неисчислимых кровавых спецопераций, четко осознал, что впервые в своей жизни он испугался. Причем не сидящей перед ним хрупкой фигурки, а того, что таилось в этом девичьем теле. На лице он так и продолжал сохранять высокомерное язвительное выражение, но вспотевшие ладони постарался незаметно вытереть под столом о брюки. В мыслях отложилось четкое определение:

«Опасна! Очень опасна! – и некоторое сожаление: – Эх, Шурка! Не доживешь ты до пенсии. Так и сгниешь в лабораториях одного очень секретного исследовательского института. А пока поработай на благо...»

Вслух же он продолжил вполне оживленный деловой разговор. Все-таки события происходили весьма незаурядные, и одно то, что клиент попал на крючок и теперь все идет по плану, заставляло добавить в голос оптимизма и поощрительного благоволения:

– Буквально с самого утра наш Торговец явился в ледовый дворец развлечений и лично побеседовал с каждым служащим. Давая всем краткое, но точное описание твоей внешности, имя, правдоподобный повод для поисков и купюру нашей европейской валюты. Купюры разные, в зависимости от ранга и занимаемой в «Ксанаду» должности.

– Величина денежного знака в данном случае роли не играет, – стала рассуждать девушка. – Гораздо интересней знать ту выдуманную Динозавром причину, по которой ему якобы должны помочь.

– Довольно грамотная и правдоподобная история. Мол, при вашем знакомстве ты узнала о его частом посещении других стран и слезно попросила купить в Швейцарии одно очень редкое лекарство для любимой бабушки. Вот он и купил, вернулся вчера вечером домой и никак не может отыскать твою визитку. А дело-то срочное, бабушка и копытца отбросить может. Он, конечно, только себя винит в ротозействе и неаккуратности и готов на любые растраты, лишь бы сохранить свое доброе имя. Именно поэтому он и просит не рассказывать несчастной девушке, то есть тебе, все лишние подробности своего разгильдяйства, а просто звякнуть ему, если тебя увидят на катке. Естественно, что благодарность в виде денежных знаков в гораздо большем количестве гарантируется. В данный момент все работники только тем и занимаются, что чуть ли не ощупывают руками каждую девушку, похожую на тебя.

– Молодец... – Александра задумчиво пощипала свою идеальную бровь коготками. – Хорошо роет! Но это и все?

– Ты, я вижу, тоже молодец. И тут догадалась, что Торговец на этом не остановится.

– Элементарно...

– Так вот, в данный момент наш объект находится в представительстве одной из лучших сыскных контор частного сектора. Конфиденциальность и противоподслушивающие устройства у них на таком высоком уровне, что даже нам ничего напрямую узнать не удастся. Разве что позже попробуем. Но, исходя из того, что это частное агентство занимается «полным комплексом», то есть берется за любые задания, слежка будет вестись теперь не только за «Ксанаду», но и по всему городу. Если не по всему земству. Так что скоро с тобой начнут здороваться на улице многие прохожие, готовься.

Девушка задала еще с десяток уточняющих вопросов, а потом надолго задумалась. Павел Павлович отвлекся на перебор файлов и не торопил свою подчиненную с выводами, теперь уже окончательно уверившись в ее возможностях самой решать, как и когда начинать форсирование знакомства с объектом. Хотя свое мнение у него уже сложилось. Оставалось только дожидаться решения агента.

Как ни странно, но по самому основному пункту мнения сошлись.

– Вмешательство сыщиков нам может очень сильно помешать. Желательно это неудобство устранить немедленно.

– Каким образом?

– Намекнув по телефону на предстоящее свидание. Вообще-то, звонить я не собиралась, а просто хотела послезавтра появиться в «Ксанаду»...

– Так поздно? – не сдержал своего удивления шеф.

– Ха! В идеале следовало бы еще на день позже встретиться. – Нравоучительно поднятый указательный пальчик прогнулся неестественным образом, подтверждая необычную гибкость

костей и подвижность соединений. – Но раз он вознамерился поставить на уши весь город, то надо его энергию направить в другую сторону.

– Наши действия?

– Сможете мне обеспечить прямо отсюда выход на уличный телефонный аппарат?

– Естественно, сейчас распоряджусь...

– Не спешите, Пыл Пылыч. Предварительно следует устроить так, чтобы Торговец не взял сразу трубку и я наговорила на автоответчик. Есть наработка?

– Должны быть, – подтвердил шеф, поднимая на ноги вспомогательные службы нажатием кнопки. – А что конкретно говорить будешь?

– Всего несколько фраз: «Здравствуй, это Саша. Жаль, что тебя не застала. Буду на катке в пятницу, в то же время». Ни буквы больше! Потом уже при встрече признаюсь, что звонок получился чисто спонтанным, после случайного нахождения карточки в кармане куртки. Мол, и в самом деле остались только приятные воспоминания от интересного разговора.

– Хорошо. Начинаем подготовку.

Прибежал Казик Теодорович с группой техников. Приволокли аппаратуру. Затем тщательно, в нескольких вариантах записали речь Александры. Потом добавили на задний фон шумы улицы, которые всегда присутствуют при разговоре из общественного телефона. Два связиста на другой аппаратуре засели на постоянный дозвон на мобильник объекта. Но делалось это так хитро, что у абонента так и не появлялся сигнал вызова, словно ему никто и не звонит. Зато приборы ясно показывали: все это время Динозавр находится в зоне досягаемости.

Для того чтобы включился автоответчик, следовало дождаться благоприятного момента, который возникает, например, при спуске в лифте. Именно такая наработка существовала в технической службе конторы для, казалось бы, простейшего действия.

Пока ждали соответствующего момента, а оператор сводил на единый узел все каналы связи от группы наружного наблюдения, Павел Павлович тихонечко переговаривался с девушкой:

– Почему ты решила наговорить свою фразу именно на автоответчик? Не лучше ли сказать две-три фразы, а потом рассоединиться?

– Ни в коем случае! Порядочные люди в подобном случае просто обязаны перезвонить. А я играю роль не просто порядочной девушки, а девушки, помешанной на порядочности. Вдобавок он после первого же моего слова может выкрикнуть нечто такое, что выведет русло разговора из-под моего контроля, а это тоже чревато осложнениями. Его велеречивость и находчивость могут сыграть со мной плохую шутку. Ну и напоследок мы сможем более тщательно проследить за его реакцией. Надеюсь, кто-то из наших уже постарался?

– Сейчас узнаем. – Шеф повернулся к главному оператору: – Миша, ну что там творится?

– Двое наших парней уже в фойе здания. Дальше прорваться без предварительной договоренности им не удалось. Но уже приближается наш агент с более высокими полномочиями, он постарается подняться на третий этаж и пройти в приемную того офиса, где находится объект.

– Что делает пара наших в фойе?

– Включили камеры, направили их для просмотра парадной лестницы и дверей лифтов. Там напичкано столько следящей аппаратуры, что они могут работать совершенно спокойно.

Еще минут пять деловито обсуждали разные технические детали. Потом дернулся один из техников:

– Клиент вне зоны сотовой связи!

– Пошел пакет информации... – тут же забормотал второй техник. – Есть! Пакет принят.

– Ребята, внимание на лифты! – полетело предупреждение от оператора и на мониторах обе двери приблизились крупным планом.

Вот одна из них открылась, вместе с посетителями и Торговец отправился к выходу. Не пройдя и нескольких шагов, он стал доставать из нагрудного кармана мобильный телефон: добрался сигнал связи о пропущенном звонке. Чуть уменьшив скорость своего продвижения, Динозавр присмотрелся к номеру звонившего, равнодушно дернул бровями, рассмотрев, что звонок – из общественного места, но прослушивание голосового сообщения включил. А когда до него дошла суть сообщения, он от отчаяния несколько раз хватил себя кулаком по лбу. Проникшие в фойе агенты выбрали позиции и подсустились как нельзя лучше. Разочарованное, раздосадованное лицо объекта просматривалось как нельзя лучше сразу с двух сторон, и все эмоции и переживания читались как раскрытая книга. Он столько времени так трепетно ждал ее звонка – и надо же было такому случиться, что она позвонила, когда он находился в лифте. Какая неудача! Вновь прослушивание сообщения... Жуткие сомнения: ждать еще два дня! Пристроился у самого окна – опять прослушивает. Задумался... Некоторый проблеск надежды: хоть что-то конкретное! И удовлетворение: все-таки позвонила! Потом самодовольная улыбка: а куда бы она делась! И снова испуг: ждать чуть ли не двое суток! Очередное прослушивание заставило задуматься с немного отвисшей челюстью. А потом на окаменевшем лице вновь появилось осмысленное выражение: надо действовать!

Резко развернувшись, объект скрылся из поля видимости камер, и поймали они его, только когда он входил в лифт. Динозавр возвращался обратно, в офис детективного агентства.

– Все ребята, главное сделано, спасибо, – обратился ко всем начальник. – Оператор остается, все остальные свободны!

Под топот и шелест уносимой аппаратуры к столу шефа пристроился начальник аналитического отдела и, опершись локтями, принял участие в обсуждении:

– Наверняка Торговец отменит всеобщий поиск...

– Ну это и без тебя ясно, – буркнул Павлович. – И к гадалке ходить не надо.

– ...А вот пару шпииков, – нисколько не обиделся Казик Теодорович, – для слежения вокруг «Ксанаду» – оставит. Опасаться будет, что девочка сбежит, как в прошлый раз.

Александра забарабанила коготками по столешнице и дернула уголком губ:

– Да нет, парочкой там не обойдется. На этот раз он постарается узнать обо мне все, до самых пеленок. Что я ем, чем дышу, какие отношения с бабушкой и как с ее помощью увеличить мою сговорчивость. В том числе и старушенцию могут проверить по полной программе. Как наши легенды? Выдержат подобные испытания?

– Несомненно! – заверил старый поляк. – Мы все предусмотрели. Да и тетушка моя – агент со стажем.

Теперь несколько раздраженно фыркнул шеф:

– Может, не стоило обострять знакомство подобными проверками? Все-таки риск остается, что они откопают какие-то несоответствия. А так бы он тобой увлекся и совершенно отбросил любые сомнения или подозрения.

– Нельзя так делать, Пыл Пылыч, – тоном школьной учительницы возразила девушка. – Категорически нельзя! Не тот это человек, чтобы, даже повязнув в любовном дурмане, не проверить всю жизнь своей избранницы. Если он сейчас обнаружит какой-нибудь наш просчет, то мы еще как-то сможем вывернуться и переиграть скользкие моменты, но если наши отношения зайдут слишком далеко, любое мое неосторожное слово, не соответствующее проверке, станет крахом всей операции. Поэтому – пусть копают со всей активностью, а Теодорович пусть не спускает глаз с каждого их движения. Если сейчас все получится идеально, то в дальнейшем Динозавр к этому вопросу больше не вернется, а бабушку можно будет вновь вернуть на пенсию.

– Кстати, как она там? – сдвинул брови старый оперативник. – Справляется?

– На отлично! – подтвердила Александра, с улыбкой косясь на аналитика. – Мне кажется, у них вся семейка может смело играть любые роли с изумительным правдоподобием. Словно

живет со мной и в самом деле много лет. Еще и мне некоторые дельные подсказки дает, как и что должна говорить воспитанная внучка в тех или иных случаях. Такое впечатление, что она еще до Второй мировой войны в художественной самодеятельности участвовала.

Казик Теодорович перешел на просительный тон:

– Ты ей лучше о войне не напоминай. Когда тетя была еще девчушкой, все ее село бандеровцы вырезали, почитай только она из всех селян и спаслась чудом. Мой отец тогда только родился и жил в райцентре. А уж что тетке потом пережить пришлось – никакая самодеятельность не сравнится.

– Ой, я и не знала, – сочувственно надула губки красавица. – Но зато теперь уже точно так глупо не пошучу.

– Но с другой стороны – она добрая и все прощает.

– Да, и готовит она просто отменно. Я даже за свою фигуру опасаться стала.

Павлу Павловичу надоело выслушивать комплименты своей старой сотруднице.

– Ладно, хватит болтать не по делу. Лучше, Шурка, расскажи, в чем ты в следующий раз подашься на каток? Ведь наверняка постараясь красоту навести? Чтобы раз и...

– Ничего не «раз»! Наряд тот же самый, только внешность изменится за счет неправильно и неумело наложенной косметики. Я даже потренировалась и сделала несколько фотографий.

Мужчины всмотрелись и от неожиданности икнули. Первым выдавил из себя вопрос Казик Теодорович:

– Побойся бога, красавица! Ведь уничтожить объект команда еще вроде не поступала!

– Ага! – подтвердил шеф с деланным воодушевлением. – Но вот на будущее надо будет принять на вооружение: натуральный инфаркт – и никаких следов воздействия.

Девушка немного обиделась.

– Не утрируйте! – хотя и сама внимательно рассмотрела самое лучшее фото. – Не такая я тут и страшная. Просто ему сразу необходимо вбить в голову мысль о моем тотальном неумении пользоваться косметикой. Тогда можно будет выработать у него иллюзию, что именно он наставил меня на путь внешнего великолепия. Тем самым он проникнется ко мне чувством тотальной собственности и будет более благосклонно потакать в будущем любым моим прихотям и капризам.

На этот раз оба представителя начальства переглянулись многозначительно.

– Слышал? А большинство мужчин как привыкли поступать?

– Как раз наоборот: вначале клюем на безукоризненный макияж, а после женитьбы настаиваем на воистину натуральном личике.

Шеф чмокнул губами:

– Значит, существенные сбои дает твоя статистика, Казик! А если девочка и тут окажется права...

– Ладно, раз я вам больше не нужен, – заторопился аналитик, – бегу работать.

– Что-то вырисовывается по детям?

– Пока ничего конкретного, информация только начала стекаться в базу данных. Если что-то всплывет, сразу поставлю в известность.

Когда Теодорович ушел, Александра попросила:

– Если станет что-то известно, не забудьте и мне рассказать во всех подробностях.

Павел Павлович задумчиво повертел в ладонях карандаш:

– Оно тебе надо?

– Надо! Уж лучше я от вас узнаю и сразу получу какую-то поддержку или приказ, чем мне что-то откроется во время работы с объектом. Честно говорю, сгоряча могу не сдержаться и пришибить. Почему-то меня этот вопрос зацепил невероятно. Умом понимаю, что надо будет приказ выполнять, а вот внутренности все сразу замораживаться начинают. Не нравится мне такое...

– Ха! Ей не нравится! – возмутился шеф. – А мне что прикажешь делать? Да за такие пораженческие рассуждения я обязан тебя сразу снять с задания. Только самоуправления мне не хватало в таком деле всепланетного значения. Шурка! Ты эти глупые «телесные заморозки» бросай! А не то я тебя так прогрею от всей души, что ад раем покажется!

Неожиданно девушка улыбнулась:

– Ну вот, уже прогрели. Спасибо!

– Не за что, подходи в любое время... Ладно, давай вали отсюда и не мешайся под ногами. Поработай с бабушкой и введи ее в курс всех последних деталей. Чувствую, этот Динозавр обязательно пожелает познакомиться с твоей единственной родственницей.

Когда девушка ушла, руководитель конторы походил по кабинетам, понаблюдал за работой подчиненных, а потом, стараясь не привлекать к себе внимания, вышел через черный ход. Пройдя по неиспользуемому дворику, пересек несколько коридоров и своим ключом отпер железную дверь первого этажа. За ней оказалась небольшая, но очень уютная квартирка, единственным обитателем которой оказался шуленький невзрачный паренек лет восемнадцати на вид. Хотя, если присмотреться, можно было добавить к возрасту лет пять. Надев наушники, хозяин квартирки лежал с закрытыми глазами на диване и легонько дергался от прослушиваемой музыки.

Павел Павлович бегло окинул взглядом комнату, подошел к выключателю и мигнул светом. Парень молниеносно вскочил на ноги, но, рассмотрев гостя, вновь расслабленно завалился на диван, без всяких приветствий разразившись короткой жалобой:

– Подыхаю от тоски.

– Вот и радуйся: есть очень интенсивная и очень опасная работа.

– Убрать кого или как?

– Похоже – все вместе. Но задание будет невероятно ответственным.

– Да что мне, впервой? – Парень теперь уже уселся с явной заинтересованностью.

– Хе, – озадаченно покрутил головой ветеран спецслужб. – Тебе предстоит следить за нашим агентом, которая раскручивает один важный объект. Твоя задача, если что-то пойдет не так, как я тебя проинструктирую, или если я дам определенный сигнал, немедленно уничтожить...

– Объект?

– ... агента! И учитывай: если она тебя раскроет раньше – не спасешься, уничтожит сразу. Если же тебя разоблачит объект – будет еще хуже. Если сорвешь задание – самый нежелательный вариант: возьмусь за тебя я.

Лицо паренька перекопилось от попытки улыбнуться.

– Еще что-нибудь – пострашнее – есть?

Гость со вздохом посмотрел сквозь потолок и подтвердил:

– А как же, конечно есть. Так как, справишься?

– Куда я денусь! Когда приступать?

– Через два дня. Сегодня вечером принесу все данные, деньги, ключи от машин и документы. Договоримся о связи. Все остальное решай сам. С твоими рекомендациями только тебе и братья за подобные дела.

– Ваши наружники меня не выследят?

– Обязательно выследят. Но для всех наших ты станешь экстрасенсом, который улавливает все эмоции. Так что носи на шее диктофон и время от времени наговаривай туда всякую чушь про цвета радуги в ауре объекта.

– Проще не бывает, – пожал плечами паренек. – Наговорю с три короба, язык без костей.

– Тогда до встречи!

Глава 10

Последние удары

После возвращения из королевства Опалов друзья с головой окунулись в текущие дела Вельги. Благо на ближайшие сутки Торговец был совершенно свободен от других миров, решив как можно тщательнее и масштабнее определить планы развития столицы на ближайшее время. А попутно и дать подробные разъяснения всех этих планов своему венценосному товарищу.

И вот только после этих разъяснений, проведенных в кабинете с глазу на глаз, Бонзай Пятый смог осознать грядущие изменения и в главном городе королевства, и на целом континенте. А план был таков: королевство Ягонов, внешне продолжая скрываться под фасадом средневекового исполина, скрытно, форсированными темпами превратится в высокоиндустриальное, промышленно развитое техническое государство. А прежнее лицо надо было сохранить по той причине, что основной заработок обещался вливаться в экономику из карманов туристов. Причем последнее утверждение не воспринималось молодым монархом совершенно, и Дину пришлось именно на это потратить больше всего времени.

– Да ты надо мной издеваешься! – возмутился самодержец. – Как может именно в Вельгу приехать богатый турист (тьфу ты, и слово-то какое вульгарное!) и потратить здесь хоть какие-либо деньги? Чем он здесь кроме тех самых стен любоваться будет?

– О! Ты даже себе не представляешь, как уникальна и интересна все та же твоя столица, – покачался Дин от восхищения всем телом. – Чего стоит только архитектура здешних домов! Я уже не говорю об отделке фронтонов, крыш, дверей, окон и просто стен, в которой органически совмещаются белый кварцевый камень и темные породы дерева. А если еще в начале осмотра выпить стаканчик вашего далийского...

– Ну, вообще-то у нас тут действительно красиво, – самодовольно распрямил плечи Бонзай. – Потому что из подобного камня все окружающие горы, нигде таких нет. Да и деревья здесь необычные, особенно породы с темной древесиной. Столетиями структуру не теряют – ни на солнце, ни на морозе, ни под дождями.

– Вот! И я подобного нигде раньше не встречал. Да только на торговле этой самой древесиной твое королевство уже давно просто обязано было стать самым богатым на континенте.

– Так ведь оно по твердости как камень, но и по хрупкости такое же. Хотя пока свежее – с ним можно работать. Но вот когда засыхает... только на внешнюю отделку и годится.

– Это тоже решаемо; со временем используем. Но вернемся к туристам. Во многих государствах, подобных твоему, технические революции так кардинально преобразовали образ и основу всей жизни людей, что там рыцарские доспехи остались лишь в музеях и выставочных залах. А ведь рыцарские турниры, учебные бои, полномасштабные маневры – это наиболее лакомые сценки из Средневековья для урбанизированного, живущего в ядовитой атмосфере современного человека. Ты себе представить не можешь, с каким желанием и восторгом они будут платить немислимые деньги за возможность побывать все на том же рыцарском турнире или недельку пожить в натуральном замке гордого барона, расположенном на неприступной скале.

– Если ты так говоришь, то зачем нам тогда развивать промышленность? – вполне логично рассуждал молодой король.

– Чтобы в любой момент дать отпор любому агрессору! Причем – на его территории. Ведь как только ты крепко встанешь на ноги, на такой лакомый кусочек постараются ринуться все завоеватели скопом. Может, и мое вмешательство их не остановит. Вот именно для этого индустриализация королевства Ягонов просто необходима. Но делать ее придется скрытно и неза-

метно. Стараясь не выпускать за границу ни технологии, ни лучших специалистов. Да и с внутренними шпионами теперь придется бороться специально созданному министерству.

– Но если все-таки секреты станут ускользать? Например, в ту же Визенскую империю?

– Не без того. Тотально обезопасить и сохранить все производственные или технологические тайны не удастся. Но ты все равно будешь с огромным отрывом двигаться впереди любых последователей, и твое преимущество будет неоспоримо. Ко всему прочему, придется не только королевство Опалов сделать своим безупречным союзником и помощником, но и всех остальных. Причем «второй ряд» соседей – тоже. Все они должны быть кровно заинтересованы в неприкосновенности Ягонов во все времена...

– Такое сотворить невозможно! – замотал головой Бонзай. – Не бывало такого в истории.

– В вашей – не бывало. Но ведь мы сможем взять все самые лучшие наработки других миров, а уж там, поверь, мы отыщем самые удачные, сказочные и невероятно действенные варианты любой модели развития отношений. И, возвращаясь к твоим визенцам...

– Ну, этих вообще никакие сказки не перевоспитают!

– Не спеши высказываться так категорично. Согласен, есть там невероятные трудности, мне и одного посещения хватило, чтобы понять: там творится нечто невообразимое. Что ж, тем более интересно будет в том бедламе разобраться и навести должный порядок. И ты поучись, и мне опыта прибавится. Но там чуть позже. Вначале давай отправим гонцов в другие, более дальние королевства.

– Зачем и куда?

– Пусть пригласят в королевство Ягонов лучших зодчих. Пусть им посулят огромные деньги – и те отправляются на новое место работы в Вельгу. Конечно, приедут единицы из сотен приглашенных, но и этого для начала хватит. Когда их коллеги узнают про оплату и новые реалии данного места, то станут ломиться сюда колоннами – и твои министры их будут трудоустраивать по мере необходимости за самые мизерные оклады. А вот самые решительные, те да, огребут деньжищ по полной. Это первое, что надо сделать немедленно. Второе: самым сообразительным и предприимчивым патриотам твоего королевства раздай концессии на строительство десятка кирпичных и цементных заводов, а также на устройство нескольких гигантских каменоломен. Причем с таким условием: что как только созданные ими предприятия начнут работать качественно и бесперебойно, директора станут гарантированно получать с прибыли определенный процент до конца жизни. Естественно, подготовив на свои места наилучших преемников. А сами будут переброшены на более насущные направления народного хозяйства с соответствующим повышением оклада. То есть все должны сразу осознать: ценными кадрами ты разбрасываться не намерен, но и покоиться на лаврах им не позволишь.

Рука короля уже тянулась дернуть за шелковый шнур, ведущий к колоколу, – и тем самым собрать ближайших помощников, но шафик попросил:

– Есть еще и третье безотлагательное дело. Надо прямо сейчас послать по паре ловких разведчиков под видом купцов не только в Визенскую империю, но и к викингам. Пусть упорно и целеустремленно собирают любую информацию. Сейчас нам не до ледовых берсерков, но как только разберемся с остальными соседками, то и за северян возьмемся. Найдутся подходящие ребята?

– Если правильно поставим задачу, найдутся, – рассудил Бонзай. – Теперь они готовы умереть за свою родину и короля, а если узнают только о малой части перспектив, то вообще горы свернут.

– Тогда зови гордость королевства Ягонов. Заодно и я с ними познакомлюсь более близко, а то лишь издали глазами обмениваемся.

Когда все намеченные на первый этап дела были выполнены, парочка друзей наведальась на место рытья котлована под башню шафика. Работа спорилась и с каждым часом набирала

обороты. Выемка грунта в некоторых местах уже достигла глубины в два метра, а после вручения окончательных эскизов башни назначенным прорабу и мастеру центр постройки определен окончательно. Правда, прораб схватился за голову, после того как узнал соотношения мер длины и перевел размеры в удобоваримое для здешних математиков состояние. Даже воскликнул:

– Таких башен не бывает!

На что Бонзай Пятый строго прикрикнул:

– Еще как бывает! Если господин шафик решил строить по самому дешевому, типовому проекту, то представь, как будет выглядеть индивидуальная разработка раз в пять большего здания! Представил? Ну а теперь спокойно продолжай рыть фундамент под скромное жилище моего друга.

Затем выбрались за город и подались на отметку в пять миль от существующей крепостной стены. Там, взобравшись на господствующую высотку, Динозавр опять стал разъяснять перспективы будущих построек:

– Примерно с этого места ты будешь потом обозревать весь город. Причем непосредственно из дворца к стратегически важным местам будут проложены тоннели, по ним – рельсы для самодвижущихся тележек, и ты будешь иметь возможность добираться куда угодно со скоростью урагана. Причем совсем необязательно, чтобы наказать врага, чаще – для удивления путешественников и гостей столицы в особо торжественных случаях. Конечно, будет это еще не скоро...

Бонзай старался представить себе то, что уже существовало на предварительных эскизах, в натуральном виде – не получалось:

– По нашим меркам и мои внуки могут не успеть подобное достроить при своей жизни.

– Далеко ты забрался, дружище. Вот как только освободимся, я тебя обязательно прокачу в одно место, где я тоже затеял грандиозное строительство. Причем у меня там ведется постоянная съемка от времен дикого состояния природы до сегодняшнего дня. Получится потом уникальный фильм, когда в ускоренном режиме просматриваешь движущиеся картинки всего возведения. Бываю я там раз-два в неделю, но за несколько лет половина города уже вступила в строй и приняла своих обитателей.

– Тебя там, наверное, вообще уже за бога почитают?

– Нисколько. Для подавляющего большинства я просто очень значительная и важная шишка в составе правящего совета – и только.

Король уже выглядел настолько заинтересованным, что и по сторонам не смотрел.

– Тоже создаешь в том городе рыцарскую вольницу?

– Ха! Было бы здорово, но в том мире там этого и так полно. Скорее нечто из будущего, что удалось подсмотреть только в самых развитых мирах. Если хочешь, более подробно расскажу тебе за ужином.

– Конечно, хочу. И фильм посмотреть не откажусь. А то все некогда...

– Но твои ребята успевают?

– А как же! Только и сидят возле твоего ноутбука и сутками просматривают те изображения, которые передаются с камер. Пожалуй, только для них это и стало работой, мне до сих пор движущиеся картинки кажутся нереальным наваждением.

Обратную дорогу преодолели интенсивной рысью, поэтому было не до разговоров. Но уже поздно вечером, когда смогли выкроить время для легкого ужина перед сном, быстро поели, и при десерте Бонзай напомнил про обещание:

– Хотя в двух словах обрисуй свой строящийся город.

– Не получится. И целого дня не хватит. Ты уже сам его на месте рассматривать будешь, дам тебе экскурсовода, и он доходчивее, чем я, объяснит. Лучше я тебе саму суть и предысторию поведаю. – Дин не смог сдержать зевка: – Если не усну...

– Тоже не страшно, тем более что две девицы твою кровать уже проглаживают своими теплыми тельцами, – подмигнул Бонзай, хватаясь за стоящий на столе графин. – А мы пока еще чуток посидим под наше любимое далийское.

– Как бы оно нам не опротивело от такого частого употребления, – проворчал Дин, но кубок все-таки ко рту потянул. Освежившись вином, согласно кивнул: – Ладно, слушай.

Как оказалось, чуть менее восьми лет назад Торговец отыскал чудесный мир Зелени, в котором несколько тысячелетий царила эпоха развитого «просвещенного» Средневековья. Словно кто-то раз и навсегда законсервировал развитие тамошней цивилизации на уровне рыцарского кодекса чести и мужества для мужчин и непередаваемого очарования для женщин. Войн в мире Зелени практически не было, а вся лишняя агрессия его обитателей утекала вместе с кровью на многочисленных рыцарских турнирах. Соревнования по доблести и мужской силе проводились практически круглый год с небольшими перерывами на свадьбы.

Основным гарантом стабильности в том мире являлась наибольшая по занимаемой территории империя Рилли, вот именно туда и зачастил гость из другого мира. В первый год он тщательно присматривался, вживался в незнакомую среду и завоевывал для себя определенную нишу в довольно пестром сообществе. Что оказалось, в общем-то, просто по причине наличия там многочисленного купеческого сословия. В связи с обилием собственных, никогда ранее не виданных товаров новый подданный Рилли вскоре стал вхож в любые дома высшей аристократии, а на второй год добрался и до личного знакомства с императорской семьей. Благодаря этому знакомству Динозавру удалось не только попасть на юбилей, но и преподнести в дар самому могущественному лицу то, что для него самого ничего не стоило. Зато подарок этот оказался, по оценкам самого императора и всех историков, чуть ли не самым значимым за обозримые тысячелетия.

Конечно, возможности Дмитрия Светозарова в плане подарков были неограниченными. Начиная от спиннинга для рыбной ловли и кончая убийственным лазерным оружием из миров с развитыми техническими цивилизациями. Да только он в каждом конкретном случае старался сохранить любой найденный им мир в изначальной красоте и свежести и никогда без особых на то причин не форсировал неспешный ход цивилизаций к экономическому буму. Например, в том же мире Зелени до сих пор не существовало арбалетов, а значит, гость не собирался и заикаться о дальнобойном оружии. Здесь никто не изобрел порох, а значит, и само упоминание о каких-либо салютах стало бы кощунственным. Здесь не додумались до парового двигателя и не знали электричества – значит, основные виды продаваемых усовершенствований заключались в новых червячных соединениях, которые использовались в ветряных и водяных мельницах.

Об остальных контрастах, особенно в мелочах, можно было рассказывать сутками. Да и заработать при их модификации не составляло особого труда. Поражал высокий уровень повседневного быта. Например, даже такие не упоминаемые все предметы, как унитазы и умывальники, существовали в каждом доме и делались из глины, подвергаясь вполне правильному печному обжигу. Правда, фаянсового покрытия унитазы не имели и со временем начинали приобретать довольно непрезентабельный вид. Новые технологии покрытий, введенные в эту, казалось бы, не слишком привлекательную сферу людского бытия, сделали Торговца одним из самых богатейших купцов в империи. Его продукция, с непонятной для местных жителей аббревиатурой «DPS», за семь лет разошлась практически по всему миру Зелени. А об истинном хозяине самых прославленных фабрик по производству фаянса знали единицы.

Ну а к концу второго года посещения нового мира настал и самый памятный день: пятидесятая годовщина со дня рождения правящего императора. Уже само право преподнести подарок было оплачено такими взятками и закулисной борьбой, что оставалось только диву даваться, как подобное возможно в гордом честном обществе, воспитанном на рыцарских понятиях чести, твердого слова и истинной справедливости. Тем не менее пришлось и этот

путь преодолеть, да и средства к тому времени позволяли сделать это практически безболезненно для кошелька. Личные знакомства тоже чего-то стоили. В том числе и непосредственно с семьей юбиляра. Хотя справедливости ради следовало упомянуть, что действительно уникальные подарки не зажимались службой предварительного просмотра. Некая высшая справедливость в мире рыцарства все-таки существовала.

Пикантность момента так называемого «дарения» заключалась еще и в том, что император заранее выделял десяток премий за наиболее приглянувшиеся ему подношения, раздавая их в ответ на десятый день после начала празднования. Высшим отличием считалось награждение графским титулом с выделением земли под будущее графство. Причем разрешалось выбирать любой участок, до сих пор никем не занятый и принадлежащий империи.

Динозавр к тому времени осознал самое главное чудо этого законсервированного в рыцарстве мира. Оказалось, что здесь никто не болеет и почти все, кто не погиб при несчастных случаях или на турнирах, живут более ста лет. Исключения составляют лишь крайне тяжелые, вернее сказать, очень запущенные болезни, при которых в технически развитых мирах врачи бессильно разводят руками. Причем на Зелени даже сам видимый процесс старения начинается не ранее чем с восьмидесяти лет, а женщины вообще сохраняют репродуктивность до семидесяти пяти и могут рожать на своей «золотой» свадьбе здоровых полноценных детей. Каждый обитатель этого мира может в течение часа вылечить у себя начинающуюся простуду, за трое суток залечить открытый перелом, а общими усилиями их лучшие специалисты по травмам вытягивали порой смертельно раненных рыцарей прямо-таки с того света. Таких уникальных способностей не имеет никто и нигде. Но больше всего поражает то, что обитатели Зелени имеют уникальные врачебные навыки поголовно, начиная с шести-, максимум семилетнего возраста.

И Торговец бы перестал себя уважать, если бы не попытался разгадать такую феноменальную загадку. Но для этого были необходимы свои исследовательские лаборатории, свой корпус под больницу и свои независимые экспериментаторы вместе с учениками и подопытными больными. Да еще при этом построить это все в строжайшей секретности от окружающего мира. Сложно. Тем более при отсутствии земли, то бишь – титула графа. Оставалось только выбрать надлежащий подарок. Тут долго думать не пришлось, на ум пришла древняя притча про персидского царя, который возжелал расплатиться за подобный подарок на Земле и был изрядно выдоен самим изобретателем. Поэтому сомнений не возникало: только шахматы. Потому что о подобной игре на Зелени не имели понятия.

Эффект превзошел все ожидания, хотя при подношении юбиляр стал рассматривать подарок с некоторым недоумением. К его трону Торговец подкатил шахматную доску с расставленными на ней фигурами прямо на столике с колесиками, что было и удобно при транспортировке, и довольно удобно для первой, показательной игры. Стараясь сразу заинтересовать самого могущественного человека этого мира, Дмитрий с ходу приступил к объяснениям:

– Ваше императорское величество! Данная игра называется «шахматы» и служит не только для развлечения, но и для улучшения умственной деятельности, развития умения абстрактного мышления, усовершенствования командной тактики и стратегии на поле боя.

Последнее утверждение особенно заинтересовало юбиляра. И если до того он просто кивал в знак благодарности и всего лишь пару раз взял в руки одну из фигур для ближнего осмотра, то сейчас впервые спросил:

– Только на поле боя?

– Не только. Умение мыслить абстрактно помогает решать и любые повседневные задачи.

– Ладно, – соизволил разрешить император, который уже до того несколько раз встречался лично с набирающим обороты купцом. – Тогда расскажи нам, Торговец Дин, в чем суть данной игры.

Гостю из другого мира оставалось только пересказать наилучшие методики Земли, но и тут он внес маленькие усовершенствования:

– Суть игры довольно проста, хотя для совершенствования в ней не хватит и всей жизни. Ибо в ней существует просто неисчислимое количество вариантов. Весь смысл борьбы заключается в том, чтобы за отсчитываемое вот этими специальными часами время поставить мат «императору» противника, загнав его в безвыходное положение. Поэтому именно вот эта фигура и является на доске самой важной. Ходит она и бьет соперника в любую сторону, но только на одну клетку...

При этом утверждении император с еле заметной улыбкой скосил глаза на свою супругу, которая со всем вниманием и заинтересованностью смотрела на шахматы.

– ...Все остальные фигуры и воины первой линии обязаны защищать своего «императора» – порой ценой своей жизни. Каждая фигура обладает собственной мощью и свойствами, но наиболее сильной и ценной является «императрица». Она имеет право ходить в любую сторону и на любое расстояние. Вот так...

На этот раз императрица дернула уголком своих очаровательных губ и стрельнула насмешливым взглядом на супруга. Слово она и не сомневалась в своей силе и несметной ценности собственной персоны.

– ...Другие фигуры менее ценны, и ими, как и воинами, принято порой жертвовать ради окончательной победы.

– Да? – переспросил юбиляр. – А «императрицей»?

– Тоже. Но, как правило, игрок старается это сделать только в безвыходном положении или таким образом, чтобы убрать в схватке «императрицу» соперника вместе с другой фигурой. Еще предпочтительнее – с двумя.

Самодержец не скрыл довольной улыбки, делая вид, что не замечает свою нахмуренную супругу. Тогда как Динозавр продолжал без единой паузы:

– ...В том случае если игрок прозевает опасность и лишится своей основной защитницы, поражение ему уже практически обеспечено и остается только делом времени...

Самая прекрасная женщина империи довольно вздохнула, хотя и могло показаться, что она презрительно фыркнула по какой-то своей непонятной прихоти.

– ...Вот в этом буклете вы можете почерпнуть более подробную информацию о тонкостях игры и ее незыблемых правилах. Хотя лучше всего первые несколько партий сыграть с инструктором для укрепления основных навыков.

Имперский перст указал на среднюю полку столика:

– А там что лежит?

Дарящий с готовностью поднял один из предметов, который оказался сложенной шахматной доской в кожаном чехле:

– Вы просто не представляете, как в таком случае страдают родные и близкие, не имеющие возможности и самим сыграть в эту чудесную игру. Поэтому этот, более простой вариант шахмат вы можете раздавать по мере обучения не только своим детям, но и кому угодно. Ведь вам и самому станет интересно одолеть очередного соперника в очной встрече, и, как истинный рыцарь, вы ему предоставите все условия для тщательной учебы на своей территории.

– Хорошо, Торговец Дин, это действительно может оказаться занятной вещичкой. Поэтому сразу после банкета вас проведут в мою комнату отдыха, и мы с вами начнем первую партию.

– Слушаюсь, ваше императорское величество. Но осмелюсь предложить, чтобы на первом сеансе присутствовали и все желающие. Тогда вскоре у вас появится выбор соперников. Конечно, если ваши близкие заинтересуются подобной игрой.

Пятидесятилетний император, выглядящий не старше тридцати пяти, скосил глаза на свою супругу, и та хрустальным голоском отчеканила:

– Мы уже заинтересовались.

Итак, после застолья Торговец Дин впервые оказался в святой святых имперской фамилии – в личных дворцовых апартаментах. Спиртным на Зелени не злоупотребляли, поэтому на первую игру собрались лишь слегка навеселе. Помимо дочери и сыновей императорской семьи присутствовали еще несколько человек, из которых наиболее славился министр внутренних дел, дородный, мощно сложенный рыцарь восьмидесяти лет. Он приходился юбиляру дядей по материнской линии. Впрочем, и сам император на его фоне отнюдь не смотрелся слабоком.

Первый час игра с пояснением каждого хода с обеих сторон шла только на одной, «подарочной» доске. Потом присутствующие разбились на пары и начался сеанс одновременного инструктажа. Динозавр со всей сноровкой успевал метаться между столиками, подсказывая, уточняя и разъясняя правила и утрясая мелкие конфликты между игроками. По истечении третьего часа он ушел, и никто из свиты, толпящейся в кулуарах дворца, не подумал, что увлечение непонятной игрой станет самой страшной болезнью – сначала первой фамилии империи, потом всего дворца, а впоследствии и всей страны. Тем более, что этапы этого пути в первые дни могли показаться очень печальными.

На второй день знакомства с игрой передрались между собой наследники императорской короны.

На третий сами венценосные супруги устроили скандал после мелкого недоразумения. В итоге они не разговаривали и не общались четыре дня.

На четвертый день с самим императором полез драться его дядя по материнской линии, с пеной у рта доказывая, что таких «рыцарей» он просто затапывал в молодости конем, гнушаясь оголить на такого свой меч. Самодержец в долгу не остался, в результате чего великая империя пять дней пребывала без своего министра внутренних дел, изгнанного в опалу в дальнее поместье. Хотя некоторые поговаривали, что восьмидесятилетний рыцарь уехал сам, потрясая при этом комплектом шахмат в кожаном чехле и скопированной инструкцией и угрожая все изучить досконально, а уж потом доказать, кто здесь «старый плут и мошенник».

На пятый день с огромным трудом разыскали и пригласили во дворец Торговца Дина. Дмитрию еще повезло, что он наведлся на Зелень раньше намеченного срока и успел вмешаться в назревающие конфликты. Детей он помирил за один день, став их самым лучшим другом. Хотя и предположить не мог, что ровно через три года сам падет жертвой мастерски подстроенного сексуального домогательства со стороны старшей императорской дочери. Благо к тому времени она уже достигла возраста, когда, по законам Зелени, была вольна делать, что ей заблагорассудится.

Венценосных супругов удалось помирить за два дня пребывания во дворце. Ну а когда и министр вернулся к выполнению своих обязанностей, то все приближенные стали в один голос догадываться, кто получит главную премию за наилучший подарок. Даже самые неверующие прониклись, когда на десятый день со дня юбилея живой пример рыцарской чести сыграл со своим племянником несколько партий с истинно философским величием. Оба соперника показали олимпийское спокойствие и с завидной стойкостью реагировали на собственные проигрыши или неудачи в процессе игры.

На следующий день состоялось завершающее празднество по поводу юбилея. Во время ужина император провозгласил победителя и даровал Торговцу титул графа Дина Шахматного. Конечно же, с правом самостоятельно выбрать земли для собственного графства. Все немного подивились ответной просьбе новоиспеченного графа, прозвучавшей после положенной в таком случае благодарности:

– Пока еще выбор мне сделать не удалось, так что нельзя ли отсрочить мое окончательное решение по поиску места?

Император только отмахнулся:

– Да ищи сколько хочешь! Хоть... целый год!

И вот по прошествии назначенного срока все были просто ошарашены. Ибо граф Дин Шахматный выбрал самое что ни на есть сумрачное, страшное и нежилое место на планете – Свирепую долину. Огромная по размерам, она располагалась в глубокой впадине между неприступными горами, и оба ее выхода с двух сторон служили только для одного: по немыслимым ущельям в долину несли ревущий ветер. Там он сплетался с густым паром, превращаясь в пылающее молниями торнадо, и устремлялся в небо. А торнадо, в свою очередь расширяясь, поднималось гораздо выше уровня гор и в хорошую погоду серыми облаками разлеталось по всей империи. Тогда как в плохую и пасмурную погоду все горы укрывались единым саваном. Зимой ледяные «сквозняки» создавали в Свирепой долине внушительный ледник, но в течение лета этот ледник истаявал, благодаря более теплomu ревущему воздуху и массе теплых источников и термальных вод. Скапливающиеся при этом реки уходили под горы, в низко расположенную мрачную пещеру, и выходили в никому не известных местах. То есть в Свирепой долине не существовало и клочка почвы: только голый камень, вода и лед. Даже мох там найти не удалось тем отважным исследователям, которые все-таки рискнули пройти по ущельям, а потом со смертельными опасностями вырваться обратно против ревущего потока ветра. Соотношение уходящих в экспедиции и вернувшихся из них составляло десять к одному.

Само собой, император очень интересовался причиной такого выбора, и Торговцу пришлось отвечать:

– Мне вскоре понадобится полное спокойствие для моих философских изысканий. Поэтому хочется быть уверенным, что никто из людей меня там не побеспокоит.

Отшельников на Зелени уважали безмерно, что и было заранее рассчитано Дмитрием. И попутно избавляло от лишнего любопытства и неприятных вопросов, отвечая на которые не хотелось лгать. Свирепую долину закрепили в безраздельное пользование ему и его потомкам на все века. Только вот император не поленился уточнить:

– Отныне к твоему титульному имени добавляется еще одно слово. Так что, граф Дин Шахматный Свирепый, будь достоин этой награды и с рыцарской жертвенностью продолжай служить империи!

– Готов, ваше императорское величество!

Динозавр закончил свой рассказ и коротко вздохнул:

– Вот так я и стал обладателем долины, где в данное время строят город и рассаживают сады из самых экзотических плодовых деревьев.

– Но там ведь лед и нет грунта! – воскликнул в недоумении Бонзай. Вино он забыл подливать давно и теперь только крепко сжимал в своей ладони сухой кубок. Но его гость решительно встал:

– Все, сказки кончились и деткам пора спать, да и «грелки» наши наверняка давно дрыхнут без задних ног. Или ты забыл, что при дрожащих руках я твоего бешеного дядечку могу и не угостить из ружьишка?

– Я ведь уже и не подливаю, – немного обиделся молодой король. – А вот мой батюшка мог и зубы выбить за отказ с ним выпить. Я ведь только и прошу рассказать, как ты со льдами справился и откуда землю взял?

– Ну вот, так и знал, что с самодержцами пить вредно для здоровья, – засмеялся Дин от всей души. – Тебе ведь самому будет в сто раз интереснее возрожденную долину собственными глазами увидеть, чем сейчас полусвернувшимися от усталости ушами про нее выслушивать. Так что обижайся – не обижайся...

– Да ладно тебе, Дин! Никаких обид! Отправляйся на свое ложе. – Бонзай подмигнул товарищу и сам отправился к другому выходу: – Тем более, что сразу заснуть у тебя все равно не получится.

– Ну-ну, – бурчал гость, передвигаясь к своей спальне по слабо освещенному коридору. – Я парень разборчивый, мне какие попало грелки не подходят...

Судя по утреннему настроению, когда оба друга появились в малом трапезном зале, ночь у обоих прошла на «отлично» и недовольных в строю не наблюдалось. Скорее проскальзывала некоторая ленивая пресыщенность в движениях. Молодой самодержец засомневался первым:

– Не рано ли мы встали?

– Может, и так... – стал рассуждать Дин, расслабленно откидываясь на спинку стула. – Мы ведь действительно намного раньше там появиться планировали, присмотреться хотели...

– Так, может, того... – обрадовался Бонзай. – Еще на часик в люлю?

Кажется, и его гость в какой-то момент был готов согласиться и вернуться в прогретую кровать, но потом решительно мотнул головой:

– Не-е! Не хочется потом опять новую засаду устраивать. Вдруг твой дядька ни свет ни заря войско на ноги поднимет? Ведь наверняка захочет по чужой территории как можно быстрее проскочить да до твоей шеи добраться.

Монарх быстро настроился должным образом – как только вспомнил про свою шею.

– Тогда поспешим, мой друг, а уж после нужных дел займемся не менее нужными для наших тел забавами.

На это шафик неожиданно улыбнулся:

– А ведь есть такое женское имя: Забава. – Затем решительно вскочил: – Ладно, давай облачаться в сюртуки.

– Зачем? На той скале никто из лучников или арбалетчиков нас не достанет.

– Ты знаешь, я как представил, что туда уже забрался какой-нибудь лихой разведчик-скалолаз и сейчас осматривает окрестности орлиным взором, мне сразу захотелось напялить сразу два сюртука вместе с забралами. Ведь при нашем прибытии он может и в щели какой затаиться, а потом и стрельнет ядовитой стрелкой, когда нам оглядываться будет некогда.

Слушая его, молодой король уже интенсивно одевался в ничем не пробиваемую одежду. Умирать не хотелось.

Глава 11

Со всех сторон

В последние два месяца Дмитрий Светозаров прямо-таки физически ощущал постоянную слежку. На этот раз было ясно: за него со всей серьезностью принялись очередные профессионалы и намерены они копать до конца. Теперь группой подставных артистов не прикроешься и сказками о костюмированных маскарадах дотошных ищеек с собственных следов не собьешь. Оставалось только одно: полностью прекратить все спектакли с эпохами и, так сказать, лечь на дно. Благо средств на жизнь хватало, стремиться к новым, интересным заработкам не стоило. Дела в других мирах шли уверенно и стабильно, а значит, и частого присутствия там не требовалось, хватало инспекционных наездов в ночное время. Хлопотно, конечно, да и режим сна нарушается, но ведь всегда можно перехватить часок-другой в середине дня. Рабочее-то время – не нормированное.

И все же следовало непременно разоблачить те структуры, которые начали за ним слежку. Составить для себя четкую картину всей лестницы ретивых недоброжелателей – и уже тогда предпринимать меры. Если за ним следят сугубо уголовные элементы, устроить несчастные случаи для их «руководства» труда не составит. После этого мелкие сошки рассосутся в жизненном водовороте, словно мыльные пузыри. Совсем другое дело, если за него взялись государственные структуры. С подобной машиной справиться – задача почти непосильная. Да и стоит ли выводить из строя подобные агрегаты, которые по большому счету все-таки служат благу остальных людей?..

Но вначале следовало узнать о следящих за ним нечто более конкретное.

По догадкам Торговца, опасность пришла после гибели известного миллионера Кадагова. Он пропал над морем в своем персональном большом самолете, и подозревали, что кто-то просто свел с ним счеты. Но Дмитрий после смерти Леонида Тарасовича решил более тщательно проверить всю его предварительную жизнь, пытаясь более четко определить круг общения покойного. И отыскал удивительный факт: несколько лет назад Кадагов во время покушения остался без глаза. Это Торговца сразу насторожило: ведь он отлично помнил по личным встречам и беседам, что со зрением у клиента все в порядке. Тогда он стал рыться в биографии миллионера более тщательно – и выяснил время, место да и сам факт уникальной операции по внедрению в живой организм полумеханического глаза, совмещенного с видеокамерой. Да и про экранирующее веко разузнал. Вот и выяснилось, что хитрющий Леонид Тарасович наверняка заснял оба посещения других миров. Но если природные чудеса первого еще можно было списать на гениально смонтированную сцену, то вот рыцарский турнир в империи Рилли мира Зелени действительно мог стать большой проблемой.

Бесспорно, устные рассказы ничего не стоят. Каким бы наблюдательным ни был зритель, голословные утверждения про какие-то нереальные для Земли детали никого особо не тронут. А вот фильм, который можно покадрово изучить миллион раз – совсем другое дело. Такое вещественное доказательство не спишешь на невнимательность или лишний стаканчик местного алкоголя. Если лучшие специалисты исследуют предоставленный материал, то со стопроцентной гарантией докажут, что иномирское изображение реально. И, самое неприятное, – что это изображение «иномирское».

Шума в средствах массовой информации не было, из чего следовало, что Кадагов перед своей смертью передал фильм не журналистам, а силовым структурам. Преступные группировки из числа заинтересованных тоже не исключались. Поэтому Торговец сперва принялся со всем тщанием копать именно под них. Но те оказались далеко в стороне от его дел. Тогда Динозавр стал проверять все государственные структуры. Вполне естественно, начал с общегерманской системы, потом – Интерпол и некоторые конторы на бывшей советской террито-

рии. Здесь тоже положительных сдвигов пока не наблюдалось, и это заставляло нервничать. Но по большому счету жизнь продолжалась, общественной работы хватало, да и для житейских удовольствий оставалось достаточно времени.

Ну и самое главное: в качестве Торговца Дмитрий Светозаров мог навсегда покинуть мир Земли в любое удобное для него время. С громом, молниями и торнадо, но – спрыгнуть с земного трамвая, как и где ему заблагорассудится. Как бы это ни было прискорбно. Ведь после этого уже официально вернуться на родину будет невозможно: слишком усилилось видеонаблюдение во всех развитых странах, а менять внешность он не хотел. Да и жизнь в дикой африканской сельве его не прельщала. Но пока бежать было рано: в любом случае его сначала попытаются арестовать. Единственное, чего стоило опасаться, так это неожиданного убийства в спину. Но такой подарок от фортуны баловень судьбы старался исключить. Ведь в жизни так много радостей...

Именно из-за этих радостей он и проверил в первую очередь – и весьма тщательно – своего нового соседа. Как ни странно, но Борис Бонке оказался парнем что надо. Причем не только не навязывался в приятели, но и сам к соседу в первое время относился настороженно и с подозрением. Что вызывало к нему дополнительное доверие. Ну а умение Бонке не жадничать и со всей страстью предаваться блаженству с самыми прекрасными женщинами вообще вызвало искреннее уважение. Как бы ни досталось Бонке это крупное наследство, тратил он его с наибольшей пользой. Когда Дмитрий подсмотрел у соседа несколько оргий с красавицами, то дал себе обещание подружиться с таким страстным прожигателем денег как можно быстрее. С подобным товарищем можно было бы и по другим мирам гульнуть со всей возможной бесшабашностью. А то совершать подобные вояжи в одиночку стало скучно. Бонзая в последнее время вообще стали держать в ежовых рукавицах да еще и под каблуком, а тому это даже нравится. Так что в компаньоны для бесшабашных холостяцких мальчишников он уже не годился. Следовало срочно отыскать нового товарища, и молчаливый, скрытный по натуре Борис Бонке подходил для этого лучше всего. Тем более, что он, как истинный коллекционер коньяков и бренди, пожелает испробовать лучшие алкогольные напитки и сможет оценить все остальные прелести других миров. Оставалось только довести тотальную проверку биографии нового соседа до конца и приняться за его финальную вербовку.

Но вот тут как раз и случилось... В самый обычный день, на самом обычном катке, совсем обычным способом прямо под ноги вывалилось это чудо. Причем вывалилось оно под ноги, а в итоге ударило по голове. Да так ударило, что вначале Дмитрий вообще видел только глаза девушки и первые десять минут действовал на резервном автопилоте. И только когда услышал голос незнакомки, привычно мобилизовался и решил: во что бы то ни стало прельстить эту серенькую, как он решил после первого часа знакомства, мышку.

Первоначальный гипноз удивительных невинных глаз во время катания стал понемногу проходить. Вследствие чего заостренный ловелас все больше и больше превращался в уверенного мачо, уже ясно представляя, как они вместе, сразу после катка, отправятся в уютное местечко и займутся приятным сексом. Конечно, девушка выглядела немного растерянной и стеснительной, но эти эмоции Дмитрий смело приписывал своей неотразимости и величии. Избалованный вниманием принцесс, он ничего другого и ожидать не мог. Тем более страшным оказался для него удар, когда он вдруг стал осознавать, что незнакомка собирается «спрыгнуть». Да не просто спрыгнуть, а сделать это навсегда, не оставляя никаких нитей для продолжения взаимоотношений. Имя из нее вытянуть удалось, но вот от большего она отмежевалась с неожиданной для такой скромницы решительностью. Только и удалось, что насильно впихнуть ей свою визитку.

Потом был безуспешный поиск – и мрачное раздраженное состояние. Причем настроение упало настолько, что даже два удачных столкновения с соседом и его давно ожидаемые приглашения повеселиться вместе вызвали лишь досаду и неприятие. Только улегшись позд-

ним вечером в постель, издерганный за день Светозаров стал успокаиваться и трезво анализировать:

«Что это со мной случилось? И как это я умудрился отказать себе в знатной гулянке с новым товарищем? Ведь наверняка теперь Борис обидится и опять долго не будет смотреть в мою сторону. И поделом мне! Нашел из-за чего расстраиваться! Самая обычная пигалица. Что толку, что она на Леночку похожа? Сестру мне это не вернет, а значит... Вот! Скорее именно поэтому я больше всего и расстроился, стал нервным и раздраженным. Вспомнил о сестре и родителях – и превратился в рохлю, который упивается тоскливой жалостью к себе, любимому. Печально? Еще как печально! А тут еще эта пигалица вознамерилась свою девственность и неприкосновенность демонстрировать, вот я и сорвался... И кому она хуже сделала? Ведь так и помрет душой необласканной, с нее станется. Как говорится, куплю билет на пароход, а сама поплыву баттерфляем! Ха-ха! Тоже мне бабочка нашлась, даже на коньках кататься не умеет. И одежда у нее явно из бабушкиного комода... – Некоторое время жалость теснила раздражение и наконец победила. – Может, ей, бедной, вообще носить нечего? Вот бы ее приодеть как следует. Да и прическу поменять. Косички, конечно, очень мило смотрятся, но ведь это анахронизм. Да и личико можно значительно приукрасить. Похоже, что она ничего о губной помаде не знает. А вот интересно, если ее завести в салон красоты, что из нее бы там сотворили? Вполне вероятно, что и визажисты бы ее не спасли от серости. Но ведь порой и там чудеса случаются, а значит, стоит попробовать... Ага... С кем? Вначале эту пигалицу еще отыскать надо... А оно мне надо? Правильно, не надо! Тогда что делать? Так я и так уже это делаю: сплю. И перестая думать о всяких глупостях. Перестая... перестая...»

Дмитрий повернулся на правый бок и несколько раз пошевелил пальцами ног. По его давнему убеждению, подобное действие, совершенное несколько раз в течение пары минут, очень помогало при попытках уснуть. Кровь при этом отливала от разгоряченной переживаниями головы и приходил сон. Пришел он и в ту ночь.

Утро выдалось солнечным и оптимистическим, но глаза Александры все равно всплывали в зрительной памяти Торговца, напоминая о давно потерянной нежно любимой сестре. Поэтому отдохнувший разум придумал лучший выход из создавшегося положения: со всей страстью окунуться в работу. Тем более что срочных дел у председателя попечительского совета накопилось выше головы, и уже через несколько часов он и думать забыл встрече на катке. Два дня прошли как в угаре, и только под конец этого активного периода растерянное милое личико незнакомки с пугающей ясностью вновь предстало пред мысленным воображением. Виной тому стали двойняшки, с которыми довелось побеседовать в детском доме. Конечно, девочки уже в своем возрасте были гораздо красивее Александры, и все же нечто объединяло их с ней. Некоторое время Дмитрий так и не мог понять, что именно, и только подъезжая к дому после лихой езды по автобану, он ярко осознал, в чем состоит сходство. И в сестрах-близнецах, и в девушке с катка сквозило главное: настойчивый характер, вера в себя и непоколебимая вера как в собственные действия, так и в собственную правоту.

На первый взгляд это выглядело парадоксальным. Особенно если сравнить девочек, связанных кровными узами и только волею судьбы оказавшихся в детском доме, с сиротой, живущей с бабушкой. Ведь Александра ни в коей мере не выглядела человеком сильным, уравновешенным и духовно нестигаемым. Скорее уж она напоминала прямую противоположность описанной натуре. И только сопоставляя в памяти слова и выражения лиц двойняшек со словами и выражением лица Александры, Дмитрий почувствовал уверенность, что характеры этих троих почти идентичны. Но ведь такого быть не могло, потому что...

Перекусив на скорую руку и не желая больше перегружать желудок на ночь, Дмитрий улегся в постель и еще раз прошелся по всей цепочке своих рассуждений. Вывод напрашивался однозначный: девушка с катка или тщательно скрывает свой внутренний мир, или, что более

вероятно, сама о нем ничего не знает. А что нравится любому экспериментатору больше всего? Правильно, работа с трудным материалом.

Если постараться и дать возможность серенькой мышке осознать себя как яркую, неповторимую личность, во что может превратиться человек за короткое время? Подобный вопрос мог лишить сна кого угодно, но Динозавр и в эту ночь уснул с должным спокойствием и умиротворенностью. Потому что твердо решил с самого раннего утра заняться тотальным поиском зажатой в тисках воспитания девственницы. Правда, пришлось при этом довольно грубо и беспощадно затолкать в самые дальние закоулки сознания низменную мыслишку: «Ну вот, нашел достойный повод, как выпутаться из щекотливой ситуации. И гордость не пострадает: как же, не для секса вульгарного человека ищущу, для познания сути мироздания! И стыда никакого не будет: не удался эксперимент – ну так и ладно...»

Но ведь для того человек и совершенствуется, чтобы постоянно бороться с самим собой. Чтобы побеждать в себе тягу к плохим поступкам. Чтобы в зародыше давить низменное желание отыскать в любом подвиге нечто грязное или пессимистическое. Слава умным предкам, Дмитрий Светозаров умел бороться с проявлениями собственной слабости.

И с раннего утра он развернул бешеную деятельность весьма специфического направления. Вначале наладил добровольную службу наблюдения непосредственно на катке, а потом еще и начал массированный поиск по другим каналам. И, когда в частном агентстве его заверили, что девушку обязательно разыщут в течение недели, он впервые за три дня радостно вздохнул, щедро расплатился и отправился к выходу.

Поэтому трудно было передать словами то смятение и разочарование, когда, выйдя из лифта и проверив пропущенный звонок, он осознал, что по глупой случайности не смог минуту назад переговорить с Александрой. Как это ни банально, но звонка от девушки он ждал подспудно все эти дни. Даже убийственный повод для встречи придумал: «Мне надо срочно дать эскиз надписи и рисунка на могилку бабушке, и я в страшном затруднении. Не подсказешь, какой выбрать?»

По всем его расчетам, одинокая молоденькая девушка, имеющая единственного родственника, не имела морального права отказать. Да и строгое воспитание ей бы не позволило совершить подобное кощунство.

«Но, увы, поезд ушел, и теперь придется ждать целых двое суток до встречи. Какой кошмар! И чем заполнить такие долгие, – Дмитрий взглянул на свои «Карты» за двадцать тысяч евро, – сорок пять часов? Хм! Может, податься домой и кутнуть с соседом? Да нет, тот наверняка еще долго будет обижаться и сегодня вряд ли согласится. А вот опять наведаться в фонд – самое то. Там дел хватит на года. Только вначале... да, общий поиск следует отменить. Лишь за «Ксанаду» пусть послезавтра проследят и обязательно впоследствии подробно по биографии Александры все выяснят. Все-таки оперировать определенными данными во время эксперимента гораздо предпочтительнее, чем идти к успеху на ощупь. – Он представил, как ощупывает девушку с глупыми косичками, и еле сдержал радостный смех. Но тут же сам себя осадил: – Да там и щупать-то нечего!»

Приняв окончательное решение, Динозавр вернулся в сыскное агентство, сделал распоряжения, а потом помчался в офис благотворительного фонда. Дела закрутили его, придавили своим весом, тем не менее давно развитой в себе настороженности и наблюдательности Дмитрий Светозаров не потерял. Именно поэтому он несколько раз четко ощутил за собой слежку – и постарался всеми имеющимися у него средствами сделать как съемку общего плана, так и снимки наиболее подозрительных субъектов. Уже потом специальная программа постарается свести воедино все заснятые лица и сопоставить с имеющимися в памяти карточками. Достаточно будет только появиться одной ниточке, как, осторожно за нее потянув, опытный Торговец запросто доберется и до всего клубочка. Тем более что у него имеются такие возможности для этого, которые не снились всем разведкам Земли, вместе взятым.

На волне настороженности удалось обратить внимание на нечто «вне темы»: излишний интерес непонятных лиц к его общественной деятельности. Началось с того, что его коллега по фонду, старый и всеми уважаемый промышленник, поинтересовался:

– У тебя все в порядке? Нигде не нагрешил?

– Если и нагрешил, то только при полном непротивлении сторон, – отшутился молодой председатель фонда, но это собеседника не остановило.

– Опять начали все твои действия со средствами проверять. Да и не только со средствами. Я подумал, что это опять наши начинают очередные проверки, но нет, люди явно со стороны.

Дмитрий беззаботно отмахнулся:

– Пусть себе проверяют. Все мои действия на виду, скрывать мне нечего. Ничего не подлаешь, у людей разная работа бывает. Да и мне их деятельность совсем не мешает. Напротив, всегда приветствовал и буду приветствовать.

Разговор себя исчерпал, но при дальнейшей работе с компьютером удалось наткнуться на несколько запросов, по которым выходило, что заинтересованность деятельностью председателя фонда явно повысилась в последние дни многократно. Причем никаких логических объяснений надумать не удалось. Оставалось только ждать более конкретных действий и уже тогда узнать, почему и кто заинтересовался всеми теми делами, которыми лично довелось заниматься Дмитрию Петровичу Светозарову.

Да и не таким важным показались Динозавру очередные происки пока неизвестных деятелей. Гораздо более вдохновляло пробегающее в заботах время и то, что момент посещения катка становился все ближе. Ну а если вдруг и появлялись свободные минуты для раздумий во время дальней поездки, то самонадеянный экспериментатор употреблял его для выработки предстоящей стратегии и тактики развития отношений. Чего, вообще-то, он никогда прежде в жизни не делал. Любое свидание он проводил спонтанно, руководствуясь только интуицией и целеустремленным напором.

В этот раз все следовало сделать не просто осторожно, чтобы ненароком не вспугнуть девушку, но и со стопроцентной гарантией перехода отношений от фазы «просто знакомы» к фазе «любовники». Причем переход к постели следовало совершить как можно скорее: Дмитрий уже давно знал эту свою особенность: пообщался несколько раз с симпатичной женщиной, но не удалось заняться с ней сексом (ну там дела помешали или другая женщина) – и все! Больше к такой «неудачнице» ни духовного, ни физического влечения избалованный ловелас не испытывал. Именно этого и боялся Светозаров больше всего: одно-два свидания – и его интерес к Александре растает, словно дым под ветром. А ему, напротив, томительно хотелось не просто соблазнить девушку, но потом еще и продолжить с ней встречаться.

К сожалению, загнанная в дальний угол совесть не могла напомнить, что и с теми женщинами, с кем он хоть пару раз переспал, Дмитрий Петрович расставался не менее равнодушно. То есть здесь было бы вполне уместно восклицание: «Они сами не знают, чего хотят!»

Как бы то ни было, день первого свидания настал. И как себя Динозавр ни сдерживал, какие ни выдумывал отвлекающие занятия, все равно на катке он оказался раньше всех посетителей. Может, и хорошо, что так получилось, ибо начальные полчаса к нему стремился чуть ли не каждый сотрудник «Ксанаду» с сочувствующими вопросами по поводу розыска. Всем приходилось отвечать довольно односложно:

– Да, ваш коллега мне уже помог передать лекарство. Спасибо за беспокойство.

Понятно, что никто не пытался выяснить имя счастливирика, который получил щедрые чаевые, но и расспрашивать дальше пропал всякий смысл. С выражением досады на лицах служащие спешили по своим делам и только с завистью гадали, кто же из коллег умудрился получить обещанное вознаграждение. А когда некоторые из них опознали искомую девушку, вышедшую из раздевалки, то лишь покривились при ее виде.

Александра появилась через два часа после открытия катка – и была сразу засыпана едва ли не по колено ледовой стружкой, вздыбившейся от коньков резко затормозившего возле нее Дмитрия.

– Доброе утро! Правда, сегодня на улице жарко? Но из-за этого и контраст резче. Предлагаю проехаться пару кругов интенсивно, чтобы согреться. Саша, давайте руку, держимся крепче и... поехали!

Практически все время говорил Светозаров. Девушка отвечала односложно, чувствовалось ее немалое смущение. Хорошо еще, что он не задавал всяких глупых вопросов от «Как ты решилась на свидание?» до банального «Как я счастлив, что ты пришла!». То есть с этой стороны опыт истинного соблазнителя пригодился. С другой стороны, только от одного созерцания личика Александры ему хотелось рассмеяться от всей души. Видимо, впервые в жизни она решилась воспользоваться косметикой и сделала это так неудачно, что порой на нее другие посетители засматривались настолько, что сшибали друг друга с ног.

У Дмитрия даже мысль появилась заявить о непозволительности такого макияжа и без всяких затей настоять на его немедленном уничтожении. Но когда он глянул в ее огромные глаза, то снова совершенно растерялся. Он увидел там лишь безграничное доверие и желание хоть немножко понравиться. Если сейчас он посмеет ее обидеть, то на дальнейшем знакомстве можно будет поставить жирный крест. Поэтому вместо порицания в лавине интересных рассказов и удивительных историй последовало мимолетное поощрение:

– Ты сегодня еще симпатичнее выглядишь. Сама красоту наводила?

Ответ последовал после радостно-заполосенного вздоха:

– Ага, сама.

Ну и как было выкрутиться из подобного положения? Ничего, такой бравый парень что угодно придумает. Разогнав свою спутницу до приличной скорости, динозавр вдруг споткнулся о невидимую выбоину и умчавшаяся вперед напарница немного неуклюже упала. Оставалось только затормозить возле нее так, чтобы ледяная стружка щедро усыпала обезображенное макияжем лицо. Причем макияжем наверняка самым дешевым: все это потекло моментально.

Вот тут и пригодился огромный носовой платок, лежащий в кармане куртки. Пять минут успешно преодолеваемого сопротивления – и вот уже Александра осталась в своем натуральном виде, с ярко румянящимися от растирания щечками. Парочка продолжила катание, а Динозавр пустился в длительные рассуждения о том, что макияж необходим лишь женщинам старшего возраста. Тогда как молодым он вообще категорически противопоказан, вызывает преждевременные морщины, старит кожу, забивает поры и так далее, и тому подобное. И в подтверждение приводился свежий пример:

– Ты только взгляни на себя в зеркало! Ты же стала краше в пять раз! И я тебя просто умоляю, не вздумай отныне прятать свою истинную красоту под блеклыми искусственными красками, отходами химической промышленности. Ведь губная помада и тушь – это явный яд для губ и самой чувствительной кожи вокруг век и ресниц.

Подобными восклицаниями Дмитрий старался убедить девушку в неуместности макияжа. Та мило смущалась и благодарила за комплименты. Но самое невероятное, что он и в самом деле был ошарашен видимыми изменениями. Невзрачное личико серой мышки, словно по мановению волшебной палочки, вдруг превратилось в утонченный и изысканный образ очаровательной модели. Теперь Александра выглядела не то что в пять, а пожалуй, и в десять раз прекраснее, чем даже при первой встрече. Возникло даже подозрение, что при первом посещении катка у нее был-таки нанесен макияж, но чуть поменьше и не так в глаза бросался. Но нанесен он тоже очень неправильно. Из чего родилась одна хорошая идея.

– Саша, я вот тут распинаясь про вред губной помады и всего, что ей сопутствует, но ведь существуют и такие, состав которых содержит в себе только натуральные продукты. Вот бы их на тебе попробовать! А?

– Не знаю, – сразу насторожилась девушка. – Мне такие вещи даже видеть не доводилось. Только в рекламе.

– Ерунда какая, – фыркнул прожженный знаток косметики. – У меня есть знакомый визажист, который готовит артисток для съемок в кино, это кастинг называется. Так он такие чудеса из этой самой натуральной косметики вытворяет. Хочешь попробовать? А заодно и кастинг пройдешь. Уверен, тебя сразу на любую роль возьмут.

Никогда раньше такой прием не получал отказа. Да и какая женщина этого мира добровольно откажется от кастинга или возможности просто окунуться хоть раз в атмосферу кино-съемок. Да никакая! Тогда как Александра только сверкнула своими глазницами и безапелляционно заявила:

– Никогда не соглашусь!

– Э-э-э... почему?

– Мне бабушка рассказывала, что любая девушка только для начала артистической карьеры просто обязаны пройти через грязный секс со всеми подряд. Начиная от суфлеров и осветителей и кончая главным режиссером и автором сценария.

– Ну зачем же ты так грубо, – попытался вновь перехватить инициативу в разговоре Дмитрий. – Твоя бабушка явно начиталась желтой прессы. К тому же если девушка имеет влиятельных покровителей...

– Ага, – беспощадно перебила его уверенная в своей правоте девственница. – Тогда этим несчастным приходится заниматься развратом с теми самыми покровителями. И это мне известно не от бабушки или из газет, а из первых уст. Довелось беседовать с одной такой несчастной красавицей. Как она мечтала стать артисткой! Хотела нести в этот мир доброе и вечное! А взамен получила беременность неизвестно от кого, шрам на лице после пьяной драки и путевку в муниципальный госпиталь для одиноких матерей. Зато меня успела убедить: все начинается с первых кастингов. Или ты будешь?..

– Не буду! Тем более что я в этом деле полный профан, поэтому охотно поверю такому крупному знатоку нынешней киноиндустрии, как ты. – Кажется, возмущенная девушка не заметила издевки, высказанной со смиренной улыбкой. К тому же следовало переводить опасный разговор в другое русло. – Зато вот в некоторых прекрасных сторонах нашего бытия я разбираюсь – и готов тебе показать действительно некоторые чудеса. Ты любишь цветы?

Опять, казалось бы, на такой беспроблемный вопрос Александра ответила совсем не то, что от нее ожидалось:

– Не знаю, у нас дома растут только кактусы. Бабушка утверждает, что они тоже цветут очень красиво, только вот ни разу наблюдать такое чудо не доводилось. Может, потому, что у нас там мало света?

– Конечно! Для кактусов яркий солнечный свет просто необходим, – с радостным оптимизмом в голосе подтвердил Светозаров, хотя мысленно побоялся даже представить, в каком таком месте надо жить, чтобы кактусы не цвели годами. Да и вслух пришлось высказать логичную заинтересованность: – Уж не в подвале ли вы живете?

– Нет, что ты. Просто бабушке дали квартиру внутри подъезда и все наши окошки выходят в колодец внутреннего двора. Туда, где у остальных жильцов только кухни и кладовки. А как завесят бельем все веревки, так вообще становится темно, словно ночью.

«Ничего, скоро я буду о тебе знать все! Вот тогда и подготовлюсь как следует к любому обороту разговора. А пока...»

– Тогда тем более предлагаю тебе посетить самое прекрасное место нашего города: розарий и цветочную оранжерею. Это в здании старого железнодорожного вокзала. Там, только попадая в фойе, уже оказываешься в сказке умопомрачительных запахов. А когда начинаешь рассматривать цветы, от калейдоскопа ярких оттенков вообще можно зрение потерять. Отправляемся туда сразу после катка!

Последнее предложение прозвучало не в виде просьбы, а в виде утверждения. Что и заставило девушку настороженно задуматься. Хотя прозвучавшее согласие и выглядело немного странным:

– Но я не хочу терять зрение.

– По этому поводу можешь не переживать, – опять затараторил вздохнувший полной грудью Дмитрий. – Есть несколько вариантов на выбор, как не повредить нежный хрусталик глаза, пребывая в таком волшебном месте. Какой ты выберешь?

– Как я могу выбрать, если не знаю ни одного.

– В логике тебе не откажешь, – все больше веселился Светозаров от приподнятого настроения. – Значит, по годам тебе можно смело прибавить возраст, скажем, лет до двадцати четырех. Но я почему-то все равно уверен, что эти таинственные способы ты сама не угадаешь. Спорим? Вот попробуй!

Александра уставилась на него своими полными подозрения глазами, в которых мог тонуть кто угодно. Немного помялась и проговорила неуверенно:

– Ну... например, там выдают специальные очки со светофильтрами. Угадала?

– Пальцем в небо! – продолжал дурачиться разошедшийся ухажер. Причем то, что он пытается шутить, не вызывало ни малейшего сомнения. Поэтому девушка позволила и себе поощрительно улыбнуться:

– Ладно, давай сочиняй дальше.

– Сама сейчас увидишь, что все методы являются жизненными и имеют под собой самую реальную основу. Первый способ сохранения зрения: ты закрываешь глаза на все время визита и только слушаешь мои словесные описания того или иного цветка. Если мы при этом не упадем в заросли гигантских кактусов, то зрение останется неповрежденным.

– Так нечестно! – воскликнула Александра с нарастающим весельем. – Ведь подобными измышлениями можно договориться до того, что зрение сохранится и в том случае, если просто простоять в фойе древнего здания и элементарно просмотреть там видео в черно-белом изображении.

Дмитрий от восторга закатил зрачки глаз вверх и захлопал в ладоши:

– Феноменально! Мадмуазель, вы меня сразу победили одним выверенным и точным ударом. Такого способа даже моя буйная фантазия придумать была не в силах.

– Да? Ну если так, то могу еще подбросить несколько подобных инсинуаций! – воскликнула еще больше порозовевшая девушка.

– Я весь – внимание, мадмуазель! – Динозавр как бы сдерживал непонятный трепет во всем теле. Первое свидание удалось и протекало пусть и не по заранее составленному сценарию, но с крепнущей надеждой на окончательный успех.

Глава 12

Устрашение врагов

Устранение правящего короля Опалов прошло буднично и по-деловому. Словно дружная пара только подобным и занималась в последние годы. Памятуя о безопасности, сразу после прибытия тщательно обыскали верхушку скалы и успели закончить подготовку как раз к моменту появления из леса передовых колонн вражеского войска. Их главнокомандующий и в самом деле поднял своих подданных ни свет ни заря и, как потом выяснилось, сделал это на радостях – после доклада разведчиков. Те перед самым рассветом принесли приятную новость о неожиданном отступлении ледовых берсерков. Подробностей и причин такого поспешного отказа от агрессии никто не знал, но и проснувшийся король от такого факта не насторожился. Скорее самонадеянно подумал, что конкуренты испугались именно его войска. Поэтому выскочил из своего шатра и заорал на весь спящий лагерь:

– Нам больше достанется! Подъем!

И вот теперь армия западного соседа походным строем интенсивно спешила к столице королевства Ягонов. Одинокую фигуру на ярко освещенной солнцем верхушке скалы заметили сразу. Передовой отряд кавалерии окружил неприступное место, опознал личность местного монарха и даже попробовал пострелять из арбалетов по расслабленно сидящей на камне мишени. Да только с самого низу достичь попадания мешали нависающие скалы, а с дальнего расстояния болты еле-еле долетали до вершины. Когда со скалой поравнялись и фургоны с командованием армии, предводитель уже знал, кто его встречает. Отдал приказ об остановке и соблюдении тишины и с помощью конусообразного рупора принялся язвительно выкрикивать:

– Племянничек, дорогой! Спасибо тебе за личную встречу, хотя, право, не стоило так беспокоиться. Но раз уж решил меня порадовать, то давай прыгай вниз, прямо в мои горячие объятия!

И вульгарно расхохотался, словно давая разрешение для этого и своим подданным. Те отреагировали гораздо сдержаннее. Не успел еще смех стихнуть, как со всей мощностью оглушающих децибел на колонну обрушился ответный хохот Бонзая Пятого. От такого громкого голоса пешие воины непроизвольно присели, а половина коней встала на дыбы. Некоторые животные с диким ржанием понесли, сбрасывая своих всадников или переворачивая фургоны с провиантом и оружием. Отсмеявшись, король Ягонов хрипло прокашлялся и перешел на протокольный тон:

– Жители Опалов! Сегодня на рассвете на трон вашего королевства взошел потомок династии Льеров, мудрый и справедливый король Марио. Да здравствует король! – Не дожидаясь ответной реакции на свои слова со стороны ошарашенных агрессоров, местный монарх продолжил: – Между мной и вашим венценосным правителем заключен договор, в котором Марио попросил меня не уничтожать его верных генералов и достойных офицеров, которые просто вынуждены были отправиться в этот поход, подчиняясь приказам. По другому пункту договора мне дано право казнить самого главного агрессора, нарушителя мирного спокойствия между нашими государствами, прямо здесь. Да будет так!

И под грохот разносящегося по окрестностям последнего слова неведомая сила разорвала голову Барбо Ягона на кровавые ошметки. Все, кто не был отвлечен успокаиванием лошадей и видел этот момент, окаменели на месте. В том числе и все высшие командиры из штабного окружения казненного. А громовой голос после небольшой паузы продолжил:

– Казни подлежит и ближайший советник, духовный пастырь казненного Барбо. Да будет так!

Второй приговоренный стоял несколько неудобно для прямого попадания, но когда ему оторвало правую руку вместе с плечом, то дергающееся в конвульсиях тело смело можно было квалифицировать как почти готового покойника. Теперь уже всех генералов и сопровождающую знать проняло до самых печенок. Кто-то рухнул на колени первым, а за ним последовали и все остальные. После этого громовой голос стал почти терпимым и участливым:

– Всех остальных своих подданных король Марио Льер признал невиновными и ждет с распростертыми объятиями в столице Опалов. Поэтому возвращайтесь немедленно, чтобы успеть на празднества коронации. Счастливого пути! – Бонзай Пятый поднял руку для прощания, но тут же с оглушающей строгостью добавил последние наущения: – И не вздумайте сжечь еще хоть одну избушку на моей территории! Или сломать хоть одно дерево! Вашему народу и так придется отрабатывать немалую контрибуцию за нанесенный Ягонам ущерб. Кстати, казненных преступников закопайте возле вон той рощицы.

После этого он опять уселся на камень и некоторое время смотрел, как вскочившие на ноги генералы принялись разворачивать войско. К их чести, они не стали делать громоздкие перестроения, а просто повернули весь строй по команде «кругом!», и после поправки обмундирования и более громоздкого разворота повозок и фургонов вдоль всей колонны пронеслась команда «марш!». Через час на коней вскочила и похоронная команда и устремилась по опустевшему тракту за своими товарищами. А возле маленькой группки деревьев остались чернеть две совсем крохотные, если смотреть издали, могилки.

Лежащий в удобной трещине стрелок выбрался со своей отлично оборудованной позиции и уселся рядом с товарищем, который, глядя на могилки, молчаливо раздумывал над судьбой своего кровожадного дядюшки. Посмотрел туда и Дин, после чего философски изрек:

– Вот так бы и заканчивались все агрессивные нападения.

– Туда ему и дорога! – оживился Бонзай. – Ну, что теперь? Проведаем Марио?

– Ха-ха! Мне кажется, тебе не терпится не столько с новым союзником пообщаться, сколько с... остальным семейством пирожками позавтракать. Признавайся!

– Тоже не откажусь. Но, – молодой король напустил на себя важность и озабоченность, – составление нового договора – дело наипервейшей важности.

Действительно, в столице королевства Опалов оказалось не до пирожков. Да и семейство нового самодержца пока еще находилось в пути. Марио Льер чуть ли не каждые полчаса выходил на балкон дворца и выступал перед бурлящими толпами народа. Когда шафик кратко пересказал историю казни Барбо, эта новость тоже была оглашена народу и вызвала наиболее громогласный рев. После пламенных речей Марио Льер возвращался в тронный зал, где его со всех сторон окружали многочисленные посыльные и курьеры. В невообразимом гаме и столпотворении на каждую срочную депешу монарху и только что назначенному канцлером графу Дьярти требовалось дать не менее срочный ответ. Так что желанные гости и истинные спасители возрожденного королевства Опалов оказались не у дел. Ни о каком договоре в такой напряженной обстановке не могло быть и речи. Поэтому оба друга просто удостоверились, что процесс стал необратимым и все проходит под полным контролем Льера и его сторонников, кратко посоветовались – и отправились по другим своим неотложным делам. Тем более, что огромное войско Визенской империи уже практически закончило подготовительные сборы и стало выдвигаться первыми колоннами в сторону Ягонов.

Сразу после возвращения в Вельгу проверили выполнение прежних распоряжений, раздали новые и отправились осмотреть работы, ведущиеся на котловане будущей башни шафика. Могло показаться, что бегущий им навстречу прораб только и ждал этого визита:

– Ваше величество, верхний слой грунта почти весь снят, и во многих местах мы добрались до пород с высоким содержанием железной руды.

– Ну вот, мои предположения полностью подтвердились, – с удовлетворением констатировал Динозавр. – Вряд ли эта руда имеет высокое производственное значение, поэтому про-

должайте работать в прежнем ключе. Вот только людей из котлована убирайте как можно быстрее при малейшей опасности грозы.

– Понятно, господин шафик, – кивнул прораб и продолжил с прежней тревогой: – Но дело в том, что не все так просто с дальнейшей выемкой породы. Во-первых, она, по оценкам наших кузнецов, очень даже рентабельна для выплавки чугуна и стали. А во-вторых, вся поверхность железонесущих руд напоминает собой намертво спекшуюся корку, и мы до сих пор не смогли прорубиться в одном месте более чем на один метр в глубину.

Приблизились к тому самому месту, где с помощью кирок десятков часто сменяемых молотобойцев пытался прорваться на глубину. После тщательного осмотра прораб уставился прямо в рот шафику, словно оттуда сейчас вырвется разгадка таких странностей. И Торговец оправдал надежды, с помощью куска кожи давая объяснения:

– Вам знакомы тектонические подвижки земной коры? В общих чертах? Ну да, понятно... Так вот, это выглядит примерно так: две платформы сжимаются и выдавливают между собой порой очень высокие горы. Иногда – более простые вздутия в виде холмов. Происходит это очень долго: десятки, а то и сотни тысяч лет. В данном месте когда-то и произошло такое выдавливание. Дожди смыли грунт с верхушки, а частые грозы облюбовали это место для метания в него молниями. Неизмеримые силы электричества вонзались в породу с такой частотой, что получилось нечто наподобие гигантского горна. Железные соединения оплавившись и срослись между собой. Вот и получилась непреодолимая преграда для орудий труда вашего технического уровня. Со временем платформы опять немного раздались в стороны, и железная гора просела на свое место. Еще и грунтом вновь обросла. Но это не значит, что ради прибыли в кузнечном деле теперь придется изуродовать всю столицу открытым карьером. Уверен, здесь пролегает целая цепь подобных холмов – и вскоре мы обязательно отыщем аналогичные залежи руды.

Бонзай Пятый только порадовался такому объяснению, тогда как прораб больше беспокоился по поводу увеличившегося объема работ:

– На какую глубину может простираться эта оплавленная корка?

– Сами прикиньте. Если в течение сотни тысяч лет сюда постоянно стекались молнии со всей округи, то... – Дин пошевелил неопределенно пальцами, так как и сам не знал даже приблизительно предполагаемую глубину оплавленного слоя. – Полтора, два, а может, и все три метра. Как бы там ни было, но глубины в двенадцать метров, необходимых для котлована, все равно придется достичь. Советую для ускорения проходки привлечь к работам всех мастеров кузнечного и плавильного дела. Они с подобными трудностями справятся намного профессиональнее. И расплачивайтесь с ними добытой рудой. Надеюсь, после этого процесс пойдет намного быстрее. Да и казна пополняться будет.

– Хорошо бы! – обрадовался монарх. – Правда, денег и так ни у кого в городе не осталось, но для начала пусть берут руду в долг, кто сколько пожелает. И расплачиваться потом могут сразу готовыми изделиями.

– Понял, организую, – отчеканил прораб и, испросив монаршего разрешения, умчался выполнять новые поручения.

А шафик с королем вернулись во дворец, наскоро подкрепились и отправились искать подходящее место для наблюдения в далекой столице Визенской империи. Таковое, по мнению Торговца, нашлось в верхней комнатке самой высокой угловой башенки. Туда вела только одна лестница, завершавшаяся люком, и именно это стало решающим для окончательного выбора. Свои рассуждения по этому вопросу Дин тоже не стал скрывать:

– На люке мы устроимся на стульях. Через окна сюда тоже никто не проберется, они закрыты мощными ставнями изнутри. Следовательно, нам никто не сможет угрожать в момент подглядывания. Ты себе не представляешь, насколько мы беззащитны в такое время: предательский удар со стороны – и мы трупы.

– Почему же мы в прошлый раз...

– Там мы находились на необитаемом острове. И на долгое время не отлучались. Тогда как здесь лучше перестраховаться. Сдвигай стулья.

– Слушай, у меня тут одна идея мелькнула, – зачастил словами король, придвигая свой стул и усаживаясь боком к товарищу. – Зачем мы всем телом присутствуем на месте казни наших врагов? Может быть, лучше тебе взять свой пистолет, наклониться вперед – да всадить в черепушку этого Константина Сигизмундовича несколько пулек? Как ты сам иногда говоришь: дешево и сердито!

Его товарищ разочарованно цыкнул губами:

– Не все так просто, Бон, как кажется на первый взгляд. Даже я до сих пор не изучил все свойства этого волшебного наблюдения. Подглядывая, в переходной карман я могу протиснуть только голову и верхнюю часть плеч. Ни единого миллиметра больше. В том числе и руку просунуть не получается, я пробовал неоднократно.

– Жаль...

– Зато можно что-то другое! – воскликнул Дин. – И тоже мне несколько раз пригодилось. – Он достал парочку тюбиков из кармана. – Вот, это краска, которой пользуются индейцы-охотники в моем мире. Да и бойцы специальных диверсионных подразделений. Мы себя сейчас постараемся разрисовать по самому пугающему образцу. Так что если нас и заметит кто, то по его реакции мы сразу обратим на это внимание.

Вначале Торговец разрисовал короля, потом, при помощи зеркальца, и свое лицо.

Получилось действительно впечатляюще, Бонзай не мог скрыть удивления:

– В самом деле, при неожиданной встрече испуг гарантирован. Да и во сне такое привидится – можно и не проснуться.

– Хорошо, соединяем руки. И не забывай следить за тем, как я жму пальцами.

– Но как мы попадаем в нужное место? – спросил Бонзай, прижимая свою правую ладонь к груди шафика. Но тот уже входил в транс переноса и только буркнул:

– Долго рассказывать, как-нибудь позже...

Стало понятно и без объяснений, что кто-то должен добраться на место первым, хотя скорее всего и использует для этого спаренные силы закольцованных в единую систему организмов. И через пять минут синхронизация состоялась, а на десятой минуте послышался осторожный шепот:

– Наклоняйся, только очень медленно...

В следующий миг дыхание у обоих подглядывающих сперло от запаха горящего воска и сжигаемых благовоний. Ну а что еще собирается в самом верху большого помещения, которое только и освещается, что многочисленными свечами, да густо уставлено маленькими треножниками с углями? А на приподнятых решетках этих треножников тлеют самые разнообразные высушенные травы. Вначале хотелось закашляться, но потом легкие слегка приспособились к душной атмосфере, а глаза и уши с интересом принялись вникать в ведущийся внизу спор, который не прекратился даже во время легкого громохання под потолком. Довольно симпатичная дама, невзирая на свои крупные габариты, нервно расхаживала между далеко отстоящими друг от друга креслами и ругалась:

– ...будет продолжаться? Моему терпению приходит конец, и я уже давно перестала верить в их лживые обещания! Пора и тебе перестать верить!

Из дальнего кресла отозвался визенский император, портреты которого имелись во всех соседних государствах:

– Ох, да я им тоже давно не верю...

– Так почему же ты продолжаешь перед ними пресмыкаться?! – воскликнула женщина в гневе, останавливаясь перед стариком. – Или ты превратился в полностью лишенную воли марионетку?

– Замолкни, Лидия! – вскочил на ноги Константин Сигизмундович. – И не смей мне дерзить! А не то...

– Что? Что ты мне сделаешь? – зашипела женщина, приближаясь и своим немаленьким ростом, более чем на полголовы превышающим рост мужчины, нависая над ним. – Прикажешь меня казнить за дерзости? Или вообще решишь принести в жертву? Вот уж они обрадуются!

– Лидия, прекрати меня терзать... – простонал старик, падая обратно в кресло и хватаясь за сердце. – Смерти моей желаешь?

– Нет, желаю, чтобы ты вспомнил о своем императорском титуле и навел порядок в собственной империи! Вспомни о матери: ведь она не цацкалась с этими ничтожными вырожденками, они у нее строем ходили и боялись криво глянуть в вашу сторону. Зато после смерти матери они за двадцать лет сумели полностью перехватить у тебя всю власть. Позор! Мать наверняка от стыда за тебя в гробу переворачивается.

– Не знаю, как твоей матери удавалось ими управлять, – погрузился от воспоминаний император. – И мне кажется, она просто не успела перед смертью раскрыть мне главную тайну создания этой церкви.

– О! Ну, сколько можно мусолить одно и то же о какой-то тайне?! – Женщина опять заходила размашистыми шагами по залу. – Вернись в реальный мир, отбрось эфемерную мистику и займись делом. Или ты хочешь все свои дела опять свалить на женские плечи? А ведь мы можем и взяться, правда?

На этот раз она замерла перед другим креслом, в котором сидела всемирно известная своей уродливостью внучка императора. Почти лысая, неправильной формы голова, далеко выдвинутая вперед нижняя челюсть и почти полное отсутствие губ действительно делали ее похожей на больную, неправильно развившуюся обезьянку. Сказать, что принцесса прекрасна, осмелился бы только совершенно слепой, руководствуясь слухом. Потому что ее ангельский голосок напоминал журчание ручейка среди полуденного пустынного зноя:

– Мама, ты ведь прекрасно понимаешь, что это невозможно. Нас и так уже практически оградили от всех рычагов власти, и самое ценное – время для ответной атаки – уже упущено. Вот если бы я успела вмешаться лет пять назад...

– Что уж теперь уже говорить... – Женщина покаянно упустила голову. – Тут я тоже виновата. Если не больше всех... Но что теперь делать? Если бы мне удалось, то я готова ценой собственной жизни уничтожить хоть нескольких самых главных из этих кровопийц.

– В том-то и дело, что нас они к себе даже и близко не подпускают. – Очаровательный голосок совсем не соответствовал слышимой в нем вселенской грусти. – Теперь им со страхом подчиняются все исполнительные и судебные структуры империи. С минуты на минуту я жду страшного сообщения, что и дворцовая гвардия изменила своей присяге и вместе с последним преданным полком приняла кровавое участие у архиепископов Визенской церкви.

Повисла мрачная пауза, которая прервалась стуком в дверь. И как стук ни был просителен и осторожен, все три члена императорской семьи непроизвольно вздрогнули, словно им в самом деле предстояло узнать нечто для себя смертельное. Только когда после разрешения в зал вошел размашистыми шагами один из приближенных, раздалось три облегченных выдоха: маркиз Лишейн пока еще не давал ни малейшего повода для сомнений в своей лояльности. Статный красавец, достигший в свои двадцать шесть лет славы одного из наилучших фехтовальщиков империи, сейчас был бледен, как никогда. Приблизившись к императору, он склонился в приветствии и только после разрешающего кивка приступил к докладу:

– Ваше императорское величество, новости неутешительные. Только что закончился тот фарс, который громкозвучно называют судом, и участь барона Граните решена. Его приговорили к казни. А всех его слуг и родственников – к пожизненной каторге.

От такого страшного известия женщины в похожем жесте схватились за щеки, не в силах даже вздохнуть, а сам Константин Сигизмундович глухо застонал. Единственная их тайная

надежда на спасение решительного и смелого человека растаяла, как снежинка под ударом огненного сгустка кипящей лавы. Еще недавно барон Граните попытался собрать под свои знамена всех недовольных существующим положением и начать войну с церковью. Причем действовать он начал с тайного согласия императора, хотя официально об этом не заявлял. Но не успел барон даже начать самую борьбу, как был предан, схвачен, доставлен в столицу – и вот, скоростным судом приговорен к казни.

Но и это было еще не все. Трясущимися губами маркиз Лишейн продолжил:

– Ровно в полночь барона собираются казнить на жертвеннике центрального собора. Как сказали: для обеспечения победоносного наступления на королевство Ягонов. Из городской цитадели его отправят под удесятеренным конвоем за полчаса до жертвоприношения.

Император после этого сообщения икнул от страха и забормотал словно сумасшедший:

– Кто... Разве я не мог... Но ведь такое невыносимо! Граните принадлежит к древнему аристократическому роду! Они не посмеют... А-а-а... Где... Почему я еще не умер?..

Тогда как дочь императора отреагировал совсем иначе:

– Будьте вы прокляты, моральные уроды! – Женщина в отчаянии воздела руки к потолку: – Почему, почему нет справедливости в этом мире?!

Чисто машинально она несколько раз сморгнула, изгоняя из глазных впадин обильные слезы, рассмотрела на своде между лепнинами два внимательно наблюдающих за происходящим внизу лица – и со стоном непритворного ужаса рухнула в беспмятстве на ковер. Уродливая внучка императора бросилась, прихрамывая, к матери и, опустившись возле нее на колени, запричитала:

– Мама! Мамочка! Что с тобой? Очнись, родная, чего ты так испугалась?

Дальше Бонзай Пятый осознал, что его буквально атакует чужой палец, надавливая на сердце со всей интенсивностью, и подался резко назад. Некоторое время оба товарища интенсивно дышали, глядя прямо в глаза друг другу и восстанавливая равновесие. Дин оказался более тренированным.

– Да что ж это, твое величество, такое странное у соседей происходит? Чем ты занимаешься и что творит твоя разведка? Тут война скоро грянет, войска в путь тронулись, а их император сидит во дворце и от страха трясется! Не ты ли мне уши прожужжал, что этого старикашку надо замочить из пистолетика? Да еще и с контрольными выстрелами?

– Да я почему знал? – стал огрызаться молодой король. – Это ведь ты уже там бывал и на принцессу любовался! Мог бы заодно и делом заняться. Сейчас бы ко мне претензий меньше было. Что ты там высмотрел в первый раз?

Шафик немного смутился:

– Ну... Я там заглянул в пару мест. На приеме чуток бестолковые речи послушал, несколько анекдотов в кулуарах про принцессу, а потом и на нее решил взглянуть. Она как раз в баню собиралась идти со служанками. Но как только она раздеваться начала, так я сразу и сбежал. Не хватало мне еще импотентом стать.

– Это ты зря, поговаривают, что внучка Константина телом очень даже ничего, невзирая на хромоту. А уж про голос вообще не говорю, хоть и в первый раз слышал.

– Да, мне он тоже понравился. Но что же там такое творится? Неужели никаких данных после твоего отца и брата не осталось? По твоим рассказам, они разведку и сбор информации вели постоянно.

Теперь сконфузился Бонзай:

– Ты знаешь, мне все эти недели не до того было, чтобы их архивы пересматривать. Сам видишь: выпасться некогда.

– Но сами архивы хотя бы целы?

– Обижаешь! Мой батюшка такие комнаты в образцовом порядке содержал. Меня, правда, туда не пускали...

– Вот, наверное, потому там и порядок был, иначе...

– Ладно, поспешим и почитаем. А то ведь мне и в самом деле было наплевать, кто там есть и чем командует. Только и знал, что представителей Визенской церкви нельзя даже в королевство пускать и что они жертвоприношениями живых людей прямо на алтаре занимаются.

– Стой! Давай вначале личики наши вытрем. Не то ты подданных сейчас недосчитаешься.

– Ох! – опомнился монарх, поспешно поливая из фляги с питьевой водой на носовой платок. – Вот бы нас угораздило...

– Какое же они имеют право церковью называться? – уже спускаясь по лестнице, поразился Дин. – Это ведь натуральные сатанисты-идолопоклонники.

– Не знаю, как у вас, но у нас они себя церковниками кличут.

Архивы оказались запечатанными еще со дня гибели прежнего короля и его первого наследника. Порядок и чистота поражали. Все стеллажи были пронумерованы, картотека составлена, да и дела были расположены ровненько, в алфавитном порядке. С первого взгляда становилось понятно, почему соседи побаивались отца Бонзая и его старшего брата: у таких людей всегда в кармане оставалось предостаточно козырей для бескровного выхода из самой затруднительной игры.

Нашелся и человек, заведующий архивами, который из патриотических побуждений не бросил Вельгу на произвол многочисленных агрессоров. С его помощью друзья вскоре имели для своего изучения шесть довольно вместительных папок с подробными материалами и со всей настойчивостью приступили к изучению новых данных.

Как оказалось, сорок лет назад тогдашняя молодая супруга только что взошедшего на трон империи Константина Сигизмундовича вознамерилась по каким-то своим соображениям создать новую церковь. Муж ей в этом не перечил, мол, чем бы ни тешилась, лишь бы в дела империи не лезла. Двадцать лет вроде бы все было внешне тихо и пристойно, патронесса новой церкви держала ее под своим жестким контролем, зато после ее неожиданной для всех и немного странной смерти церковники словно взбеленились. За несколько лет они умудрились захватить всю светскую власть в государстве, а потом продолжили методично привлекать под свое крылышко высшие армейские чины и самых родовитых дворян. А лет десять назад вообще стали открыто проводить жертвоприношения в своих храмах. Утверждая, что делают это с самого первого дня своего возникновения и при полном разрешении почившей в бозе императрицы.

Загадочной и не до конца выясненной позицией оставалось и отношение ко всему этому самого императора. Имея к тому времени от единственной дочери единственную внучку, он, по всем признакам, почти самоустранился от власти. При этом доходили слухи, что сделал это под воздействием порчи, наведенной церковью, в результате которой и превратилась очаровательная девочка в жуткую уродину, напоминающую обезьянку. Скорее всего, кровавые архиепископы угрожали совершить нечто подобное и в отношении единственной дочери, так что деятельный некогда Константин Сигизмундович превратился в жестокого и злобного тирана. Потому что именно от его имени теперь совершались аресты, вершились все суды и проводились показательные казни. Ну и жертвы... Наиболее рьяных противников начавшейся вакханалии казнили прямо на алтаре центрального собора.

Выяснилось и несколько второстепенных деталей: маркиз Лишейн и барон Граните принадлежали к самым ярким сторонникам императорской фамилии. Во всяком случае, из тех дворянских родов, что остались в живых. Саму внучку императора по имени Лагуна, оказывается, неоднократно пытались лечить и поговаривали, что не совсем безрезультатно. На какое-то время голова девочки начинала преобразовываться в нормальный лик, но потом обязательно следовало резкое ухудшение и возврат к прежнему уродству.

Как ни странно, во всех остальных листках выводов и донесений так ничего и не удалось найти по разгадке самой сути визенской религии. Только один факт: что вся главенствующая верхушка обязательно собирается в главном соборе во время священных жертвоприношений. И эта деталь вновь ввела товарищей в ожесточенный спор, темой которого стал поиск того средства или метода, после применения которого удалось бы уничтожить этих выроdkов рода человеческого.

Но сколько ни сыпалось предложений с обеих сторон, все они упирались в непреодолимые трудности. Даже установленное где-нибудь перед центральным входом скорострельное ружье в лучшем случае уничтожит пяток, ну десяток священников в окровавленных рясах. Остальные просто разбегутся по всему городу и вновь продолжат творить безобразия с еще большей злобой.

Дошло до того, что поздним вечером Бонзай Пятый в отчаянии вновь вернулся к схеме подглядывания и предложил:

– Дин, может, ты бы смог взять свой пистолет в зубы и пострелять тех шакалов с большей точностью? А потом еще раз, и еще...

Торговец хотел было огорченно отбросить и эту версию, как вдруг замер и надолго задумался. А потом резко вскочил и запрыгал от возбуждения:

– Ура! Придумал!

– Как стрелять зубами?

– Зачем стрелять? Это нонсенс! И все же зубы мне очень помогут. Но отнюдь не в стрельбе. – Дин показал свои белоснежные зубы, гордость любого дантиста. – Думаю, они выдержат.

Бонзай слегка отстранился:

– Уж не вздумал ли ты этим выроdkам перегрызть горло, каждому по отдельности?

– Не хватало мне только заразиться! Короче, ты двигай наверх в башенку и готовься меня встречать. Заодно всех предупреди, чтобы не обращали внимания на повторный грохот и сотрясения. Думаю, два раза ради такого экстренного случая твой замок выдержит и не развалится. Я вернусь прямо в башенку через час, так что вполне успеем спасти того отчаянного барона Граните.

– Однако...

Но не успел молодой король высказать свои опасения, как Динозавр уже исчез – прямо из помещения архивов. Лучше бы он это не делал! Все внушительное здание затряслось как припадочное, а мечущийся по замковым коридорам грохот повалил на пол всех слуг и доблестную рыцарскую охрану. Половина стекол оказалась выбитой, треть хрустальных люстр со свечами рухнула вниз, да и добрая четверть чайных и столовых сервизов рассыпалась в мелкие черепки. Чего стоило Бонзаю Пятому восстановить спокойствие и навести порядок, знали лишь седые волосы, впервые появившиеся в его шевелюре после этого случая. А ведь еще пришлось сказать переполошенным подданным, что повторное возвращение шафика к нему в гости тоже состоится с подобными жутковатыми пертурбациями. Как они его послушались и добровольно покинули замок, он потом еще долго удивлялся. Удивлялся и тому, что сам бесстрашно взобрался в потрескавшуюся от предыдущего сотрясения башенку, задраил под ногами люк и со смиренным вздохом принялся ждать друга. Динозавр появился с не меньшим, а, как многим показалось, с еще большим грохотом и сотрясением. Но зато в руке он победно держал нечто вроде маленького баула с кожаной ручкой и радостно восклицал:

– Ну, теперь мы этих сатанинских идолопоклонников по стенам размажем! Готов?

Здание еще покачивалось, а отголоски грома только начинали затихать над столицей, поэтому самодержцу только и оставалось, как шепотом согласиться:

– Если сейчас не провалимся вниз... тогда готов...

Глава 13

Дин добивается успеха

Гость засиделся допоздна. Причем ни сама Александра, ни ее бабушка Катаржина не спешили спровадить интересного, обаятельного и веселого собеседника. Обeim было не просто приятно его присутствие, но и время убегало настолько незаметно, что хозяйки спохватились лишь после одиннадцати вечера. Бойко и молодо смотрящаяся в свои семьдесят пять лет пожилая женщина наверняка бы обиделась, если бы кто-то посмел ее обозвать старушкой. Да и строгость в ее тоне и поведении сразу предостерегали любого собеседника от непослушания. Поэтому когда семидесятипятилетняя пани всплеснула ладошками и воскликнула: «Саша! Тебе ведь завтра рано на работу вставать!» – Дмитрий сразу понял: спорить и продолжать беседу бесполезно. Тем более что нужные номера телефонов уже были записаны, примерные планы на завтра определены, а знакомство окончательно переросло как минимум в крепкие дружеские отношения. День в этом отношении прошел очень насыщенно и плодотворно. Оставалось только радушным прощанием оставить о себе самые добрые впечатления. По крайней мере, у бабушки, потому что Александра и так сидела довольная и счастливая, а ее огромные глаза от полученных за сегодня впечатлений почти не закрывались.

В маленьком тесном коридорчике Светозаров вначале светски поцеловал ручку девушке, пообещав при этом: «Завтра обязательно тебе позвоню!» – а потом обернулся к бабушке:

– Пани Катаржина, очень рад, что удалось с вами познакомиться. И огромное спасибо за угощения.

– Да что вы, Димочка, – решила напомнить старушка. – Это ведь вы с тортом пришли!

– В хорошей компании и сухарики вкуснейшими кажутся.

– Вот именно! Благодаря вам у нас получился замечательный вечер, спасибо большое! – растрогалась хозяйка. Но в следующий момент поразилась еще больше, потому что гость на чистейшем польском языке ответил:

– Цала пшыемношть по моей стране!

За весь вечер говорили о чем угодно, но только не о том периоде, когда Динозавр с семьей жил в Лодзи, и теперь добавочное положительное качество заставило старую польку пустить слезу умиления:

– Как приятно, прямо удивлена вашими знаниями, Димочка, – забормотала она на польском. – Но где вы так научились прекрасно говорить?

– Обязательно расскажу в следующий раз. Или вы согласны продолжить чаепитие?

Похоже, обе женщины были не против, но внутренняя дисциплина заставила их лишь вздохнуть в ответ на такое предложение. Бабушка решительно поджала губы:

– Действительно уже поздно. Но в следующий раз я обязательно напеку чего-нибудь вкусенького. Только пусть Саша заранее меня предупреждает.

– Все и так получилось замечательно, пани Катаржина!

– Всего вам доброго, до свидания!

Плотно закрыв после ухода гостя дверь, старая полька еще некоторое время прислушивалась к удаляющемуся по внутреннему коридору подъезда звуку шагов и только потом повернулась к настороженной девушке:

– Ушел... Идем на кухню, перекурим это дело, а то невольно уже терпеть.

Несмотря на строгий запрет врачей, пожилая женщина так и не могла избавиться от укоренившейся привычки своей тяжелой молодости. Хотя и старалась делать это как можно реже. А тут еще вдобавок и по работе возможность подымить исключалась: Александра после тщательного изучения объекта и всех его склонностей категорически запретила курить как себе, так и своей подставной бабушке. Ибо, по наблюдениям, Светозаров никогда не целовался

с курящими женщинами. Не говоря уже о присутствии табачной вони в совместной постели. Следовательно, в их маленькой квартирке исключался даже малейший запах дыма, что нервировало старушку больше всего. Но уж сейчас выкурить сигаретку перед сном она вознамерилась при любых обстоятельствах. Да и Шурка соскучилась по сигаретному дымку.

Обе уселись за кухонным столом, возле открытого окна, выходящего во внутренний колодец двора, дружно закурили и приглушенными голосами приступили к обсуждению предпринятых за день действий. Хотя начала Катаржина с самого главного:

– Ну и как твое мнение: влип парень?

Александра ответила не сразу, из чего стало понятно, что сомнения ее терзают немалые:

– Вроде как влип, и очень основательно, но... Слишком он дерганый, особенно когда на мою грудь поглядывает.

– Зачем тогда тонкую футболку на голое тело надела? Соски так и торчат.

– Вот именно поэтому, чтобы его кобелиную сущность проверить. И мне кажется, она в нем начинает преобладать над родственными и ностальгическими воспоминаниями. Чисто платонические чувства у него начинают вянуть. Этот самец вскоре перестанет думать головой, а будет все рассматривать только через призму своего либидо. Так что придется форсировать некоторые события.

– Будешь ему отдаваться?

Подобный вопрос, заданный внучке любящей бабушкой, мог бы показаться верхом цинизма. Но женщины были на ответственной работе, где многие моральные стереотипы полностью нивелируются.

– Придется. Хотя вначале я планировала потянуть несколько дней.

– Шура, может, не стоит так спешить? Мне показалось, что он загорелся и будет хотеть только тебя.

– Да нет, ба. – Александра сделала особенно глубокую затяжку и стала рассуждать: – Такой ненасытный в сексуальном плане мужчина не может без женской ласки и дня. Привык за долгие годы к излишествам и считает их простой обыденностью. И скорее всего, даже измена любимой жене для него будет считаться вполне естественным и оправданным поступком. А в данный момент он и так на несколько дней выпал из нормального режима, и теперь ему сперма на мозги давит, как в перегретом паровом котле. По большому счету я даже очень боюсь, что он прямо от нас подается к каким-нибудь девицам, чтобы успокоить страдания своего тела. А это может разрушить все мои планы.

– Ну, если он так привык, то пусть себе сбросит пар на стороне. При чем здесь ваши отношения? Вряд ли он тебя при этом забудет. – Катаржина пригасила окурки и сразу прикурила от зажигалки вторую сигарету, добавив с явным превосходством: – Уж поверь моему опыту.

– Ха! А у тебя, бабушка, были такие парни? – прищурилась ехидно девушка.

– Да нет... если честно, таких не попадалось. – Старушка тоже умела говорить с сарказмом: – А у тебя таких сотня была?

– Откровенно говоря, первый. И четкого осмысления всех моих действий вроде не наблюдаю. Просто предчувствие где-то в душе: мол, надо сделать тот или иной шаг. Именно такой, а не другой. Вариантов выбора нет никаких. В данном случае я чувствую, что если Светозаров сорвется на другие тела, то это может нас разлучить навсегда. Поэтому я просто обязана форсировать наше сближение. Пусть он лучше пользуется моей неумелостью и тешится моей девственностью, чем попадет под пылкие и страстные ласки любой другой женщины.

– Кстати, о девственности. Неужели получилось?

– А ты сомневалась? Ха! Мне уже третий раз такую операцию делают. Ничего сложного и почти не больно, – поделилась впечатлениями Александра, которой как раз накануне сделали операцию по восстановлению девственной плевы. Ради дела она настояла именно на такой для себя легенде. Но старая полька никак не могла поверить в подобное:

– В наше время о таком кощунстве и подумать боялись. Страшно себе представить, как этим можно обмануть...

– Увы! Теперь двадцать первый век на дворе. Всего лишь девятьсот евро – и самая последняя распутница становится непорочной девой с беременностью на шестом месяце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.